Матеріалы для Исторіи нравственной и экономической культуры XIX вѣка.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО

и

ОБЩЕСТВЕННАЯ ИНИЦІАТИВА

Ю. Г. ЖУКОВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1911.

„Пров 38“

4044
24

Въ виду наступающаго пятидесятилѣтія со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, мы сочли умѣстнымъ перепечатать труды Юлія Галактіоновича Жуковскаго, работавшаго по этому дѣлу не только теоретически, но принимавшаго въ немъ и практическое участіе въ «Отдѣленіи Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія». Опираясь на начинанія Правительства, онъ горячо отстаивалъ въ литературѣ права крѣпостныхъ на землю, удобренную ихъ вѣковыми трудами, на предоставленіе имъ полной свободы на ихъ собственный трудъ, обременяемый непосильными налогами, едва оставлявшими имъ минимумъ для существованія.

Рядъ перепечатанныхъ нами статей по крестьянскому вопросу изъ «Современника» и газеты «Народная Лѣтопись» вполнѣ отражаетъ литературныя теченія того времени, вызванныя реформою въ первые годы ея осуществленія и ту ожесточенную полемику, къ которой вынуждены были прибѣгнуть защитники новаго режима противъ лицъ, тормозившихъ введеніе реформы и пытавшихся испортить положенія 19 февраля.

Статьи по крестьянскому дѣлу перепечатаны нами въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ Января 1863 года изъ «Современника» и съ Марта 1865 года изъ «Народной Лѣтописи» и кончая Современникомъ 1866 года, когда онъ былъ пріостановленъ по Высочайшему повелѣнію.

Статьи «Вопросъ молодаго поколѣнія», не касающіяся прямо крестьянскаго вопроса, приведены нами, такъ какъ были вызваны непосредственною связью реформы съ воспитаніемъ и будущимъ положеніемъ нарастающагося молодаго поколѣнія, которому приходилось воспитываться уже не на счетъ крѣпостнаго труда, а искать въ наукѣ новыхъ путей и знаній болѣе примѣнимыхъ въ жизни и болѣе соотвѣтствующихъ требованіямъ этой жизни, въ которой имъ предстояло пріобрѣтать себѣ средства къ существованію.

Крестьянское дѣло и общественная иниціатива.

Крѣпостная реформа, какъ всякое преобразованіе, задуманное подъ условіемъ постепенности, преобразованіе, которое имѣлось въ виду осуществить избѣгая слишкомъ чувствительнаго нарушенія чьихъ-либо интересовъ, не могла вполнѣ удовлетворить пуризму ни одной изъ общественныхъ доктринъ, высказавшихся въ литературѣ по ея поводу. Она не могла стать строгимъ хозяйственнымъ разсчетомъ, согласнымъ съ требованіями ни отсталой экономической школы, ни болѣе прогрессивной. Въ такомъ видѣ она должна была уступать въ извѣстной мѣрѣ пониманію обоихъ боровшихся направленій, выбрать между ними нѣчто среднее, иначе, остановиться на компромиссѣ. Неизбѣжность такого исхода была ясна съ самаго начала для людей, сколько нибудь знакомыхъ съ обстоятельствами, среди которыхъ приходилось разрѣшаться вопросу. Было видно, что ни одни изъ теоретиковъ не останутся удовлетворенными тѣмъ рѣшеніемъ, которое получитъ вопросъ по крайней мѣрѣ съ формальной стороны. Но такъ какъ сущность дѣла рѣдко выигрывается безъ нѣкоторыхъ пожертвованій, то оставляя въ сторонѣ формальную щепетильность доктрины, оставалось по крайней мѣрѣ пристально вглядываться въ характеръ уступокъ, которыя будутъ признаны неизбѣжными въ пользу той или другой теоріи, слѣдить за частностями самаго компромисса или средняго термина. Въ этомъ отношеніи всякій зналъ также, на какую скользкую почву вступалъ вопросъ. Выборъ средняго рѣшенія между крайностями естественно допускаетъ безчисленное разнообразіе выборовъ, цѣлую пропасть рѣшеній или компромиссовъ. Оставалось знать, который изъ нихъ будетъ выбранъ. Какого рода уступки будутъ допущены въ ту или другую сторону. Могли быть сдѣланы уклоненія въ пользу той или другой теоріи, уклоненія болѣе или менѣе важныя по формѣ; рѣшеніе могло казаться одинаково примиряющимъ обѣ стороны и все-таки склониться на дѣлѣ въ пользу одного изъ направленій; все зависѣло, ясно, отъ

сущности самыхъ уступокъ. Спрашивалось затѣмъ, умѣли ли мы въ самомъ дѣлѣ сколько нибудь оцѣнивать сущность самыхъ уступокъ, знали ли, чего нельзя, что можно, и что неизбѣжно должно быть соблюдено и выполнено въ самомъ компромиссѣ для того, чтобы онъ могъ сколько нибудь соотвѣтствовать цѣли задуманнаго; сознавали ли ясно, что долженъ же былъ быть извѣстный предѣлъ уступкамъ, идти далѣе котораго не позволяла самая сущность дѣла, и на которомъ должны были помириться, во что бы то ни стало, отдѣльные интересы, что этотъ-то предѣлъ и долженъ былъ быть прежде всего выясненъ въ самомъ началѣ дѣла, и быть святъ и обязателенъ для всѣхъ партій? Въ общихъ чертахъ на него указало, пожалуй довольно вѣрно, само названіе, данное этому дѣлу и говорившее не объ освобожденіи крестьянъ, а гораздо опредѣленнѣе объ улучшеніи ихъ быта. Итакъ, за неимѣніемъ болѣе точнаго указанія слѣдовало принять хотя это. Улучшеніе быта крестьянъ должно было стать неизбѣжнымъ условіемъ всего дѣла. Что же, умѣли ли мы по крайней мѣрѣ всегда остаться вѣрными хотя этому неприхотливому указанію, отвести на второй планъ все, что не могло помириться съ этимъ условіемъ, и, уяснивъ ближайшія практическія требованія дѣла, на этомъ основаніи имъ подчиниться? На эти вопросы пусть отвѣтитъ намъ читатель, пусть сознается, не находился ли онъ самъ въ разсужденіи настоящаго вопроса, зачастую въ положеніи публициста Альбертини, который, сказавъ на одной строкѣ одно, имѣетъ обыкновеніе совершенно уже забывать на слѣдующей то, что имъ сказано было выше, и ставить читателя въ рѣшительное недоумѣніе насчетъ своего образа мыслей,—не ставилъ ли теперь въ свою очередь и самъ читатель, подражая г. Альбертини, другихъ въ такое же недоумѣніе, то есть, начавъ съ разговора объ улучшеніи, не заговаривался ли въ теченіе рѣчи о чемъ-то уже совершенно другомъ, забывая вовсе ея начало? Виноватъ ли въ томъ недостатокъ критики или неумѣнье подчиняться ея велѣніямъ иначе, какъ въ силу формальнаго требованія, отъ котораго нельзя не откупиться, ни уйти, но мы не могли, вообще говоря, похвастать особенной понятливостью въ этомъ дѣлѣ:—всѣ усилія со стороны доктринеровъ одной стороны непонять сущности дѣла, пока вопросъ выробатывается въ законъ, и потомъ тѣ же усилія непонять самаго закона, когда онъ готовъ; послѣдовательныя уступки логикѣ, но только послѣ извѣстныхъ прекаяній въ ущербъ общему интересу, и только логикѣ, облеченной въ высочайшее повелѣніе;—послѣдовательные переходы отъ безземельнаго осво-

божденія къ уступкѣ земли за повинность, — отъ надежды остановиться на барщинѣ къ обязательному оброку, и отъ обязательнаго оброка къ обязательному выкупу, и наконецъ... наконецъ, вмѣсто вразумленія, все-таки стойкость въ непонятливости,—еще недосказанные разсчеты, нашептываемыя литературой алармистовъ. Минуло два года со времени изданія положеній 19 февраля, близокъ срокъ для окончанія уставныхъ грамотъ, а мы все-таки не въ состояніи привести безспорныхъ доказательствъ, чтобы въ общественномъ пониманіи окончательно утвердилось сознаніе неизбѣжности тѣхъ требованій, которыя съ самаго начала сказывались въ вопросѣ, и выполненіе которыхъ только и можетъ поручиться за его счастливый исходъ. Напротивъ того, если мы захотимъ призвать въ свидѣтели печатные факты, мы увидимъ вещь весьма грустную, увидимъ, что эти понятія едва ли не далѣе въ настоящее время отъ истины, чѣмъ прежде, что вмѣсто того, чтобы уясняться, онѣ путаются, — увидимъ, что г. Катковъ въ Москвѣ проповѣдуетъ безъ церемоніи батрачество, какъ самый счастливый исходъ, въ то время, какъ другіе молчатъ, вѣроятно, безусловно довольные всѣмъ, что бы ни прошло. Пропало даже прежнее рвеніе и увлеченіе — дѣло какъ будто потеряло интересъ, какъ нѣчто конченное и сданное въ архивъ, и въ этомъ выражается, кончено, послѣдняя степень общественной зрѣлости.

Въ виду такого положенія, мы попробуемъ припомнить, къ какимъ ближайшимъ результатамъ уже приводила послѣдовательно особенная путаница въ понятіяхъ, съ которою мы встрѣтили и провожали развитіе крѣпостнаго вопроса, чтобы показать, возможно ли будетъ здѣсь обойтись безъ дальнѣйшихъ поученій, или можно будетъ забыть даже то, во что какъ будто начинали вдумываться — иначе, займемся характеристикой нашей общественной инициативы по крѣпостному вопросу.

I.

Первыя сомнѣнія.

Съ внѣшней стороны, событія, относящіяся къ этому дѣлу, укладываются въ три послѣдовательныхъ отдѣла: время законодательныхъ работъ, введеніе управленія и предварительное хозяйственное устройство до введенія уставныхъ грамотъ, и наконецъ, ходъ самыхъ грамотъ: о каждомъ изъ этихъ отдѣловъ мы поговоримъ порознь.

Когда правительство объявило, что оно приступаетъ къ уничтоженію крѣпостнаго права, всѣ порѣшили сразу, что это начало болѣе глубокихъ реформъ, что это только одно звено въ ряду, и т. д.

Спрашивается, что же понималось въ то время подъ общей соціальной реформой? Въ самомъ актѣ, заявленномъ законодательной властью, не было, по видимому, ничего еще выходящаго изъ обыкновеннаго ряда явленій. Въ то же время вышло положеніе для крестьянъ Эстляндской губерніи, и изъ этого никто не вывелъ, чтобы затѣмъ долженъ былъ перевернуться весь соціальный строй Эстляндіи. Далѣе, въ законодательной дѣятельности у насъ, кажется, никогда не было недостатка. Сколько мы могли знать, Россія то и дѣло, что преобразовывалась:—достаточно вспомнить, что ближайшее къ намъ тридцатилѣтіе, которое всѣ привыкли считать временемъ полнаго гражданскаго покоя, оставило XX томовъ законодательной дѣятельности во 2-мъ Полномъ Собраніи, т. е. болѣе, чѣмъ осталось отъ двухъ предшествовавшихъ столѣтій взятыхъ вмѣстѣ, и сюда еще не вошли тѣ многотомные труды, которые остались въ формѣ проектовъ и начинаній, не получивъ законодательной силы.

Въ реформахъ, стало быть, не было во всякомъ случаѣ никогда недостатка; нѣкоторыя изъ нихъ были выполнены, для другихъ наступила только теперь очередь, — вотъ значитъ и вся бывшая, повидимому, разница. Мы, наконецъ, видѣли примѣръ уничтоженія крѣпостнаго права на западѣ, безъ того, чтобы черезъ это измѣнилась изъ конца въ конецъ физіономія западной жизни, отчего же все это должно было отразиться у насъ иначе?

Находили къ тому много причинъ; съ одной стороны, были условія, которыя позволяли произвести реформу на болѣе широкихъ началахъ: не было западнаго антагонизма сословій, было больше земли;— съ другой, развязка крѣпостнаго права вынуждалась своими особыми обстоятельствами, которыя не позволяли ей ограничиться канцелярской мѣрой. Но что касается первыхъ отличій, то случайныя затрудненія хотя и были у насъ слабѣе, чѣмъ на западѣ, но все-таки были. Антагонизмъ по крѣпостному вопросу и на западѣ былъ въ сущности не сословный, а чисто хозяйственный, такой же точно существовалъ и у насъ; земли, правда у насъ было больше, но эта земля принадлежала такъ же помѣщикамъ. Однѣ подобныя облегченія не могли, стало быть, еще поручиться за своеобразный исходъ преобразованія, а главное, въ нихъ еще не заключалось готовой мѣрки для постановленія вопроса. Гдѣ же слѣдовало искать этой мѣрки? Въ обществѣ

выставлялась безспорною одна лишь причина реформы—*безнравственность крѣпостныхъ отношеній.*

Отправляясь отъ этого положенія, можно было, конечно, при помощи нѣкотораго критическаго навыка доискаться сущности. Но для людей, непривыкшихъ вообще къ строгому анализу принимаемыхъ ими на вѣру отвлеченностей, положеніе это видимо не могло служить еще мѣркой, по которой они могли бы опредѣлить законодательныя подробности вопроса. Старый порядокъ слѣдовало измѣнить съ трехъ сторонъ: юридической, административной и хозяйственной. Какія перемѣны должны были быть сдѣланы въ этихъ трехъ отношеніяхъ, этого, конечно, общество не могло вывести изъ понятія о безнравственности крѣпостнаго права. Лишь дѣло доходило до подробностей, и общественное мнѣніе становилось на другую точку зрѣнія, надѣясь оградить себя здѣсь отъ матеріальныхъ уступокъ,—на точку зрѣнія *юридическую.* При этомъ оно не понимало конечно, да и многіе до сихъ поръ не понимаютъ, что юридическая точка зрѣнія есть чисто условная, принадлежащая исключительно данному времени и положенію вещей, что она рѣшаетъ вопросъ такъ или иначе, смотря по тому порядку, который существуетъ въ законѣ, никакъ не можетъ противорѣчить закону, пока послѣдній существуетъ, и измѣняется совершенно вслѣдъ за измѣненіемъ закона. Съ этой стороны, юридическій формализмъ долженъ былъ, значитъ, оправдать все, что бы ни было постановлено закономъ, а до этого одинаково противиться нарушенію какъ признаннаго закономъ землевладѣнія, такъ и личнаго крѣпостнаго права.

Отсюда вытекало само собою, что юридическій формализмъ согласный собственно на все, долженъ былъ относиться совершенно безразлично къ вопросу, что если законодательство было вправѣ разорвать крѣпостное право—то оно одинаково могло произвести всякія другія измѣненія въ юридическихъ формахъ, не нуждаясь въ оправданіяхъ со стороны прошедшаго кодекса. Посредствомъ натяжекъ конечно можно было всегда связать какія хотите измѣненія даже со старыми формами, и черезъ это развязать руки законодательству въ вопросѣ со стороны чисто канцелярскаго этикета. Но это, во первыхъ, были бы все-таки натяжки, во вторыхъ, онѣ были бы совершенно излишнія и, въ третьихъ, этимъ путемъ все-таки нельзя было доискаться отвѣта, что и какъ слѣдовало сдѣлать. Критеріумъ вопроса долженъ былъ видимо находиться гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Гдѣ-же? Очень просто, если реформа касалась не одной юридической стороны, а адми-

нистративной и хозяйственной, то ключъ къ ней могъ заключаться лишь въ тѣхъ условіяхъ, изъ которыхъ вообще вырабатывается внутренній политическій бытъ, которыми двигается исторія, и которыми слагаются собственно юридическія и административныя формы. Условія эти извѣстны, онѣ экономическія или хозяйственныя, и въ нихъ только, конечно, законодательство могло найти настоящую мѣрку для систематической постановки вопроса. Для того, чтобъ опредѣлить ее, слѣдовало, стало быть, выяснить прежде всего то хозяйственное положеніе, въ виду котораго приступалось къ дѣлу. Отсюда могло сказаться само собою все, что необходимо было сдѣлать, а также обнаружилось бы, что необходимыя перемѣны не имѣли значенія одного облагодѣтельствованія крестьянъ, а были неизбѣжны въ видахъ общаго положенія и этимъ бы покрылись разъ навсегда всѣ юридическія пререканія. И такъ станемъ допрашивать хозяйственныя отношенія. Укажемъ только вѣрно тѣ хозяйственные факты, къ которымъ относилось начало дѣла, и увидимъ, что они сами разскажутъ намъ, въ чемъ заключалась загадка.

За этими фактами также ходить далеко нечего. Они были у всѣхъ подъ рукою и даже весьма тѣсно вязались съ представленіемъ о безнравственности крѣпостныхъ отношеній, которое выставлялось всѣми на видъ. Читатель, не привыкшій даже наблюдать мѣстную жизнь иначе, какъ чужими глазами, могъ замѣтить ту безнравственную роль, которую въ нихъ давно игралъ русскій человѣкъ, изъ которой онъ не имѣлъ никакихъ средствъ выбиться; въ ней онъ или коптилъ безъ зазрѣнія совѣсти небо, или шарлатанилъ на всѣ лады, или ходилъ какъ надорванный и искалъ труда, въ то время какъ дороги для труда нигдѣ не было. Мы хотимъ сказать, что всѣ факты, изъ которыхъ выходила прямо реформа, относились къ тому положенію, въ которомъ находился трудъ. Трудъ мельчалъ систематически, уступая мѣсто сдѣлкамъ съ совѣстію, которыя привыкло поддерживать общественное мнѣніе,—и въ этомъ состояло первое зло, изъ котораго слѣдовало выбраться. Да и какъ могло быть иначе: если крѣпостное право было безнравственно, то оно деморализировало; если оно не ограничивалось тѣснымъ кругомъ помѣщичьихъ имѣній, то и деморализація должна была быть общею; если оно называло себя воплощенной праздностью, то источникъ общей деморализаціи слѣдовало искать въ упадкѣ труда.

Поэтому, все, что жило среди крѣпостныхъ условій, дѣйствовало въ смыслѣ убыли труда. Проходимъ послѣдовательно всѣ положенія

и вездѣ отыщемъ то же. Простой трудъ—это была безсрочная крѣпость и полуголодъ для крестьянина и ремесленника, да почти то же и для всѣхъ неимущихъ,—отъ 3-хъ руб. до 60 коп. въ мѣсяцъ рабочей платы чиновнику, вдвое прислугѣ и въ десять разъ больше фигуранткѣ—исходъ былъ затруднительный. Приэтомъ не разбиралось конечно положеніе женатыхъ отъ холостыхъ. Мѣсто женщины было чистою синекурою, внѣ синекуры ей почти не было угла, между тѣмъ устройство труда было таково, что онъ едва прокармливалъ мужа, чѣмъ же кормилась жена? а вотъ разсчетъ очень простой,—одна незначительная уступка тому, что называлось житейскими требованіями, приносила иногда болѣе чѣмъ годы работы, и такъ все необезпеченное клонилось къ такимъ уступкамъ—это называлось конкурренціей.

Къ этой долѣ людей, выбивавшихся изъ своего положенія случайными путями, примыкало цѣлое общество, избавленное отъ ежедневной думы о насущномъ кускѣ. Огромный % населенія всѣхъ состояній отъ высшихъ до низшихъ поглощался службой. Военныя надобности брали у труда значительное число работниковъ, поглощали постоянно двѣ трети текущаго бюджета—одну треть на свои насущныя надобности, другую на оплату старыхъ военныхъ долговъ, и кромѣ того войско содержалось все-таки еще на счетъ земства.—Бюрократія брала послѣднюю треть. Наконецъ становились помѣщики и откупщики, которые, отвѣчая за исправное снабженіе фиска деньгами, стягивали за то весь свободный доходъ земства въ свои руки, оставляя лишь то, что было необходимо для поддержанія рабочей силы.

Изъ такого положенія вещей выходило, что все, что только могло, бѣжало труда, и онъ остался удѣломъ только тѣхъ, кому уйти было некуда. Трудился крестьянинъ, который не могъ уйти въ степи, ремесленникъ, который былъ слишкомъ непредпріимчивъ, чтобы не остаться честнымъ, прачка, которая не была достаточно ловка и привлекательна, чиновникъ, который не былъ довольно смѣтливъ. Итакъ все, что могло, избѣгало труда, а то, что продолжало трудиться, или спивалось съ горя, или приходило къ совершенному нравственному отупѣнію. Счастливъ былъ тотъ, кто избѣгалъ этой альтернативы.

Таковъ былъ порядокъ, осужденный однимъ приговоромъ о безнравственности крѣпостнаго права.

Съ каждымъ годомъ общество считало новыхъ бѣглецовъ, между тѣмъ траты росли и въ частной и въ внѣшней сферѣ, а праздныя руки не возвращались вовсе къ труду.—Промотавшійся баринъ шелъ

на казенное содержаніе за мнимую службу, становился нахлѣбникомъ, и т. д.

Привычка роскоши вкоренялась все болѣе въ нравахъ, начиная отъ самаго знакомства съ Европой, между тѣмъ какъ, напримѣръ, способъ обработки земли остался тотъ же, какой былъ при Алексѣѣ Михайловичѣ. Роскошь наконецъ стала деспотомъ: она приказывалась. Помѣщики заложили имѣнія, т. е. запродали на 30 лѣтъ треть и болѣе ренты, чтобы потратить ее непроизводительно, съ крестьянъ было давно взято все; все, что можно, пополнить недоставившую часть дохода—было неоткуда; ограничить траты оказалось еще труднѣе,—имѣнія были близки къ тому, чтобы пойти съ молотка—они и шли уже. Тутъ фискъ оплатилъ страшную войну тремя стами милліонами внутренняго долга. Положеніе дѣлъ тяготѣло ясно къ перевѣсу тратъ надъ производительными средствами, т. е. къ общей несостоятельности. Понятно ли, въ чемъ заключался ребусъ? Чтобы избѣжать критическаго положенія, нужно было, во чтобы то ни стало, поднять производительность страны, и поднять ее не было другаго средства, какъ оставить извѣстный свободный доходъ въ рукахъ крестьянъ, который могъ бы примѣниться къ новому выгодному производству. Этого же нельзя было сдѣлать не покончивъ съ крѣпостнымъ правомъ, потому что оно, вмѣстѣ съ откупами, поглощало неминуемо всю ренту до тла съ крестьянскихъ земель.

Вотъ почему мало еще было уничтожить крѣпостное право юридически, какъ безнравственное, а нужно было еще при этомъ соблюсти тѣ хозяйственныя условія, которыя обезпечили бы на будущее время возможность болѣе раціональнаго хозяйственнаго порядка, т. е. поднять трудъ и обезпечить его производительность, что одно могло высвободить общество изъ того крайняго хозяйственнаго разстройства, къ которому привела его явно развивавшаяся систематическая праздность и безнравственность существованія на счетъ чужаго продукта.

Первымъ шагомъ къ такому дѣлу должна была быть крестьянская реформа. Выполнить всѣхъ его требованій она, конечно, не могла, и мы сказали уже, по какимъ причинамъ, но теперь было ясно по крайней мѣрѣ, какія требованія она должна была выполнить, во что бы то ни стало.

Съ этой точки зрѣнія все дѣло реформы получало извѣстную систему и не рвалось болѣе на множество разнорѣчивыхъ начинаній, при неизвѣстности, которое изъ нихъ нужнѣе. Эта точка зрѣнія да-

вала готовую мѣрку и критеріумъ для резрѣшенія дальнѣйшихъ подробностей. Вмѣстѣ съ симъ постигалось и то, наконецъ, что щедроты, о которыхъ шла рѣчь, были одинаково необходимы, какъ благодѣтельствуемымъ, такъ и самимъ благодѣтелямъ.

Допрашиваемъ теперь литературу и общественное мнѣніе—и не найдемъ нигдѣ чего либо подходящаго къ высказанному взгляду, а развѣ одно недовольство, одно указаніе на общую деморализацію. Но сколько эта деморализація вязалась въ свою очередь въ понятіяхъ съ безнравственностію крѣпостнаго права, и это даже рѣшить трудно. Общество представлялось для большинства скорѣе просто испортившимся и развратившимся такъ, Богъ знаетъ почему, въ силу грѣховной природы. Были для него и хорошіе совѣты и здравыя теоріи, въ которыхъ раскрывался свѣтъ нравственной истины, но оно увлеклось злыми прихотями и повторило въ сотый разъ исторію паденія. Отсюда думали достаточнымъ повторить ему еще разъ книгу нравственнаго закона или прочесть мораль.—Это была гласность.

Гласность опозорила нѣкоторыя положенія, наложила клейма на уѣздныхъ чиновниковъ и остановилась за тріумфальными воротами. Понять конечно, что разбирать личныя положенія было вовсе не къ чему, потому что всѣ положенія были одинаково несостоятельны, она не могла. Она была вѣнцомъ дѣловой стороны беллетристики, ждать отъ нея поэтому умѣнья восходить отъ слѣдствій къ причинамъ, отъ случайностей къ сущности было бы слишкомъ много.

За тѣмъ, та часть общества, которая жила только ея уроками, относилась къ дѣйствительнымъ реформамъ очень глухо и неопредѣленно. Убѣждена она была въ одномъ, что дѣла идутъ дурно. Относительно перемѣнъ она сознавала только, что нужны перемѣны; если у нее спрашивали, какія, она становилась въ тупикъ и указывала на западъ. Не яснѣе отвѣчала на эти вопросы и остальная болѣе компетентная литература.

Старый политическій факультетъ давно рѣшилъ, послѣ долгихъ изысканій надъ смысломъ русской задачи, что Россія сфинксъ. Этой египетской метафорой, приравнивая себя нулю, онъ выражалъ какъ нельзя яснѣе свое ничтожество передъ величіемъ русскаго вопроса въ исторіи. За тѣмъ, какъ и что должно было быть сдѣлано нами въ этой исторіи, это, по его мнѣнію, должна была рѣшить уже сама по себѣ, какъ знаетъ, русская кровь. Для отвѣта же тѣмъ, которые сомнѣвались не только въ томъ, ведетъ ли насъ эта кровь къ великой цѣли, но даже ведетъ ли просто куда нибудь и въ состояніи ли

мы двигаться, въ запасѣ факультета былъ неопровержимый фактъ: въ какой-то сказкѣ невѣдомый богатырь сидѣлъ сиднемъ тысячу лѣтъ, и когда наконецъ двинулся, то земля задрожала подъ его ногами. Послѣ такого рѣшенія, народная задача и всѣ реформы разрѣшались очень просто,—нужно было сидѣть, досидѣть до тѣхъ поръ, пока не отрастутъ ноги, и тогда начать потрясать преисподнюю.

Не много дальновиднѣе оказывалась и болѣе юная публицистика. Рѣчь все шла о томъ же богатырѣ, вопросъ былъ въ томъ, какъ бы заставить его сдвинуться, потому что оказывалось, какъ будто ноги еще не отросли.

Для однихъ зло заключалось въ томъ, что богатырь сидя сиднемъ какъ-то оторвался отъ почвы, другіе, понимая, что это вздоръ, утверждали, что дѣло состоитъ только въ дружномъ напорѣ, спорили, какъ лучше бить, горизонтально или вертикально, и куда именно. Третьи предлагали распотрошить ему внутренности и положить туда книгу Гнейста; наконецъ, самые умные надоумливали вовсе не трогать, потому что богатырь, какъ богатырь въ сказкѣ, темной ночью которая у него въ глазахъ, готовъ перебить дѣтей своихъ, потому, что видитъ на нихъ чужое платье.

Кто-то сжалившись догадался крикнуть наконецъ, что *дѣло просто состоитъ въ кускѣ хлѣба.*

Отъ этихъ скверныхъ словъ готовились выносить святыхъ, поднялся плачь, что въ жизни ничего не хотятъ видѣть, кромѣ матеріализма, въ народной задачѣ ничего, кромѣ сытости, въ человѣкѣ, кромѣ эгоизма. —

Такъ вмѣсто того, чтобы отъ нравственнаго начала нисходить къ постановкѣ вопроса на хозяйственныхъ основаніяхъ и такимъ образомъ дать дѣлу ту реальную почву, которой требовала его сущность, искали этой почвы то въ смазныхъ сапогахъ и трудахъ археографической коммиссіи, то у Гнейста, то въ школьныхъ средствахъ матеріальнаго понукательства. Вмѣсто того, чтобы искать въ народной статистикѣ настоящихъ указаній на тѣ недостатки, которые придавали безнравственный и мертвый характеръ всему быту, литература проходила мимо и отклоняла взгляды въ другую сторону, менѣе грубую и вещественную, поддерживая праздное отношеніе къ вопросу и между практическими элементами общества.

Узконаціональные политики и патріоты, видѣвшіе въ крѣпостномъ правѣ существенное основаніе политическаго могущества Россіи, полагали и теперь, что все дѣло состояло только въ томъ, чтобы

бросить Европѣ театральную афишку. Во владѣльческой сферѣ, одни смотрѣли на начало перемѣны, какъ на чистую прихоть, другіе, — какъ на дѣло юридическаго этикета, самые дальніе, — какъ на дѣло человѣколюбія. Для рѣшенія же чисто-поземельной стороны вопроса была поднята теорія self-government'а, приложенная къ экономіи—знаменитое «laissez-faire»; сказали: оставьте правительство взимать налоги и расточать милости, но ради Бога пусть оно дастъ вамъ самимъ заняться своими дѣлами. Если оно не можетъ забыть васъ совершенно, то пусть думаетъ какъ можно менѣе о васъ; его намѣренія всегда хороши, но есть предѣлы, за которыми все, что оно поощряетъ, — бездѣйствуетъ, все, что оно силится направить, — идетъ дурно!... Понимаете ли, какъ кстати подходили подобные афоризмы?

Какъ нарочно, будто для того, чтобы дать случай убѣдиться на практикѣ въ состоятельности ученія, тутъ же былъ закрытъ казенный кредитъ.—Это вѣдь значило предоставить обращеніе капиталовъ собственнымъ ихъ средствамъ. Подняли акціонерную горячку, ринулись въ биржевой ажіотажъ, надоѣли всѣмъ скандалами и разорились.

Былъ, кажется, удобный случай убѣдиться въ достоинствѣ теоріи. Нѣтъ, она щеголяла съ лицевой стороны все-таки либерализмомъ, который давалъ возможность ея приверженцамъ куда не заноситься, чего не требовать: и присяжныхъ, и шерифовъ, и свободы слова, мы чуть было не сказали — конституцію, и подъ покровомъ всего этого подготовлять крестьянамъ батрачество.

Чего же мы ждали отъ общества, когда вотъ что говорила теорія?

Въ суммѣ, оно рѣшительно не знало, чего отъ него требовали.

Съ одной стороны—ему говорили, что оно должно исправиться, и читали мораль; отсюда выводили, что оно должно отказаться отъ крѣпостнаго права, потому что это право безнравственно; — хорошо, оно соглашалось, но далѣе говорили ему, что оно должно уступить крестьянамъ землю на условіяхъ, которыя опредѣлитъ законъ — оно опять согласилось. Съ другой стороны, ему подносили теорію конкурренціи, изъ которой выходило, что законъ не долженъ ни во что вмѣшиваться. Кого же приходилось слушаться?

Конечно, такая бѣдность пониманія не могла пройти безъ слѣда для дѣла. Оставимъ другимъ толковать о разности словъ и дѣла, въ настоящее время намъ предстоитъ указать весьма ощутительный признакъ этой связи.

Вопросъ былъ еще на полдорогѣ отъ своего рѣшенія законодательствомъ, а между тѣмъ экономическіе взгляды, пущенные изъ ино-

странныхъ учебниковъ, безъ малѣйшаго критическаго смысла, уже связывали ему, какъ мы видѣли, руки. Первымъ шагомъ къ тому была навязанная нашимъ финансамъ система частнаго кредита. Правительство склонилось на эту мѣру, среди затрудненій фискальнаго вопроса; съ этой стороны она, можетъ быть, и казалась другимъ выгодною. Но главный вопросъ былъ не въ положеніи финансовыхъ операцій казны, а въ реформѣ, которая подступала съ каждымъ днемъ все ближе и ближе, и съ этой стороны, уничтожая систему казеннаго кредита, который требовалось напротивъ разширить, сколько было возможно, именно въ это время, правительство связывало себя въ главномъ вопросѣ и подготовляло болѣе сложную систему его разрѣшенія. Понять это не трудно. Мы не станемъ настаивать уже на томъ, что система казеннаго кредита состоятельнѣе вообще какъ система: объ этомъ спорятъ и пусть спорятъ; намъ дороги здѣсь безспорныя данныя. Вспомнимъ только, въ чемъ заключалась главная трудность вопроса; а заключалась она конечно въ противуположности двухъ хозяйственныхъ интересовъ, крестьянскаго и помѣщичьяго, которые явно не могли быть соглашены закономъ на новыхъ условіяхъ безъ нѣкоторыхъ потерь. Потери эти должны были пасть на землевладѣльческій классъ, и сущность ихъ должна была заключаться въ отмѣнѣ обязательнаго труда, который слѣдовало замѣнить вольнонаемнымъ. Если въ этомъ заключались главныя затрудненія, то понятно также, что первое, въ чемъ нуждались помѣщики и что могло успокоить ихъ опасеніе, было присутствіе кредита, который открылъ бы имъ доступъ къ капиталамъ, необходимымъ на первое время для переустройства хозяйствъ.

Вотъ все, въ чемъ они нуждались и на что имѣли право разсчитывать.

Съ этой стороны очевидно, въ какой зависимости находились и самыя подробности будущаго закона отъ большей или меньшей наличности кредитныхъ средствъ. Существуй кредитъ, и гарантія барщинской повинности не представлялась бы болѣе настоятельною, были бы излишними и другія условія относительно оброка и выкупа, которыя могли казаться теперь нужными для облегченія помѣщиковъ черезъ продолженіе переходнаго срока и возвышенныя оцѣнки. Здѣсь, пожалуй, напрасно спорить о томъ, въ какой степени можно было вполнѣ замѣнить выкупъ кредитомъ; но самые ревностные сторонники выкупа, конечно, не отвергнутъ того, что присутствіе кредита позволило бы устроить выкупъ по другимъ поземельнымъ оцѣн-

камъ, чѣмъ теперь, и слѣдовательно замѣнило бы выкупъ во всякомъ случаѣ, на сколько нибудь, — а это было крайне важно не только потому, что облегчало крестьянъ, но и потому еще, что при другихъ оцѣнкахъ выкупъ состоялся бы по крайней мѣрѣ дѣйствительно въ пользу помѣщиковъ, когда какъ иначе, сосредоточивая все обезпеченіе помѣщиковъ въ выкупѣ, законодательство заставляло послѣднихъ продавать по рыночной цѣнѣ выкупныя свидѣтельства, которыя крестьянинъ долженъ все-таки оплатить сполна, такъ что извѣстная доля выкупной ссуды, должна доставаться собственно аферистамъ.

Въ итогѣ, значитъ, теорія частнаго кредита заставляла проигрывать какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ. Вотъ въ какое положеніе былъ поставленъ вопросъ въ 1861 г. экономическими теоріями, которыя думали служить землевладѣльцамъ.

Обращаясь теперь къ законодательному ходу дѣла, повѣримъ на дѣлѣ только что сказанное.

Прежде всего, понятіе о self government'ѣ не осталось безъ вліянія и на самую форму, которая была принята для рѣшенія вопроса. Съ самаго начала были возможны двѣ системы для веденія дѣла: одна рѣшительная и скорая, другая болѣе мягкая и постепенная. Можно было поставить вопросъ сразу передъ обществомъ со всѣми его требованіями. Этотъ образъ дѣйствія вытекалъ, кажется, прямо изъ характера нашего государственнаго устройства, отвѣчалъ духу прежнихъ преобразованій и облегчался нѣкоторыми преимуществами нашего быта передъ западнымъ; эти условія заставили Times даже позавидовать обществамъ, подобнымъ нашему, и утверждать, что они пользуются преимуществомъ засыпать среди одного порядка и просыпаться назавтра среди обстановки, которая въ другихъ мѣстахъ дается долгимъ временемъ. Наконецъ, эта система въ глазахъ политиковъ имѣетъ еще другія существенныя преимущества. Ставя передъ лицемъ общества сразу всѣ требованія и указывая на всѣ пожертвованія, которыя неизбѣжны, она не допускаетъ ничего сомнительнаго, глухихъ разсчетовъ и надеждъ. Общество знаетъ заранѣе, чему оно должно подчиниться, имѣетъ всю возможность подготовиться къ наступающей перемѣнѣ, и потому въ концѣ-концовъ легче выноситъ тѣ же самыя пожертвованія сразу, чѣмъ по мелочамъ.

На этомъ основаніи и теперь иные стояли за этотъ планъ дѣйствія, другіе, напротивъ, видѣли въ немъ свои невыгоды, называли его несовременнымъ, совѣтывали держаться болѣе общественной инціативы въ его разрѣшеніи,—словомъ, пускали въ ходъ всѣ старыя

буржуазныя штуки, которыми защищается на западѣ законодательная инерція. Соображая вѣроятно выгоды и невыгоды той и другой системы, правительство хотѣло повидимому воспользоваться отчасти тѣмъ и другимъ порядкомъ.

Но предположивъ даже, что начало общественной иниціативы, той степени, въ какой оно было въ настоящемъ случаѣ допущено правительствомъ, не могло воспрепятствовать ему по формѣ положить категорическій предѣлъ всѣмъ сомнѣніямъ въ ясной буквѣ закона, теперь должны были найтись къ тому препятствія въ самой сущности дѣла.

Рѣшительная развязка, если она и была возможна въ началѣ, теперь становилась очень сомнительною, вслѣдствіе отсутствія кредита, которое становилось поперекъ дороги всякому смѣлому дѣйствію и вызывало другой планъ, болѣе осторожный и медленный.

Конечно, уступки отсталой теоріи, которыя найдены были необходимыми, оказались не столь настоятельными, какъ думали, но тѣмъ не менѣе пренебречь ими считалось теперь невозможнымъ, нужно было успокоить чѣмъ нибудь помѣщиковъ, а это успокоеніе за отсутствіемъ кредита могло произойти только на счетъ болѣе или менѣе продолжительной развязки.

Отсюда вылился самъ собою планъ положенія во всей его подробности — *планъ освобожденія крестьянъ со всей возможной постепенностью.* Юридическую и административную свободу крестьяне получили почти непосредственно, за то хозяйственную самостоятельность они пріобрѣтали только послѣдовательными переходами отъ одного вида обязательныхъ отношеній къ другому, черезъ извѣстные сроки. Этотъ порядокъ былъ разсчитанъ и подробно опредѣленъ на одномъ общемъ соображеніи. Полагали, что, если крестьяне будутъ имѣть возможность разрѣшить сразу свои отношенія къ помѣщику, то хозяйства останутся вдругъ безъ рукъ; отсюда заключали, что если пользованіе надѣломъ не будетъ на извѣстный срокъ обязательно, то крестьяне бросятся на казенныя земли; если помѣщикамъ не будетъ оставлена на извѣстный срокъ барщина, то крестьяне повально потребуютъ оброка, или также выкупа. При этомъ упускалось изъ виду одно существенное возраженіе, которое было впослѣдствіи указано самимъ дѣломъ: это то, что въ имѣніяхъ исключительно издѣльныхъ, которыя составляли главную массу и которыхъ только могли касаться вышеизложенныя опасенія, всякій денежный вопросъ, при отсутствіи заработковъ и привычкѣ въ крестьянахъ къ пріобрѣтенію денежныхъ

средствъ, былъ столь же для нихъ новъ и труденъ, какъ и система вольнонаемнаго труда для помѣщиковъ тѣхъ же имѣній; а потому, съ одной стороны, здѣсь не могъ совершаться съ такой быстротой ни переходъ на оброкъ, ни выкупъ, съ другой; нуждаясь для этого въ деньгахъ, не привыкшіе къ заработкамъ на сторонѣ, крестьяне невольно стали бы искать ихъ на мѣстѣ,—что обезпечило бы помѣщикамъ готовыя вольнонаемныя руки по умѣренной цѣнѣ, или въ зачетъ самаго оброка или выкупныхъ платежей. Но о такихъ соображеніяхъ въ то время никто не думалъ. И такъ, система положеній прежде всего хотѣла обезпечить помѣщикамъ руки. Съ этой цѣлью, во-первыхъ, удержана была барщина на два года; далѣе, нормы оброка опредѣлены не на основаніи поземельной ренты, а примѣняясь къ существующимъ оброкамъ въ оброчныхъ мѣстностяхъ, и за тѣмъ тѣ же нормы распространены на имѣнія земледѣльческія; выкупъ разсчитанъ по капитализаціи тѣхъ же оброчныхъ платежей, обусловленъ немедленнымъ взносомъ 20% выкупной суммы, на которые не распространена ссуда, и сдѣланъ обязательнымъ для помѣщиковъ только въ разсужденіи однѣхъ усадьбъ. Все это видимо клонилось къ тому, чтобы и послѣ обязательнаго срока барщины дать возможность въ издѣльныхъ имѣніяхъ совершиться выкупу не такъ быстро и тѣмъ гарантировать помѣщикамъ руки. На основаніи данной формулы для оцѣнки земли, на случай выкупа, каждый издѣльный помѣщикъ могъ даже приблизительно опредѣлить, ранѣе какого срока крестьяне не должны приступать по настоящему къ выкупу—это именно было немыслимо ранѣе, чѣмъ мѣстныя цѣны на земли могли сравняться съ выкупными оцѣнками.

Вотъ тѣ соображенія, на которыхъ построена система положеній по хозяйственному вопросу.

Осуществленіе главнаго требованія, т. е., обезпеченія свободнаго дохода въ рукахъ крестьянъ, въ ней отдѣлялось и подчинялось извѣстной постепенности съ цѣлью оградить помѣщиковъ по возможности отъ значительныхъ и быстрыхъ потерь. Этимъ, кажется, было сдѣлано болѣе, чѣмъ послѣдніе въ правѣ были ожидать. Но понятно, что сдѣланное въ ихъ пользу было условной льготой, что вся система такимъ образомъ была основана на строгихъ юридическихъ и хозяйственныхъ разсчетахъ, а усложнялась отступленіями отъ этихъ разсчетовъ, созданными сознательно и въ особыхъ видахъ.

Упустить эту условную сторону новаго закона въ дальнѣйшемъ развитіи вопроса на практикѣ значило бы упустить изъ виду сущ-

ность всего дѣла. Но вотъ, эту-то самую существенную и вмѣстѣ условную сторону положеній труднѣе всего было усвоить себѣ неподготовленному обществу, привыкшему вчитываться не въ духъ закона, а въ его букву.

Не замѣчая сознательныхъ уклоненій отъ чисто экономическихъ основаній, допущенныхъ временно въ ихъ пользу, помѣщики смотрѣли на принятыя здѣсь основанія, какъ на безусловно вѣрныя нормы хозяйственнаго разсчета. Съ одной стороны, они думали, что крестьяне такъ же жадно бросятся теперь на оброкъ или выкупъ, какъ еслибы оцѣнки были сдѣланы вдвое ниже, съ другой, не сообразили, что уклоненія, допущенныя лишь подъ извѣстнымъ условіемъ, могутъ быть признаны закономъ только въ виду этого условія, т. е., что если положенія допускали извѣстныя стѣсненія въ нормахъ оброка крестьянъ подъ условіемъ, что онъ будетъ умѣрять ихъ стремленія къ выходу на оброкъ, или выкупъ, то этимъ положенія не хотѣли вовсе сдѣлать этихъ нормъ обязательными для крестьянъ на случай, если дѣло получитъ другой оборотъ и требованія о переходѣ на оброкъ будутъ уже не со стороны крестьянъ, а со стороны помѣщиковъ. Еще менѣе могли они понять, что всѣ эти нормы и постановленія, какъ чисто условныя, могли быть измѣнены впослѣдствіи закономъ подъ вліяніемъ измѣнившихся обстоятельствъ и требованій.

Отсюда вышло, что когда появились положенія, общество привѣтствовало ихъ полной разноголосицей мнѣній, изъ которыхъ ни одно не оказалось вѣрнымъ.

Одни брали въ разсчетъ свой прежній доходъ и сравнивали съ нимъ одинъ доходъ по положенію съ надѣла, забывая землю, остающуюся за надѣломъ, или сравнивая сумму повинности до положеній съ повинностью по положеніямъ, забывая, что въ прежнее время повинность достигала иногда 6 дней въ недѣлю, что вся цѣль положеній состояла въ уменьшеніи повинности и что наконецъ съ помѣщиковъ за то слагалась отвѣтственность за подати, а на крестьянъ накладывались еще расходы по управленію. Другіе, не заглянувъ хорошенько въ подробности закона, просмотрѣли только таблицы надѣла и повинностей, и рѣшили, что дѣло еще не такъ плохо: кромѣ того что барщина оставлялась на два года, оказывалось, что земля оцѣнена очень выгодно, оброкъ хорошъ повсемѣстно, такъ что многіе съ ироніей замѣчали, оправившись отъ опасеній, что крестьянамъ было бы выгоднѣе, если бы ихъ освободили безъ земли. Третьи, наконецъ, видѣли, съ одной стороны, преувеличенныя ожиданія крестьянъ, съ

другой, толки о высокой оцѣнкѣ повинностей и недовѣрчиво глядѣли впередъ. Особенно страннаго конечно ничего не должны были обнаружить впереди обстоятельства, но во всякомъ случаѣ указанное непониманіе обществомъ чисто условной стороны положеній не представляло само по себѣ также ничего особенно утѣшительнаго; въ немъ-то мы найдемъ ключъ къ разъясненію всѣхъ мелкихъ недоразумѣній и подробностей, составляющихъ дальнѣйшую исторію этого дѣла.

Что за тѣмъ послѣдовало въ дѣйствительности на первыхъ порахъ, это конечно всѣ знаютъ, но что послѣдовавшее было именно слѣдствіемъ общаго непониманія, а непониманіе слѣдствіемъ некатегоричной постановки вопроса, это, можетъ быть, еще до сихъ поръ для нѣкоторыхъ тайна, тѣмъ не менѣе оно такъ. Все дурное вышло изъ того, что лица, наиболѣе заинтересованныя въ вопросѣ, не были еще вполнѣ убѣждены, что бытъ крестьянъ долженъ быть во чтобы то ни стало улучшенъ. Они не прочли вполнѣ вразумительно этого рѣшенія въ положеніяхъ. Мы знаемъ, что односторонніе толки хотѣли видѣть источникъ различныхъ прекаканій не въ одномъ непониманіи, и мы пожалуй готовы будемъ еще согласиться, что самое непониманіе обусловливалось иногда чувствомъ личнаго интереса, но никто конечно не признаетъ во всемъ этомъ чего либо похожаго на открытую оппозицію. Если были случаи безсмысленнаго прекословія закону, то они составляли лишь рѣдкія явленія, которыя не могли бросать тѣни на цѣлое. Въ общемъ русскій собственникъ конечно не думалъ объ оппозиціи, точно такъ же, какъ не думалъ объ ней и крестьянинъ. Для того, чтобъ думать о ней, нужно было разсчитывать на какую либо силу, а этой силы, всякій знаетъ, не было. Если же нельзя было избѣжать совершенно отдѣльныхъ примѣровъ грубой отсталости, то они были обыкновенными полицейскими уклоненіями отъ закона, и потому на нихъ почти не стоило бы указывать.

Съ другой стороны, крестьяне были напротивъ глубоко убѣждены трехлѣтними толками объ улучшеніи ихъ быта, что послѣдній долженъ во что бы то ни стало улучшиться положеніями, и это убѣжденіе, какъ нельзя больше, вязалось съ простотою крестьянскаго взгляда на вещи вообще.

Народъ былъ чуждъ, конечно, юридическихъ понятій, которыми защищалось сначала отъ хозяйственныхъ уступокъ общество; для того, чтобы имѣть понятіе о правѣ, нужно было имѣть по крайней мѣрѣ какія нибудь права, а мы сами же говорили, что только теперь призываемъ его къ гражданской жизни.

Наконецъ, и такъ называемый юридическій взглядъ общества, если поразобрать его немного, оказывался юридическимъ лишь на столько, на сколько въ немъ защищались старыя хозяйственныя формы. Послѣ этого было естественно, конечно, и крестьянамъ ограничиваться съ своей стороны чисто хозяйственнымъ пониманіемъ дѣла. Выражали они его только инымъ языкомъ, чѣмъ общество—вотъ въ чемъ и вся разница.

Если общество говорило словами учебниковъ римскаго права, то народъ выражалъ свои взгляды спроста. Онъ не видѣлъ поэтому въ крѣпостномъ правѣ исторически необходимаго условія, при которомъ сплотилось государство, въ его отмѣнѣ постепеннаго шага на полѣ законности, ограниченнаго кругомъ живыми остатками прошлаго. Онъ понималъ крѣпость, какъ несчастье, за которымъ должно придти рано или поздно избавленіе. Не трудно понять также, что понималъ онъ подъ избавленіемъ. Подъ несчастьемъ разумѣлъ онъ свою экономическую бѣдность, — подъ избавленіемъ экономическое довольство, т. е. по крайней мѣрѣ землю безъ тягла. Съ такимъ взглядомъ не сходилось, конечно, никакое представленіе о постепенности, обусловленной историческими причинами и понятной только тому, кто знакомъ съ наукой, различающей эти условія. Избавленіе, какъ избавленіе, въ его глазахъ могло придти только полное, явиться, какъ deus ex machina. Вотъ сущность его взгляда, его pia desideria. Мы пойдемъ весьма далеко, согласимся, что выражая такой взглядъ, народъ еще менѣе понималъ положенія, чѣмъ помѣщики, и ждалъ отъ нихъ болѣе, чѣмъ слѣдовало. Но онъ имѣлъ на своей сторонѣ тѣ извиненія, которыхъ мы не имѣли—спрашиваемъ, гдѣ бы онъ могъ научиться другому взгляду. Вспомнимъ, что были мѣста, гдѣ онъ получилъ положенія только спустя мѣсяцъ послѣ манифеста, что нужно было быть по крайней мѣрѣ грамотнымъ, чтобы прочесть положеніе, что среди 22-хъ милліоновъ населенія были такіе, для которыхъ русскій языкъ былъ вообще непонятенъ, были финны, латыши, жмудь и литва. Для разъясненія имъ положеній нужно было перевести послѣднія на мѣстныя нарѣчія, и этого перевода приходилось ждать; между тѣмъ, въ этомъ ожиданіи народъ долженъ былъ оставаться при самыхъ смутныхъ понятіяхъ о новой волѣ.

Не смотря на то, и тутъ даже его первыя сомнѣнія выразились лишь тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне, искавшіе прежде свободы, возобновили свои иски и на замѣчаніе, что они теперь и безъ того свободны, отвѣчали: то свобода по манифесту, а мы хотимъ настоящей...

И вотъ тутъ-то въ самую критическую минуту, когда двумъ классамъ приходилось дѣлить свои интересы, и когда каждый изъ нихъ, какъ оказывалось, говорилъ особымъ непонятнымъ нарѣчіемъ, когда каждый выписывалъ изъ положеній не то, чего требовала сущность, а то, что ему казалось возможнымъ вычитать цѣпляясь за букву, въ эту минуту опять не оказалось на лицо категорическаго объяснителя, и это заставило окончательно розыграться недоразумѣнія въ драму. Не было на лицо достаточно внушающей власти, которая пользуясь одинаково довѣріемъ обоихъ сословій, могла бы умиротворить и разъяснить сомнѣнія при самомъ ихъ началѣ. Оказались на мѣстахъ только члены уѣздной администраціи, въ которыхъ крестьяне извѣрились, да командированные чиновники, лица совершенно незнакомыя мѣстному населенію, которыхъ оно поэтому и принимало за переодѣтыхъ помѣщиковъ.

II.

Открытіе управленія и вопросъ о барщинѣ.

Образованіе особой администраціи по крестьянскимъ дѣламъ должно было начаться съ открытія губернскихъ присутствій, которыя уже должны были приступить къ настоящимъ работамъ по этому дѣлу.

Губернскія присутствія были открыты одновременно съ обнародованіемъ положеній; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они начали дѣйствовать даже ранѣе, и тотчасъ же предъ ними явился обширный кругъ дѣятельности. Кромѣ работъ по открытію мировыхъ учрежденій и земскаго управленія, они должны были издать урочныя положенія для издѣльныхъ крестьянъ, составить образцы уставныхъ грамотъ, опредѣлить срокъ лѣтнихъ и зимнихъ работъ, установить оцѣнку дней, обработать окончательно свѣдѣнія о мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, изыскать межевыя средства. Между тѣмъ, для рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ не было большею частію собрано готовыхъ данныхъ, потребовались подготовительныя работы, которыя должны были болѣе или менѣе отдалить ихъ рѣшеніе.

Самый порядокъ открытія мировыхъ учрежденій не былъ вовсе простъ. Прежде всего нужно было приступить къ раздѣлу губерній на мировые участки и провѣрить списки лицъ, имѣющихъ право быть мировыми посредниками. Предварительный планъ раздѣла должны были составить уѣздныя свбранія дворянъ; до открытія этихъ собра-

ній проходило уже извѣстное время, такъ что, вообще говоря, они не начали дѣйствовать ранѣе конца марта. Самое распредѣленіе представило нѣкоторыя трудности, зависѣвшія частію отъ чисто естественныхъ, частію же случайныхъ причинъ. Одна изъ такихъ причинъ заключалась въ неравномѣрномъ распредѣленіи крѣпостнаго населенія по мѣстностямъ. По послѣдней ревизіи число крѣпостныхъ колебалось въ отдѣльныхъ губерніяхъ отъ 550 т. въ Кіевской и 510 т. въ Подольской до 5 т. въ Олонецкой;—по отношенію крестьянъ къ общему населенію губерній отъ 69% въ Смоленской и Тульской до 24% въ Вятской, Астраханской и Ставропольской;—подробности помѣщичьихъ имѣній отъ 2621 душъ среднимъ числомъ на каждаго помѣщика въ Пермской до 25 д. въ Олонецкой. Такимъ образомъ не могло быть общей мѣрки для дробности участковъ, приходилось для каждой мѣстности опредѣлять особое число мировыхъ участковъ въ уѣздѣ, иногда же соединять нѣсколько уѣздовъ въ одинъ участокъ и наконецъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отказаться вовсе отъ назначенія мировыхъ посредниковъ, возложивъ временно ихъ обязанности на уѣздныхъ судей или другихъ чиновниковъ.

Вслѣдствіе такихъ затрудненій, вѣроятно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ никакъ не могли доискаться нормальнаго числа участковъ; въ однихъ стремились образовать въ губерніи возможно меньшее число участковъ, въ другихъ довести число участковъ до цифры наличныхъ помѣщиковъ. Послѣдствія въ обоихъ случаяхъ должны были быть однѣ и тѣ же: въ первомъ случаѣ жалобы, по недостатку времени и отдаленности мѣста жительства мировыхъ посредниковъ, или оставались бы вовсе безъ разбора, или не доходили бы до посредниковъ, во второмъ помѣщики, ставъ поголовно посредниками или ихъ кандидатами, разбирали бы крестьянскія жалобы другъ у друга. Придумывался и другой исходъ. Уѣздное собраніе одного изъ лѣсистыхъ уѣздовъ Псковской губерніи заявило губернатору желаніе, чтобы мировыхъ посредниковъ, вмѣсто предположенныхъ на уѣздъ 4-хъ, назначено было десять, безъ кандидатовъ.

Все это, конечно, должно было быть предупреждено правительствомъ; но для этого требовалось новыхъ представленій и переписки, которая естественно замедляла ходъ дѣла.

Вторая задача уѣздныхъ собраній, т. е. составленіе списковъ лицамъ, которыя могутъ быть избраны въ мировые посредники, казалась гораздо проще; а между тѣмъ и здѣсь дѣло не обошлось безъ затрудненій.

Министерство внутреннихъ дѣлъ уже 22-го марта сочло нужнымъ обратить вниманіе губернаторовъ, чтобы уѣздные предводители, при составленіи списковъ, и уѣздныя собранія, при ихъ повѣркѣ, внесли въ нихъ всѣхъ безъ исключенія дворянъ—помѣщиковъ, удовлетворяющихъ указаннымъ въ законѣ условіямъ. Тутъ же министерство приглашало губернаторовъ пріискивать заранѣе и вообще приглашать на эту должность лишь такихъ лицъ, которыя извѣстны несомнѣннымъ сочувствіемъ къ преобразованію и хорошимъ обращеніемъ съ крестьянами.

По избраніи мировыхъ посредниковъ, они должны были быть утверждаемы сенатомъ. Это опять замедляло дѣло. Министерство внутреннихъ дѣлъ циркулярнымъ телеграммомъ 12-го мая дало знать, что мировые посредники могутъ допускаться къ временному исправленію ихъ должности, не ожидая утвержденія ихъ сенатомъ. Еще ранѣе возникалъ вопросъ о порядкѣ утвержденія кандидатовъ. Сомнѣвались, не нужно ли для того, чтобы кандидатъ могъ заступить мѣсто мироваго посредника, вторичнаго утвержденія сенатомъ; вопросъ этотъ доходилъ до главнаго комитета и былъ разрѣшенъ такъ, что достаточно одного утвержденія.

По всѣмъ этимъ причинамъ мировые посредники не могли, вообще говоря, начать дѣйствовать ранѣе половины іюня.

Всего въ 44-хъ губерніяхъ на 10.545,690 душъ образовано 1706 мировыхъ участковъ. По губерніямъ число мировыхъ участковъ распредѣляется весьма различно; начиная въ иныхъ мѣстахъ отъ трехъ участковъ на губернію, оно доходитъ въ Курской до 68. Средній размѣръ участка около 6,000 д.—по губерніямъ этотъ размѣръ разнится отъ 1,000 до 10,000 душъ.

Мировыхъ съѣздовъ въ 44 губерніяхъ на 444 уѣзда образовано 404.

Образованіе общественнаго управленія представляло еще болѣе трудностей. Оно должно начаться съ открытія сельскихъ обществъ, которое должны были сдѣлать предводители немедленно по возвращеніи ихъ въ уѣздъ. Оказалось, что и это легче было предположить, чѣмъ выполнить. На дѣлѣ предводители были заняты работами по образованію мировыхъ участковъ и, кромѣ того, разборомъ недоразумѣній между крестьянами и помѣщиками; между тѣмъ число селеній въ уѣздахъ не такъ незначительно вообще, чтобы можно было объѣхать ихъ и открыть, почти въ каждомъ, сельское общество между прочимъ. На этомъ основаніи нѣкоторыя присутствія прямо отложили открытіе сельскихъ обществъ до избранія посредниковъ, какъ наприм.

Калужское, другія назначили на открытіе сельскихъ обществъ не менѣе пяти-шести недѣль сроку.

Само собой разумѣется, что этимъ отдалялось и открытіе волостей.

Здѣсь требовались своего рода подготовительныя работы, которыя были отчасти еще сложнѣе тѣхъ, которыя относились къ мировымъ посредникамъ. Трудность опять была топографическая, и мы знаемъ, что по крайней мѣрѣ еще недавно трудно было найти на мѣстѣ подробныя карты уѣздовъ. Не многія въ этомъ отношеніи оказались столь предусмотрительны, какъ напримѣръ Воронежская, гдѣ, если вѣрить въ свое время сдѣланной публикаціи, были выписаны заранѣе изъ топографическаго депо нѣсколько спеціальныхъ картъ, на которыя положены пункты приходскихъ церквей и означены всѣ помѣщичьи имѣнія, кромѣ того составлены въ губернской чертежной карты по уѣздамъ для однѣхъ помѣщичьихъ имѣній, а также списки владѣльцевъ и ихъ имѣній съ показаніемъ числа душъ, дворовъ и количества земли. Все это въ другихъ мѣстностяхъ приходилось уже дѣлать послѣ выхода положеній и открытія коммиссій для образованія волостей. При самомъ распредѣленіи на волости встрѣтились различныя сомнѣнія. Главнымъ основаніемъ дѣленія должны были быть приходы; между тѣмъ приходы, какъ извѣстно, раздѣляются нерѣдко административными границами на двѣ части. Поэтому, для того чтобы волости могли совпасть съ приходами, слѣдовало одно изъ двухъ: измѣнять границы самыхъ приходовъ, или измѣнять границы общаго административнаго дѣленія губернскаго и уѣзднаго,—и то и другое оказывалось неудобнымъ. Возникъ сейчасъ вопросъ: какого держаться въ такихъ случаяхъ начала?

Министерство внутреннихъ дѣлъ пояснило, что измѣнять границъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ—ни приходскихъ, ни уѣздныхъ, и допустило только измѣненіе границъ становыхъ.

Но кромѣ совпаденія волости съ приходами, было поставлено на видъ еще много другихъ, не менѣе важныхъ условій. Нужно было выдержать при раздѣлѣ смежность селеній, двѣнадцати-верстное разстояніе ихъ отъ центра, не переступить извѣстнаго числа душъ и сдѣлать такъ, чтобы волости уложились по возможности въ приходахъ. Выдержать всѣ условія разомъ было почти невозможно; рѣшить же, которому въ данномъ случаѣ отдать преимущество, зависѣло отъ усмотрѣнія коммиссій. Изъ этого выходило, что по одной и той же губерніи, въ различныхъ уѣздахъ, были дѣлаемы совер-

шенно разнородныя распредѣленія. Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ коммиссіи держались преимущественно смежности и опредѣленнаго числа душъ, выходило дробленіе приходовъ, въ другихъ, гдѣ старались держаться приходной единицы, число волостей выходилс несоразмѣрно велико; отсюда должны были увеличиться расходы на управленіе, возрасти тяжести служебныхъ обязанностей для крестьянъ и усложниться сношенія мировыхъ посредниковъ съ множествомъ волостей. Въ третьихъ, наконецъ, при соблюденіи другихъ условій, оказывалась общая черезполосица.

Ко всему этому присоединялось еще право, данное помѣщикамъ, въ теченіи мѣсяца разсмотрѣть предварительное распредѣленіе и изъявить желаніе о присоединеніи своихъ имѣній къ той или другой волости. Помѣщики естественно стремились сгруппировать свои имѣнія въ предѣлы одной какой-либо волости, и это еще болѣе усиливало черезполосицу.

Кончалось тѣмъ, что губернское присутствіе, получивъ распредѣленія уѣздныхъ коммиссій, рѣдко находило возможность утверждать ихъ безъ исправленій, уже по причинѣ разнообразія системъ, принятыхъ отдѣльными коммиссіями. Такъ, напримѣръ, калужское присутствіе изъ одиннадцати уѣздныхъ проектовъ не рѣшилось утвердить ни одного. Затѣмъ присутствія должны были возвращать проекты для новаго распредѣленія или требовать дополнительныхъ свѣдѣній и объясненій, при лучшемъ ходѣ дѣла ограничиваться утвержденіемъ нѣсколькихъ волостей, ожидая передѣлки проектовъ въ остальныхъ частяхъ. Прибавить ко всему этому, что работы по открытію волостей должны были происходить въ самую трудовую лѣтнюю пору и что помѣщики имѣли право задержать проектъ распредѣленія своими отзывами въ теченіи цѣлаго мѣсяца послѣ ихъ окончанія, и тогда станетъ понятно, что въ общемъ счетѣ проекты сіи могли быть представлены губернскому присутствію не ранѣе половины лѣта 1861 г.

По мѣрѣ того, какъ распредѣленіе селеній на волости было оканчиваемо въ губерніи, уѣздные предводители на мировыхъ съѣздахъ, вмѣстѣ съ мировыми посредниками, распредѣляли волости между мировыми посредниками, въ назначенный день созывали волостные сходы для выбора старшинъ на три года, очередныхъ судей, назначенія сбора или жалованья должностнымъ лицамъ и т. д.

Бозпорядки при открытіи волостей были рѣдки, въ нѣсколькихъ случаяхъ крестьяне, правда, отказывались отъ выборовъ, но о характерѣ этихъ безпорядковъ даетъ большее понятіе то обстоятельство,

что въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьяне, выбравъ должностныхъ лицъ, отказывались впослѣдствіи имъ повиноваться.

Въ октябрѣ 1861 г. общества и волости были образованы повсемѣстно въ тридцати губерніяхъ и затѣмъ не были еще открыты окончательно въ тринадцати. Медленнѣе всего дѣло шло въ губерніяхъ Курской и Волынской; къ 1-му января 1862 г. не было свѣдѣній объ окончательномъ открытіи волостей только изъ одной Волынской губерніи. Такимъ образомъ дѣло это могло считаться почти оконченнымъ къ назначенному положеніями девятимѣсячному сроку.

Такимъ порядкомъ открылись крестьянскія управленія.—Открывшіяся власти вполнѣ вразумили крестьянъ на счетъ смысла положеній, и съ тѣхъ поръ крестьяне въ массѣ не выражали прежней непонятливости. Но зато, если среди первыхъ столкновеній извѣстія сообщали болѣе данныхъ для характеристики толкованія положеній крестьянами, то теперь стало спеціально выясняться пониманіе положеній землевладѣльцами. Передъ нами находится единственный матеріалъ для опредѣленія дѣятельности мировыхъ учрежденій—въ журналахъ губернскихъ присутствій; этотъ матеріалъ можетъ дать довольно полное понятіе о тѣхъ вопросахъ, которые подавали поводъ къ недоразумѣніямъ, и о томъ пониманіи, съ которымъ приходилось бороться на практикѣ мировымъ учрежденіямъ. Не было ни одного хозяйственнаго элемента въ положеніяхъ, который бы не подалъ повода къ какому нибудь сомнѣнію. Передъ нами одни только вопросы, доходившіе до губернскихъ присутствій, т. е. вопросы, которые казались наиболѣе казусными для мѣстныхъ понятій; но это же позволитъ сдѣлать заключенія о характерѣ вопросовъ частныхъ, разрѣшавшихся самими посредниками.

Мы преимущественно желаемъ обратить здѣсь вниманіе читателя на самыя существенныя сомнѣнія: онѣ относятся естественно къ тому наиболѣе живому хозяйственному вопросу, который предстояло рѣшить практикѣ въ этомъ періодѣ. Положенія оставили на два года приблизительно прежній порядокъ, т. е. барщину; помѣщики пока помышляли еще успокоиться на этомъ порядкѣ—въ программѣ былъ наименьшій надѣлъ и наибольшая издѣльная повинность. Вопросъ стало быть заключался въ томъ, окажется ли дѣйствительно для помѣщиковъ выгоденъ этотъ порядокъ, будутъ ли они твердо держаться за барщину. Отъ этого и зависѣлъ дальнѣйшій оборотъ дѣла: тутъ слѣдовательно сосредоточивались самыя существенныя пререканія. Чтобы дать понятіе объ ихъ характерѣ, укажемъ на нѣкоторыя.

Относительно земли главныя недоразумѣнія коснулись вопроса о лицахъ, имѣющихъ право на надѣлъ, вопроса о перенесеніи усадьбъ и разверстаніи.

Лица, имѣющія права на надѣлъ, были довольно ясно поименованы въ положеніяхъ, и потому прямаго сомнѣнія въ этомъ отношеніи не было возбуждено, были возбуждены сомнѣнія косвенныя. Одни изъ крестьянъ пользовались надѣломъ по настоящее время, другіе нѣтъ. Сюда относилось нѣсколько разрядовъ лицъ записанныхъ въ дворовые, которые не были такими на дѣлѣ, — были такіе, которые пользовались надѣломъ по день указа 2 марта 1858 г., — и такіе, которые, не пользуясь надѣломъ, несли издѣльную повинность. Возникло сомнѣніе, откуда долженъ быть взятъ надѣлъ для этого разряда лицъ, долженъ ли онъ быть прирѣзанъ изъ помѣщичьей земли, или взятъ изъ мірской земли.

Министерство внутреннихъ дѣлъ должно было объяснить, что по точному смыслу положенія, если мірской земли окажется менѣе низшаго размѣра на душу, по разсчету на все число душъ, включая и дворовыхъ, имѣющихъ право на земли, то прирѣзка должна быть сдѣлана изъ помѣщичьей земли.

Извѣстно также, что нѣкоторые помѣщики при послѣдней ревизіи отбирали у крестьянъ вообще земли, записывали ихъ поголовно въ дворовые,—министерство нашло, что вопросъ о надѣленіи такихъ дворовыхъ не можетъ быть разрѣшенъ какимъ-либо общимъ правиломъ, признавъ удобнымъ, чтобы каждый изъ подобныхъ случаевъ былъ подвергнутъ особому разсмотрѣнію мѣстныхъ губернскихъ присутствій.

Относительно немедленнаго перенесенія усадьбъ, безусловно запрещеннаго положеніемъ, возникалъ вопросъ о томъ, можно ли допускать обязательное перенесеніе усадьбъ, по тѣмъ актамъ и сдѣлкамъ, которыя были совершены до изданія положеній, правительство должно было пояснить, что обязательное перенесеніе не можетъ быть допущено ни по какимъ сдѣлкамъ и должно быть ограничено положительными указаніями на этотъ счетъ закона. Относительно разверстанія выразились довольно общія стремленія не выждать сроковъ, назначенныхъ на этотъ предметъ положеніями. Во многихъ мѣстахъ крестьянскія земли находились въ чрезполосности съ господскими. Въ послѣднее время поэтому, передъ выходомъ положеній, помѣщики особенно усердно заботились о перенесеніи крестьянскихъ усадьбъ и округленіи своихъ полей. Тѣмъ не менѣе имъ удалось уничтожить

только незначительную долю чрезполосицы. Уже одно чувство видѣть передъ глазами чужія усадьбы и земли безпокоило съ непривычки. Между тѣмъ, право требовать разверстанія угодій положенія предоставили только по истеченіи двухъ лѣтъ.

Но законъ былъ все-таки слишкомъ ясенъ, чтобы можно было прямо выйти изъ его границъ. Тульское губернское присутствіе сочло только возможнымъ допустить въ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ разверстаніе одновременно съ отводомъ надѣла при составленіи уставныхъ грамотъ.

Сократить обязательный надѣлъ и отвести его къ однимъ мѣстамъ, — вотъ первое стремленіе, съ которымъ встрѣтились мировыя учрежденія и которымъ противодѣйствовали. Но вопросъ о надѣлѣ былъ на первое время второстепенный и не могъ подать повода къ тѣмъ пониманіямъ, къ какимъ подавала другая сторона поземельныхъ отношеній,—сторона повинностей.

Относительно издѣльной повинности наибольшія сомнѣнія возбудилъ вопросъ о полутяглыхъ. Во многихъ мѣстахъ существовалъ обычай взимать барщину не только со взрослыхъ работниковъ, но и съ подростковъ, не надѣленныхъ особо землей. Этого рода обычай на основаніи положеній долженъ былъ, кажется, отпадать самъ собою. Между тѣмъ, уничтоженіе этого рода барщины помѣщики находили для себя убыточнымъ и нашли основанія къ удержанію ея за собою. Оренбургскіе помѣщики одни изъ первыхъ возбудили этотъ вопросъ, объясняя, что повинность этого рода не составляетъ добавочной и потому не должна быть отмѣнена; крестьяне не убѣдились доводами помѣщиковъ, ссылаясь на 207 ст. мѣстнаго положенія, въ которой возрастъ работника опредѣленъ въ 18 лѣтъ для мужчины и 16 для женщины. Губернское присутствіе назначило коммиссію для разрѣшенія вопроса, могутъ ли быть требуемы въ работу лица моложе означеннаго возраста. Коммиссія нашла и присутствіе согласилось, что этого рода повинность не составляетъ добавочной, а потому подростки могутъ быть требуемы на работу съ тѣмъ только условіемъ, чтобы означенныя работы зачитались въ счетъ назначенной трехдневной барщины для мужчинъ и двухдневной для женщинъ, и чтобы въ подростки брались мужчины не моложе 15 лѣтъ и женщины не моложе 16.

Понятно, что вслѣдствіе этого каждый подростокъ долженъ былъ служить $1^1/_2$ дня въ недѣлю и слѣдовательно сумма повинности увеличится въ каждомъ имѣніи на число тяголъ, равное половинѣ числа

подростковъ, т. е. если число тяголъ было 200 и кромѣ того имѣлось 100 подростковъ, то въ имѣніи оказывалось уже 250 тяголъ, между тѣмъ законъ, опредѣляя норму повинности съ тягла, естественноимѣлъ въ виду настоящія, надѣленныя тягла, а не тѣ, которыя могли составиться чрезъ сложеніе возрастовъ всѣхъ дѣтей и малолѣтковъ.

По случаю возбужденнаго въ одной изъ южныхъ губерній подобнаго же вопроса на томъ основаніи, что тамъ надѣлъ разсчитывался не по тягламъ, а на душу, и повинность исполнялась всѣми наличными работниками, главный комитетъ еще въ апрѣлѣ 1861 г. пояснилъ, что впредь до уставныхъ грамотъ барщина должна отбываться,—мужская только каждымъ надѣленнымъ взрослымъ работникомъ отъ 18 до 55 лѣтъ, и женская только женою надѣленнаго работника, или за нее одною изъ другихъ женщинъ отъ 17 до 50 лѣтъ.

Не смотря на то, въ губернскихъ присутствіяхъ продолжали рождаться разногласія по тому же предмету.

Нанбольшія сомнѣнія возбуждала смѣшанная повинность. Положенія прямо не опредѣляли нормальнаго отношенія между оброкомъ и барщиной, по которому она должна была бы разсчитываться. Многіе, можетъ быть, найдутъ, что это не значитъ еще, чтобы въ положеніяхъ не было готовыхъ данныхъ для рѣшенія вопроса. Положенія опредѣляли норму оброка и норму барщины. Оброкъ опредѣленъ въ 12, 10, 9 и 5 рублей съ души по мѣстностямъ, барщина не свыше 3-хъ мужскихъ и 2-хъ женскихъ дней въ недѣлю съ тягла, стало быть, если предположить, что сумма дешеваго оброка выражаетъ цѣнность издѣльной повинности, то нѣтъ ничего легче, какъ разсчитать число рабочихъ дней причитающихся на душу при смѣшанной повинности, вычитая изъ общаго числа дней, приходившагося при чисто издѣльной повинности, число дней, равняющееся по цѣнности тому оброку, который несетъ душа, состоящая на смѣшанной повинности. Но дѣло въ томъ, что норма оброка могла получить законную силу только по составленіи уставной грамоты, а до тѣхъ поръ оброкъ оставался въ прежнемъ размѣрѣ. Псковское губернское присутствіе, разсматривая вопросъ этотъ, разрѣшило его проще и приблизительнѣе такимъ образомъ, что уменьшеніе повинности крестьянъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне не отбываютъ работъ, отмѣненныхъ ст. 5—11 правилъ о прив. въ дѣйствіе положеній, т. е. не несутъ полной суммы издѣльной повинности, предоставленной помѣщикамъ въ барщинныхъ имѣніяхъ, не обязательно для владѣльцевъ: за тѣмъ въ тѣхъ

лишь имѣніяхъ, гдѣ барщина сверхъ оброка достигаетъ трехъ дней въ недѣлю, оброкъ сей долженъ быть отмѣненъ.

Такимъ образомъ, если бы случилось имѣніе, въ которомъ при 2-хъ дняхъ барщины взималось 10 р. съ души оброку, то повинность должна была остаться въ прежнемъ размѣрѣ. Все затрудненіе состояло видимо въ томъ, что не было положено предѣла оброку на срокъ перваго двухлѣтія.

Наконецъ, постановленіе присутствія объ отмѣнѣ оброка въ тѣхъ случаяхъ, когда барщина достигаетъ опредѣленной закономъ нормы, должно было имѣть прямымъ послѣдствіемъ переводъ крестьянъ со смѣшанной повинности на чисто издѣльную, что положительно запрещено ст. 5 правилъ о приведеніи въ дѣйствіе положеній.

Гуманнѣе всего смотрѣлъ на этотъ вопросъ ярославскій мировой съѣздъ, отказавъ въ жалобѣ одной помѣщицы на рѣшеніе мироваго посредника, отмѣнившаго въ деревняхъ помѣщицы добавочные рабочіе дни, въ числѣ 6 мужскихъ и 6 женскихъ дней лѣтнихъ. Мировой посредникъ, принимая во вниманіе незначительное количество земли, находящейся во владѣніи крестьянъ, опредѣлилъ оставить крестьянъ на одномъ тридцати-рублевомъ оброкѣ, который, сверхъ приработокъ, они платили до сихъ поръ. Мировой съѣздъ утвердилъ рѣшеніе посредника.

Самый по видимому простой вопросъ о ночныхъ караулахъ и порядкѣ ихъ зачета въ барщину возбуждалъ сомнѣнія губернскихъ присутствій и доходилъ до главнаго комитета. Комитетъ пояснилъ, что порядокъ зачета ночныхъ карауловъ въ барщину предоставлено закономъ опредѣлять губернскимъ присутствіямъ, по своему усмотрѣнію; пока шла такая переписка, естественно, что за неимѣніемъ подъ рукой готовыхъ основаній для разсчета караульныхъ дней, на практикѣ происходила путаница и недоразумѣнія въ разсчетѣ барщины.

Въ кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ возникъ вопросъ: должны ли крестьяне отбывать тяглые сгонные дни и какая слѣдуетъ плата за сгонный день мужчинѣ и женщинѣ.

Главный комитетъ пояснилъ, что въ счетъ сгонныхъ дней могутъ быть требуемы только пѣшіе рабочіе дни; отбываніе же въ счетъ сгонныхъ дней работы со скотомъ допускается только по добровольному найму крестьянъ помѣщиками.

Относительно подводной повинности казанское присутствіе возбуждало вопросъ: слѣдуетъ ли впредь до 15 марта 1862 года, при посылкѣ подводъ далѣе 30 верстъ, кромѣ выдачи денегъ на харчи и

лошадей, зачитывать крестьянамъ въ барщину все проведенное въ дорогѣ время, считая день за полтора дня. Недоумѣніе это доходило до главнаго комитета,—конечно, главный комитетъ разъяснилъ, что слѣдуетъ, но интересно знать, зачиталось ли оно до того времени, пока не разъяснилось сомнѣніе.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ помѣщики не оказывали содѣйствія въ доставленіи лѣснаго матеріала на устройство мостовъ и гатей, а крестьяне отказывались отъ пріобрѣтенія его на свой счетъ; кромѣ того, помѣщики не соглашались на то, чтобы крестьяне на исполненіе земскихъ натуральныхъ повинностей были отвлекаемы въ дни барщинные, крестьяне въ свою очередь желали, чтобы дни употребленные ими на исправленіе дорогъ, были зачислены имъ въ счетъ барщинскихъ.

Наконецъ, возникалъ также вопросъ, слѣдуетъ ли съ крестьянъ, находившихся на оброкѣ и не пользовавшихся надѣломъ, продолжать взимать оброкъ.

Изъ такихъ данныхъ читатель усмотритъ нѣкоторое непониманіе землевладѣльцами положеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ понять и тѣ упреки, которымъ подверглись въ первое время мировые посредники за мнимое потворство крестьянамъ въ этомъ дѣлѣ. Мы не упоминали здѣсь, конечно, еще о такихъ случаяхъ, въ которыхъ посредникамъ приходилось бороться съ явными уклоненіями помѣщиковъ отъ закона, между тѣмъ, эти случаи все-таки были и служили, вѣроятно, еще большимъ поводомъ къ нареканіямъ. Такъ извѣстно, что одинъ мировой посредникъ Орловской губерніи довелъ до свѣдѣнія губернскаго присутствія, что многіе владѣльцы заставляли крестьянъ работать въ большіе морозы, вѣтры и мятели, между тѣмъ, какъ въ это время даже обозы и воинскія команды укрываются въ деревняхъ или на постоялыхъ дворахъ. Губернское присутствіе, имѣя въ виду, что по положенію работы вредныя для здоровья не допускаются, нашло, что этимъ постановленіемъ разрѣшается сомнѣніе, встрѣченное посредникомъ.

Затѣмъ, изъ всѣхъ случаевъ непониманія положеній крестьянами, мы можемъ указать только одинъ, на который стоитъ обратить вниманіе, да и тотъ относился уже къ другому времени. Въ одномъ помѣстьѣ Кіевской губерніи, по вопросу о надѣлѣ, крестьяне поставили на видъ посреднику то обстоятельство, что было бы несправедливо оставить помѣщику половину всего количества земли, потому что у него въ семействѣ находится всего четыре души.

Вотъ тѣ немногія данныя къ характеристикѣ разъясненій, которыя приходилось дѣлать мировымъ учрежденіямъ въ первое время. Если это первое время дѣйствія положеній можетъ быть названо, какъ мы сказали выше, временемъ вопроса объ издѣльной повинности, то плодомъ этихъ разъясненій было то, что къ осени 1861 года вопросъ объ издѣльной повинности былъ почти рѣшенъ между помѣщиками. Барщина была признана, общимъ говоромъ, положительно невыгодною и послѣ того, что такъ хлопотали въ началѣ о ея сохраненіи на возможно долгій срокъ, изъ боязни остаться безъ рукъ, теперь бросились къ оброчнымъ сдѣлкамъ.

Правда, объясняли это опять другими причинами, ссылаясь на систематическое упорство крестьянъ въ неисполненіи барщины. Но ссылки эти, подобно тѣмъ болѣе раннимъ нареканіямъ, которыя связывались съ предсказаніями объ общихъ безпорядкахъ, голодѣ и необсѣмененіи полей, опять болѣе отзывались непониманіемъ, чѣмъ правдой.

На повѣрку, уборка хлѣба оказалась не менѣе успѣшна, чѣмъ прежде,—цѣны на хлѣбъ не возросли; если же гдѣ и оказалась необходимость въ прибавкѣ вольнонаемныхъ рукъ къ барщинскимъ, то это только и доказывало, что положенія исполнялись, потому что первой ихъ заботой было, какъ извѣстно, сокращеніе суммы издѣльной повинности, которою пользовались землевладѣльцы при крѣпостномъ правѣ. Когда къ осени 1861 года всѣ бросились къ оброчнымъ сдѣлкамъ, пронеслась вдругъ молва,—непонятная послѣ общаго убѣжденія,—что крестьяне, немедленно за выходомъ положеній, бросятся на оброкъ; теперь оказывалось, что крестьяне отказывались отъ оброчныхъ сдѣлокъ.

III.

Уставныя грамоты.

Съ осени 1861 г. должна была начаться настоящая дѣятельность по составленію уставныхъ грамотъ. Мировыя учрежденія были въ полномъ ходу, общественное управленіе также. Взаимное положеніе двухъ сословій успѣло выясниться довольно категорически. Неопредѣленность прежнихъ отношеній становилась положительно невыгодною для землевладѣльцевъ, онѣ должны были начать опредѣляться. Кончились полевыя работы, въ хлѣбѣ не оказалось недостатка, кре-

стьяне не бунтовали, теперь было удобное время,—словомъ, уставныя грамоты стояли на очереди со всѣхъ сторонъ.

Нужно было спѣшить тѣмъ болѣе, что уже миновала половина срока на ихъ предъявленіе помѣщиками, впереди оставалось только шесть мѣсяцевъ, а между тѣмъ ихъ почти не было: въ сентябрѣ 1861 г. были извѣстія объ уставныхъ грамотахъ только изъ 28 губерній. Здѣсь ихъ было составлено всего 628. Изъ 15 остальныхъ губерній, въ числѣ коихъ находились: Орловская, Курская, Новгородская и нѣкоторые уѣзды Витебской, не было вовсе вѣстей. Въ Петербургской и Курской, только въ концѣ августа были утверждены формы уставныхъ грамотъ и заготовлены бланки

Министерство внутреннихъ дѣлъ напоминало объ этомъ губернскимъ присутствіямъ еще въ августѣ. Вслѣдъ затѣмъ, двумя циркулярами, въ октябрѣ и ноябрѣ, оно подтвердило мировымъ учрежденіямъ о строжайшемъ наблюденіи за исполненіемъ всѣхъ условій, установляемыхъ грамотами, и, наконецъ, въ декабрѣ, разослало циркуляръ, въ которомъ, полагая, что успѣшному составленію грамотъ препятствуютъ распространившіеся между крестьянами слухи о новой волѣ, поручало мировымъ посредникамъ при всякомъ случаѣ указывать крестьянамъ на слова, сказанныя Государемъ нѣкоторымъ крестьянамъ непосредственно, «что никакой другой воли не будетъ, кромѣ той, которая дана»...

Не смотря на то, съ осени 1861 г. дѣло не двигалось впередъ съ надлежащей быстротой. На сколько тому препятствовали ложные слухи, мы рѣшать не беремся, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что настоящій тормазъ заключался не въ однихъ слухахъ. Это было видно изъ того, что число составленныхъ грамотъ, по губерніямъ было весьма различно, и даже распредѣлялось по извѣстной системѣ, между тѣмъ какъ ложные слухи должны были дѣйствовать одинаково повсемѣстно. Успѣшнѣе всего шли грамоты въ губерніяхъ великороссійскихъ, особенно подмосковныхъ, слабѣе въ степныхъ, малороссійскихъ, Петербургской и сосѣднихъ съ ней сѣверныхъ. Въ новороссійскихъ была составлена всего 21 грамота, въ бѣлорусскихъ, Виленской, Кіевской и Подольской — 2, въ Ковенской, Гродненской, Минской и Волынской ни одной.

Вглядываясь въ эту систему, можно было бы при нѣкоторомъ вниманіи уже догадаться, въ чемъ должны были корениться затрудненія, но мы положимся лучше на болѣе прямыя современныя извѣстія.

Въ первыхъ числахъ января 1862 г. въ оффиціальной газетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, публицистъ Ржевскій, перепечатывая изъ «Московскихъ Вѣдомостей» разсказъ мироваго посредника Ратищева о случаѣ, бывшемъ при составленіи уставной грамоты въ одномъ имѣніи, прямо заявилъ, что дѣло было вовсе не въ ложныхъ слухахъ. Конечно, въ чемъ было дѣло, этого онъ не сказалъ, но изъ его словъ проглядывало уже, гдѣ собственно слѣдовало искать затрудненій. Для крестьянъ, по его мнѣнію, было непонятно объясненіе, что повинности налагаются на землю, они не могутъ стать на высоту сервитута, и потому отношеніе двухъ обмѣниваемыхъ цѣнностей для нихъ кажется произвольнымъ. Въ ихъ глазахъ правительство назначило подать или сборъ натурою съ помѣщиковъ, въ видѣ надѣла въ пользу крестьянъ, а на крестьянъ возложило подать, работою или деньгами, въ пользу помѣщика;—если первая собрана одновременно, то почему же, спрашиваютъ они, вторая должна продолжаться вѣчно? Вотъ это недоразумѣніе и заставляетъ ихъ выжидать срока. Въ положеніи встрѣчается нѣсколько сроковъ: — 2, 3, 5, 6 и 9 лѣтъ, — который выбрать? двухъ-годичный повторяется чаще, выдается рѣзче, вотъ они съ нимъ и выжидаютъ конца повинностямъ.

Объясненіе, какъ объясненіе, было, конечно, по меньшей мѣрѣ плохо, но изъ него было видно уже, какіе мотивы возбуждали недоразумѣнія и требовали поясненія, было видно, что камень преткновенія въ повинностяхъ. То, чего не могъ въ январѣ 1862 г. досказать г. Ржевскій, то еще въ концѣ лѣта 1861 г. высказало дворянство одной губерніи.

Побуждаемые желаніемъ устроить свои отношеніи къ крестьянамъ и преобразовать свои хозяйства по началамъ свободнаго труда, землевладѣльцы, не видя въ положеніяхъ, какимъ образомъ долженъ быть рѣшенъ вопросъ о переходѣ съ издѣльной повинности на оброкъ, *еслибы крестьяне не изъявили на то согласія,* нашли: «что предоставленіе помѣщикамъ права переводить крестьянъ съ издѣлья на оброкъ, *безъ ихъ на то желанія, совершенно согласно съ духомъ реформы и строгой справедливости*». Въ самомъ дѣлѣ, разсуждали помѣщики, въ постановленіяхъ, опредѣляющихъ условія перехода крестьянъ съ издѣлья на оброкъ, весьма наглядна та мысль, что барщина оставлена, какъ неизбѣжное зло, въ огражденіе помѣщичьихъ интересовъ, — стало быть, сохраненіе барщины вопреки желанію владѣльца было бы явнымъ противорѣчіемъ видамъ правительства. Обращаясь затѣмъ къ вопросу о томъ, можетъ ли насильственное сохраненіе

барщины быть названо дѣломъ справедливымъ, землевладѣльцы были заранѣе убѣждены въ единодушномъ отрицательномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, спрашивали они, — «чѣмъ можно оправдать отказъ помѣщику въ переводѣ крестьянъ съ издѣлія на оброкъ, когда крестьянамъ, по истеченіи двухъ лѣтъ, предоставлено право переходить на оброкъ безъ согласія владѣльцевъ»? Далѣе слѣдовали толки о потеряхъ, понесенныхъ помѣщиками; потери эти извѣстны читателямъ, и потому мы на этомъ прекращаемъ выписку. И такъ, вотъ въ чемъ заключалась сущность: она была въ оброкѣ.

Понятія землевладѣльцевъ, стало быть, волей или неволей покончили съ барщиной, полутяглыми, со смѣшанной повинностью и т. д. и попали на новую линію. Между тѣмъ, давно ходили слухи, что крестьяне съ трудомъ соглашаются переходить на оброкъ; не знали, какимъ тупымъ непониманіемъ собственной выгоды или заклятыми надеждами объяснить это упорство. Оно не слабѣло ни передъ какими вразумленіями. И такъ, обязательный оброкъ сталъ теперь въ программѣ: помѣщики единодушно просили о немъ правительство, а пока грамоты шли въ оброчныхъ имѣніяхъ или тамъ, гдѣ помѣщики успѣвали склонить ихъ къ тому уступками, — гдѣ нѣтъ, тамъ нужно было выждать. Вотъ почему ихъ оказывалось такъ мало вообще и почему впереди всѣхъ шли пока по числу грамотъ оброчныя мѣстности и сзади всѣхъ чисто земледѣльческія.

По этому поводу министерство внутреннихъ дѣлъ разъяснило еще въ августѣ лучше г. Ржевскаго, какимъ пониманіемъ сервитута руководствовались крестьяне. Оно отвѣтило землевладѣльцамъ: «что при составленіи закона правительство имѣло въ виду всѣ невыгоды обязательнаго труда, но съ другой стороны, оно также не могло не принять во вниманіе, что есть цѣлыя мѣстности, въ коихъ кромѣ земледѣлья нѣтъ никакихъ промысловыхъ занятій, и потому для крестьянъ денежные заработки весьма затруднительны. При такихъ обстоятельствахъ нельзя было не предвидѣть, что переводъ крестьянъ на оброкъ во многихъ случаяхъ можетъ ихъ подвергнуть несостоятельности въ платежахъ и, какъ слѣдствію ея, отобранію земли. По всей вѣроятности, разсуждало министерство, это опасеніе и составляетъ и нынѣ главную причину, почему крестьяне отказываются отъ предложенія помѣщиковъ переходить на оброкъ. Такое предположеніе подтверждается тѣмъ, что жалобы на несогласіе крестьянъ переходить на оброкъ получены преимущественно изъ губерній земледѣльческихъ. Далѣе, министерство объясняло, что въ положеніяхъ

указаны способы, коими помѣщикъ можетъ склонять крестьянъ къ добровольному переходу на оброкъ· кромѣ облегченій въ платежѣ его, помѣщикъ можетъ предложить крестьянамъ вмѣсто оброка отбывать ему по условленной цѣнѣ работы; крестьяне могутъ также отказываться отъ перехода на оброкъ, опасаясь, что между ними окажутся недоимщики:—помѣщику представляется вступать съ крестьянами въ добровольное соглашеніе объ опредѣленіи задѣльной платы, по которой недоимщики должны отработывать недоимку на господской землѣ.

Въ томъ и другомъ случаѣ условія заключаются срокомъ не болѣе, какъ на три года, по истеченіи коихъ могутъ быть возобновляемы. Наконецъ, отъ помѣщика зависитъ разсрочить крестьянамъ платежи оброка, а равно передъ переходомъ крестьянина на оброкъ уволить его на полгода отъ барщины.

Можно надѣяться, полагало министерство, что во многихъ случаяхъ указанные въ положеніи способы достаточны будутъ для склоненія крестьянъ къ добровольному переходу на оброкъ. Но съ другой стороны, не отвергая возможности, что крестьяне, не смотря на всѣ предложенія, будутъ отказываться отъ перехода на оброкъ, министерство признавало возможнымъ допустить въ отдѣльныхъ случаяхъ обязательный переходъ на оброкъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ то же время помѣщикъ гарантировалъ крестьянамъ способы къ денежнымъ заработкамъ на оставшейся въ его распоряженіи землѣ. Въ такомъ случаѣ должна быть установлена, по соглашенію или по мѣстной оцѣнкѣ, опредѣленная плата, за которую помѣщики обязаны принимать рабочихъ изъ крестьянъ, водворенныхъ на ихъ земляхъ.

Сообщая такой отвѣтъ губернскимъ присутствіямъ, министерство объяснило послѣднимъ, что если бы они признали въ иныхъ случаяхъ возможнымъ переводить на оброкъ на изложенныхъ условіяхъ, то они представили бы объ этомъ министерству.

Разъясненіе министерства было весьма важно: оно категорически подтвердило тотъ взглядъ на оброкъ, который мы выразили, говоря о системѣ положеній, и которымъ должны были руководствоваться и редакціонныя коммиссіи. Здѣсь объяснялось прямо: 1) что нормы оброка, принятыя въ законъ, имѣютъ значеніе обязательнаго сервитута только для имѣній, которыя состояли уже на оброкѣ и не имѣютъ никакого отношенія къ имѣніямъ издѣльнымъ; 2) что поэтому они вовсе не были соображены съ поземельнымъ доходомъ издѣльныхъ имѣній и потому превышаютъ не только поземельную ренту съ

надѣла, но и сумму всѣхъ заработковъ земледѣльческихъ крестьянъ; 3) что будучи разсчитаны по существующимъ оброкамъ въ имѣніяхъ промысловыхъ, они не разсчитывались вовсе согласно поземельной рентѣ въ сихъ имѣніяхъ, а устанавливались на основаніи индустріальныхъ и коммерческихъ средствъ крестьянъ и личныхъ заработковъ, т. е. составляли налогъ на промыслы подобно оброчной подати государственныхъ крестьянъ.

Въ суммѣ и выходило, значитъ, что между двумя элементами, землей и нормами оброка, не было той самой связи, которую хотѣли подсунуть научники,—не было поземельнаго сервитута, а былъ сервитутъ личный или налогъ, допущенный правительствомъ въ политическихъ видахъ, чтобы съ одной стороны не обезземелить крестьянъ, съ другой, не лишить вдругъ помѣщиковъ промысловыхъ имѣній почти всего дохода. Стало быть, взглядъ крестьянъ, которые не могутъ подняться до высоты юридическихъ категорій, былъ совершенно согласенъ въ этомъ дѣлѣ съ взглядомъ правительства, а взглядъ Ржевскаго фальшивый и ясно противный положеніямъ 19 февраля. Чѣмъ же обусловливалось такое заблужденіе со стороны Ржевскаго, спросите вы; а вотъ просто. Дѣло шло, какъ извѣстно, о насильственномъ примѣненіи нормъ оброка, назначеннаго для промысловыхъ мѣстностей, ко всѣмъ остальнымъ: вотъ и разсчитывайте:—въ Евпаторійскомъ уѣздѣ Таврической губерніи, гдѣ указный надѣлъ равняется $6^1/_2$ дес., положено 9 руб. оброка;—по свѣдѣніямъ, изданнымъ о продажныхъ цѣнахъ на земли, десятина земли въ этихъ мѣстностяхъ продавалась круглымъ счетомъ по 6 руб. Указныя $6^1/_2$ дес., стало быть, стоятъ по этому счету 39 руб., положимъ 40 руб. Берите теперь какой угодно % для опредѣленія ренты съ $6^1/_2$ дес. въ этой мѣстности; вы возьмете самое большее 6%, потому что сами знаете, что больше 6% не приноситъ у насъ никакое имѣніе, по разсчетамъ же прикладной науки г. Ржевскаго, земля должна приносить у насъ ни болѣе ни менѣе, какъ 23% съ лишнимъ. Въ первомъ случаѣ вы получите ренту съ $6^1/_2$ дес. въ 2 руб. 34 коп., во второмъ 9 р. Вотъ и считайте, что выгоднѣе, получать съ десятины 6%, или 23%—*36* к., или 1 р. 50 к., а съ надѣла 2 руб. 40 коп., или 9 руб. Возвышайте сколько угодно принятую нами оцѣнку десятины въ 6 руб., и все-таки вы не подойдете къ разсчету г. Ржевскаго; для этого нужно болѣе, чѣмъ учетверить эту оцѣнку, то есть, предположить, что десятина земли стоитъ въ принятой мѣстности не много менѣе 30 р., тогда какъ мы знаемъ положительно, что лучшая земля въ этой мѣстности продается не

свыше 8—12 руб., а отдается въ наймы отъ 25 коп. до 35 коп., послѣднее уже считается весьма выгоднымъ. Такъ какъ многіе даже и изъ ученыхъ людей видимо не понимаютъ, какая разница существуетъ по самой наукѣ между сервитутомъ поземельнымъ и личнымъ или налогомъ, такъ какъ своимъ непониманіемъ въ этомъ дѣлѣ они могутъ вводить въ заблужденіе многихъ землевладѣльцевъ, выдавая имъ подметныя объясненія за строгій ученый выводъ, считаемъ нужнымъ указать эту разницу какъ можно нагляднѣе. Съ этой цѣлью приводимъ въ выноскѣ разсчетную таблицу чисто-поземельнаго сервитута, изъ которой читатель увидитъ повсемѣстную разницу принятаго оброка отъ того, что называютъ обыкновенно рентой. За неимѣніемъ другихъ данныхъ высчитываемъ ренту на основаніи продажныхъ цѣнъ на земли, изданныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Извѣстно, что при этомъ изданіи было употреблено всевозможное стараніе для устраненія всѣхъ случайныхъ условій, которыя могли бы нарушить вѣрность выводовъ. Впрочемъ, каждый мѣстный землевладѣлецъ можетъ быть лучшимъ судьей, на сколько эти цѣны соотвѣтствуютъ въ самомъ дѣлѣ дѣйствительности. Мы брали, конечно, въ разсчетъ однѣ цѣны на земли населенныя, и при томъ по каждой губерніи сдѣлали два вывода, одинъ по крайней высшей цѣнѣ, другой по крайней низшей *).

---

*) РАЗСЧЕТНАЯ ТАБЛИЦА РЕНТЫ СЪ ДЕСЯТИНЫ ПО ГУБЕРНІЯМЪ.

	Высшая прод. цѣна заселен. земли.	Рента изъ 6% съ десятины.	Низшая прод. цѣна заселен. земли.	Рента изъ 6%.	Высш. и указные душев. надѣл. по уѣзд.	
1. Владимірская	40 р. 33 к.	2 р. 42 к.	8 р. 33 к.	— р. 50 к.	3½	4½
2. Харьковская	39 „ 7 „	2 „ 34 „	18 „ 92 „	1 „ 13 „	3	4½
3. Екатеринославская . .	22 „ 38 „	1 „ 35 „	8 „ 13 „	— „ 48 „	3	4½
4. Ярославская	38 „ 40 „	2 „ 31 „	8 „ 90 „	— „ 53 „	3½	5½
5. Новгородская.	17 „ 57 „	1 „ 5 „	4 „ 64 „	— „ 26 „	5½	7
6. Вологодская	20 „ 68 „	1 „ 23 „	11 „ 59 „	— „ 69 „	4¼	7
7. Казанскяя.	24 „ 39 „	1 „ 57 „	8 „ 24 „	— „ 49 „	3	4
8. Тульская	42 „ 28 „	2 „ 55 „	26 „ 95 „	1 „ 62 „	2¾	3¼
9. Костромская	19 „ 78 „	1 „ 20 „	5 „ 91 „	— „ 35 „	4	6
10. Полтавская	33 „ 84 „	2 „ 4 „	20 „ 14 „	1 „ 20 „	2¾	3½
11. Псковская.	22 „ 64 „	1 „ 35 „	6 „ 27 „	— „ 38 „	4½	6
12. Минская	21 „ 3 „	1 „ 26 „	8 „ 31 „	— „ 50 „	—	—
13. Ковенская.	32 „ 18 „	1 „ 93 „	25 „ 41 „	1 „ 52 „	—	—
14. С.-Пет. петрб. уѣзда . .	67 „ 75 „	4 „ 6 „	— „ — „	— „ — „	—	—
остальные . .	25 „ 79 „	1 „ 54 „	8 „ 40 „	— „ 50 „	3¼	5½
15. Московская	49 „ 15 „	2 „ 94 „	24 „ 66 „	1 „ 47 „	3	3½
16. Тамбовская	34 „ 56 „	2 „ 7 „	12 „ 87 „	— „ 78 „	3	3½
17. Рязанская.	41 „ 86 „	2 „ 51 „	19 „ 80 „	1 „ 18 „	2¾	4
18. Витебская.	26 „ 14 „	1 „ 56 „	7 „ 40 „	— „ 44 „	4¼	5½

Въ этомъ видѣ рента, разсчитанная изъ 6%, даже въ разсужденіи самыхъ лучшихъ земель, нигдѣ не достигаетъ, конечно, какъ можно было предвидѣть, нормъ оброка. Выше всего она оказывается въ лучшихъ уѣздахъ губерній: Владимірской, Ярославской, Петербургской и Московской, гдѣ при оброкѣ въ 12 и 10 руб. достигаетъ не болѣе 8 съ лишнимъ руб.; въ остальныхъ губерніяхъ при 9 р. оброка рента съ надѣла падаетъ при лучшихъ земляхъ до 3 руб. съ небольшимъ, а при худшихъ почти до рубля.

Теперь, чтобы оградить себя отъ возраженія касательно вѣрности самыхъ цѣнъ на земли, на основаніи коихъ сдѣланъ нами разсчетъ, мы предложимъ удвоить принятыя нами цѣны на земли, т. е. принять въ лучшихъ мѣстахъ стоимость десятины отъ 100 до 40 р. и стоимость худшихъ круглымъ счетомъ отъ 10 — 15 и все-таки при этомъ удвоеніи рента съ надѣла превзойдетъ оброкъ только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ мѣстностяхъ, въ большей же части случаевъ она окажется не выше 6 руб. при лучшихъ земляхъ и упадетъ до 2 руб. при худшихъ.

	Высшая прод. цѣна заселен. земли.	Рента изъ 6% съ десятины.	Низшая прод. цѣна заселен. земли.	Рента изъ 6%.	Высш. и указные душев. надѣл. по уѣзда.
19. Симбирская	29 р. 18 к.	1 р. 75 к.	18 р. 77 к.	1 р. 12 к.	3¼ 4
20. Вятская.	20 „ 60 „	1 „ 23 „	9 „ 36 „	— „ 56 „	4 7
21. Пермская	9 „ 50 „	— „ 57 „	2 „ 98 „	— „ 17 „	5½ 7
22. Саратовская	27 „ — „	1 „ 62 „	13 „ 35 „	— „ 79 „	4 7
23. Тверская	28 „ 36 „	1 „ 70 „	6 „ 81 „	— „ 40 „	4 5
24. Черниговская.	25 „ 42 „	1 „ 52 „	10 „ 37 „	— „ 62 „	2¾ 4½
25. Воронежская	34 „ 94 „	2 „ 9 „	19 „ 50 „	1 „ 17 „	3 4
26. Нижегородская	40 „ 27 „	2 „ 41 „	9 „ 2 „	— „ 54 „	3¼ 5
27. Орловская.	40 „ 92 „	2 „ 45 „	16 „ 51 „	— „ 99 „	3 4½
28. Курская.	36 „ 80 „	2 „ 20 „	22 „ 66 „	1 „ 35 „	2¾ 3½
29. Калужская.	32 „ 58 „	1 „ 95 „	18 „ 72 „	1 „ 12 „	3¼ 4
30. Пензенская	40 „ 27 „	2 „ 41 „	17 „ 23 „	1 „ 3 „	2¾ 4
31. Смоленская	21 „ 40 „	1 „ 28 „	10 „ 57 „	— „ 63 „	3½ 4½
32. Могилевская	16 „ 27 „	— „ 97 „	7 „ 1 „	— „ 42 „	4 5½
33. Виленская	21 „ 4 „	1 „ 26 „	13 „ 35 „	— „ 80 „	— —
34. Гродненская	26 „ 61 „	1 „ 59 „	14 „ 97 „	— „ 89 „	— —
35. Херсонская	23 „ 56 „	1 „ 41 „	17 „ 91 „	1 „ 7 „	3 5½
36. Кіевская	41 „ 27 „	2 „ 47 „	29 „ 57 „	1 „ 77 „	— —
37. Подольская	46 „ 88 „	2 „ 81 „	17 „ 30 „	1 „ 3 „	— —
38. Таврическая.	12 „ 79 „	— „ 76 „	3 „ 50 „	— „ 21 „	3 6½
39. Оренбургская	10 „ 69 „	— „ 64 „	6 „ — „	— „ 36 „	4½ 7
40. Олонецкая.	4 „ 61 „	— „ 27 „	1 „ 11 „	— „ 6 „	— 7

Помножая разсчитанную такимъ образомъ ренту съ десятины при лучшей землѣ на наименьшія при худшей, на наибольшія нормы надѣла, читатель можетъ самъ уже убѣдиться, что рента будетъ колебаться между 1 рублемъ и 8 рублями, т. е. нигдѣ не достигнетъ нормы оброка.

Замѣтимъ, что при этомъ мы все-таки не знаемъ, насколько рента съ надѣла можетъ быть ниже даже рубля въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ вслѣдствіе низкаго качества земли не совершается вовсе продажъ. Здѣсь очевидно долженъ быть предѣлъ, за которымъ рента должна равняться нулю, между тѣмъ, какъ крайній предѣлъ оброка назначенъ въ 8 руб. съ надѣла. Ужъ если говорили о наукѣ, то слѣдовало, кажется, не забыть ничего, что говоритъ наука. Наука же даже въ томъ отсталомъ видѣ, въ которомъ она представляется большинствомъ нашихъ экономистовъ, объясняетъ, что есть всегда обрабатываемыя земли, которыя не приносятъ никакой ренты, а едва избавляютъ земледѣльца отъ голодной смерти. Какъ же указанный оброкъ можетъ послѣ этого выражать ренту, если онъ не понижается далѣе 8 р. А между тѣмъ, число земель, не представляющихъ никакой ренты, должно быть у насъ вовсе не такъ малочисленно.

Для того, чтобы понять это, нужно взять въ разсчетъ еще одно обстоятельство, также часто позабываемое: — это вліяніе на ренту налога.

Кажется, не нужно доказывать, какое вліяніе можетъ имѣть вообще налогъ на величину ренты: всякій пойметъ, что этимъ путемъ нѣтъ ничего легче, какъ совершенно убить земледѣліе, стоитъ только обратиться къ условіямъ распредѣленія продукта. Продуктъ дѣлится въ настоящее время трехчленнымъ порядкомъ: одну часть беретъ фиксъ, другую капиталистъ или землевладѣлецъ, третью работникъ. Капиталистъ естественно старается перебросить долю, которую беретъ фиксъ, на работника и стянуть къ себѣ весь свободный доходъ, остающійся за вычетомъ налога. Отъ этого на дѣлѣ очень часто работнику оставляется только то, что ему нужно для избѣжанія голодной смерти; весь же свободный доходъ отъ обработки земли получаетъ землевладѣлецъ въ формѣ ренты. Чѣмъ меньше беретъ фискъ, тѣмъ больше остается капиталисту и работнику, и на оборотъ, чѣмъ больше возрастаетъ подать, тѣмъ менѣе остается на долю послѣднихъ, и тѣмъ естественнѣе капиталистъ стремится перебросить подать на работника, чтобы сохранить свой доходъ. Положеніе земледѣльца должно ухудшаться, поэтому, неминуемо, въ прямой прогрессіи съ увеличеніемъ подати, между тѣмъ, какъ рента будетъ оставаться при этомъ до извѣстной степени неизмѣненною. Но здѣсь видимо долженъ быть предѣлъ, за которымъ земледѣльцу хуже быть не можетъ, предѣлъ тратъ, необходимыхъ на поддержаніе рабочей силы; разъ размѣръ налога достигнетъ того предѣла, за которымъ послѣдній не

можетъ уже болѣе быть обращенъ на работника, не убивъ рабочей силы, онъ неминуемо уже будетъ падать на ренту, рента будетъ сокращаться пропорціонально его возрастанію, и наконецъ можетъ исчезнуть вовсе.

Наши крѣпостныя хозяйства находились именно въ этомъ положеніи:—въ рукахъ крестьянъ не оставалось вовсе свободнаго дохода, весь онъ поступалъ къ помѣщику, и часть его, уходившая въ казну, неизбѣжно падала на помѣщичью ренту: — рента сокращалась до нельзя, бездна имѣній могла только выплатить съ грѣхомъ пополамъ налоги и прокормить не только крестьянъ, и самихъ помѣщиковъ; наконецъ, прибавлялся долгъ опекунскимъ совѣтамъ, который выражалъ собою значительную часть запродажной ренты на два и на три десятка лѣтъ впередъ. Ренты, стало быть, въ этихъ имѣніяхъ не оказывалось почти вовсе. Уменьшеніе издѣльной повинности въ такихъ мѣстахъ, гдѣ рента вся или почти вся поглощалась долгами и налогомъ, не могло принести въ сущности никакой перемѣны. Предполагалось, что уменьшеніе повинности должно сократить доходъ помѣщиковъ и выразиться тѣмъ, что помѣщики стали бы жить хуже, а крестьяне лучше. Оно было бы дѣйствительно такъ, если бы подать оставлена была на помѣщикахъ; но теперь, съ уменьшеніемъ повинности, она переносилась на крестьянъ, т. е. вмѣсто того, чтобы падать, какъ прежде, на общую ренту съ имѣнія, подать была сосредоточена теперь на надѣлѣ. Предполагалось, что отъ уменьшенія повинности надѣлъ вынесетъ эту подать. Но понятно, что оно можетъ быть такъ и иначе, все будетъ зависѣть отъ того, на сколько при уменьшеніи повинности великъ будетъ налогъ. Смотря по отношенію, которое окажется между этими элементами, могутъ получиться три различные результата. Если уменьшеніе повинности будетъ достаточно не только для покрытія налога, но и оставитъ въ рукахъ крестьянъ извѣстный излишекъ, то бытъ послѣднихъ, конечно, улучшится противъ прежняго. Если же уменьшеніе повинности только покроетъ налогъ, то бытъ крестьянъ только не улучшится. Наконецъ, если доля, на которую уменьшена повинность, будетъ недостаточна для покрытія налога, то положеніе крестьянина должно стать стѣснительнѣе прежняго. Сдѣлать приблизительный разсчетъ отношенія, которое должно оказаться въ дѣйствительности между двумя означенными элементами, можетъ легко каждый. Издѣльная повинность уменьшена, положимъ, на $^1/_3$; остается, значитъ, взять въ разсчетъ тѣ перемѣны, которыя произошли или будутъ произведены

въ налогѣ. Тутъ слѣдуетъ прибавить къ прежнему налогу количество сбора на мировыя учрежденія, на общественное управленіе и, наконецъ, сдѣланное недавно повышеніе подушной подати на 25%. Затѣмъ, смотря по тому, насколько увеличеніе налога достигнетъ $^1/_3$ его прежняго размѣра, или будетъ болѣе или менѣе $^1/_3$, окажется само собою, достаточно ли уменьшенія издѣльной повинности на $^1/_3$ для дѣйствительнаго облегченія крестьянина.

Что касается оброка, то онъ, какъ извѣстно, пониженъ гораздо менѣе чѣмъ на $^1/_3$, а для многихъ мѣстностей даже вовсе не пониженъ противъ прежняго; стало быть, въ этомъ отношеніи послѣдствія увеличенія въ послѣднее время налога могутъ быть еще ощутительнѣе на положеніи крестьянъ. Такимъ путемъ легко можетъ выйти, что уменьшеніемъ повинности въ сущности воспользуется не крестьянинъ, а фискъ, и что уменьшеніе окажется въ сущности ни чѣмъ другимъ, какъ налогомъ на землевладѣльца въ пользу казны.

Мы не говоримъ, чтобы это всегда было такъ. Дѣйствительный результатъ, который получится изъ такого разсчета, будетъ, конечно, различенъ по мѣстностямъ, сообразно количеству свободной ренты, которую давала земля. Но если справедливо, что въ значительнѣйшей части имѣній рента и безъ того была запродана на десятки лѣтъ, что земля едва прокармливала крестьянъ и помѣщиковъ, а весь свободный доходъ уходилъ на уплату долговъ и налога,—то понятно, что черезъ прибавившіеся въ послѣднее время сборы тамъ, гдѣ рента и безъ того равнялась нулю, сборы эти могутъ только пасть на личный трудъ и заработки; тамъ же, гдѣ оставалась часть свободной ренты, они должны поглотить эту послѣднюю ея часть и, во всякомъ случаѣ, сократить, во всѣхъ имѣніяхъ и относительно всѣхъ земель, долю свободной ренты.

Такимъ образомъ высчитанная нами рента должна сократиться еще болѣе повсемѣстно, вслѣдствіе увеличившагося налога. Чѣмъ же становится, послѣ этого, оброкъ? Ясно, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оставалась свободная рента, онъ составитъ сложную формулу, изъ которой одна часть падетъ на ренту, другая на личный трудъ; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ рента и безъ того равняется нулю, оброкъ падетъ цѣликомъ на личный трудъ. Въ такомъ случаѣ онъ можетъ выплатиться сполна только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ промыслы, независимые отъ земледѣлія; гдѣ же ихъ нѣтъ, онъ просто не выплатится, сколько ни дѣлай его обязательнымъ. Общества мо-

гутъ оказаться несостоятельными передъ помѣщиками, и крестьяне могутъ лишиться земли.

Въ этихъ видахъ министерство могло допустить обязательный оброкъ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы крестьянамъ были гарантированы заработки. Но можно было заранѣе сказать, что этой гарантіи землевладѣльцы представить не въ состояніи. Оно должно быть такъ, потому что о дальнѣйшихъ представленіяхъ на основаніи разъясненій министерства что-то не было слышно.

Вотъ это очень хорошо понимали крестьяне и не могли понять наши работавшіе за угломъ публицисты, полагавшіе достаточнымъ школы прилавка, чтобы обмѣрить подъ столомъ и народъ, и Положенія 19 февраля. Тутъ ужъ нельзя было никакимъ образомъ посовѣтовать молодежи: «поучиться у простыхъ, но честныхъ людей (рѣчь идетъ о мужикахъ) и повѣрить, что истиннаго чувства не слѣдуетъ убивать въ себѣ подпольными бреднями, что благоденствіе народа зависитъ не отъ пошлыхъ невыполнимыхъ утопій, но отъ точнаго примѣненія началъ законности» и т. д.—нельзя было, потому что сами попали въ просакъ — передернули не въ руку, ни народу, ни законности.

Вопросъ объ обязательномъ оброкѣ и взгляды, выраженные по этому вопросу въ литературѣ, показываютъ, какъ сбивчивы еще въ обществѣ экономическія понятія, какъ смутно пониманіе сущности самыхъ Положеній и какъ все это вмѣстѣ, при первой возможности, готово было однимъ ложнымъ шагомъ повредить успѣху дѣла, если бы только обществу были развязаны руки.

Отказывая въ обязательномъ оброкѣ, министерство въ то же время сочло нужнымъ разъяснить помѣщикамъ, какія мѣры, кромѣ уже указанныхъ, имѣются въ виду для того, чтобы облегчить переходъ отъ обязательной издѣльной повинности къ оброку. Мѣры эти должны были заключаться, съ одной стороны, въ облегченіи помѣщикамъ уплаты долговъ кредитнымъ установленіямъ; съ другой, въ открытіи средствъ частнаго кредита. Оно указывало на устройство поземельныхъ банковъ и ипотечной системы, а пока объясняло, что на разсмотрѣніи государственнаго совѣта находятся уже слѣдующія ближайшія мѣры: 1) Тѣмъ землевладѣльцамъ, которые не воспользовались позволеніемъ 9 августа 1860 г. пересрочить свои займы съ этого срока на 37 лѣтъ, съ платежемъ 5% интереса и 1% погашенія, разрѣшить пересрочить займы съ 1861 года. 2) Освобождать отъ залога земли, остающіяся въ непосредственномъ распоряженіи помѣ-

щика, коль скоро банковый долгъ сдѣлается на извѣстное число % ниже выкупной оцѣнки надѣла, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ накопленія недоимки до 10% банковаго долга было приступаемо къ выкупу надѣла, какъ бы онъ совершался по требованію помѣщика. 3) Заложенныя въ казну имѣнія предоставить закладывать вновь въ частныя руки съ сохраненіемъ за казной права первенства по удовлетворенію долга. 4) Въ погашеніе казеннаго долга позволить принимать въ казну выкупныя свидѣтельства, что должно уменьшить количество обращающихся бумагъ этого рода.

На вопросъ о земскихъ банкахъ помѣщики, конечно, мало разсчитывали. Коммиссія, учрежденная по этому предмету еще въ 1859 году, разсуждала о частномъ кредитѣ; но мысль установить поземельный кредитъ въ формѣ частныхъ мѣстныхъ поземельныхъ банковъ у насъ, гдѣ никогда не существовало собственно частнаго кредита, и въ то время, когда $^{9}/_{10}$ имѣній заложена въ казну, которой оставляется первенство по изысканію долга, когда сами землевладѣльцы печатали во всеуслышаніе о запутанности своего положенія, эта мысль дѣйствительно была не совсѣмъ удачна.

Рѣшеніе крестьянскаго вопроса, при самомъ началѣ дѣла, находилось въ тѣсной независимости отъ устройства поземельнаго кредита, но не частнаго, а казеннаго, что большая разница. Тотъ, кто не рѣшится повѣрить капиталовъ помѣщикамъ въ настоящую минуту, тотъ повѣритъ ихъ казнѣ и крестьянамъ. Все дѣло въ томъ, что кредитъ въ сущности принадлежитъ не одной только землѣ, не имуществу, а тому, что обезпечиваетъ возвратъ ссужаемаго и затрачиваемаго капитала, т. е. прежде всего труду, который одинъ можетъ вернуть ссуду и, слѣдовательно, служить прочнымъ ея обезпеченіемъ. На дѣлѣ выходитъ какъ будто иначе; кредитомъ пользуется не трудящійся, не работникъ или крестьянинъ, а капиталистъ или землевладѣлецъ, но это только потому, что самый трудъ принадлежитъ не одному трудящемуся, но и землевладѣльцу или собственнику; отсюда установляется градація кредита, который возрастаетъ пропорціонально власти отдѣльнаго лица или установленія надъ трудомъ, т. е. пропорціонально той части продукта, которую можетъ отдѣлить себѣ каждый въ свое личное распоряженіе. Государство, какъ наибольшая власть въ обществѣ, отъ котораго получаютъ свою силу и всѣ остальныя власти, пользуется и наибольшимъ кредитомъ; затѣмъ есть лица вовсе не собственники, которые пользуются большимъ кредитомъ, чѣмъ собственникъ, но въ сущности кредитъ принадлежитъ все-таки труду,

и это ощущается неминуемо всякій разъ, когда существующая власть надъ трудомъ колеблется. На этомъ основаніи помѣщики, утратившіе извѣстную долю своего права на чужой трудъ, извѣстные своимъ недостаткомъ въ капиталахъ, посредствомъ которыхъ они могли бы замѣнить наймомъ утраченную долю обязательнаго труда, не могли не потерять кредита, какое бы право собственности они ни сохранили на земли, ибо земля сама по себѣ не есть достаточное обезпеченіе. Конечно, земля всегда можетъ быть обработана и въ случаѣ неуплаты всегда можетъ быть продана и куплена съ публичнаго торга; но кредиторъ вовсе не ищетъ этого блага; оно для него составляетъ лишь крайнее средство; прежде всего онъ ищетъ аккуратной уплаты процентовъ и ссуды, и потому всегда предпочтетъ эту уплату судебному взысканію. Тѣмъ болѣе это должно быть справедливо относительно помѣщичьихъ земель, уже заложенныхъ въ казну. Но если кредитъ утраченъ помѣщиками, то отсюда не слѣдуетъ, чтобы онъ утратился совершенно. Пока остались трудолюбивыя руки въ обществѣ, до тѣхъ поръ осталась и гарантія, а слѣдовательно и кредитъ; словомъ, исчезнуть поземельный кредитъ не могъ: онъ долженъ былъ только перемѣститься, и перемѣститься именно на сторону крестьянъ или государства, смотря по тому, на сколько утраченная помѣщиками доля труда въ пользу крестьянъ перейдетъ путемъ налога къ казнѣ. Во всякомъ случаѣ нужно было, чтобы между послѣдними и капиталистами стало посредствующимъ лицо, пользующееся болышимъ кредитомъ, а такимъ лицомъ ближе всего могла быть казна при существующихъ основаніяхъ государственнаго устройства. Послѣдняя же могла найти капиталы для устройства поземельнаго кредита, если не внутри имперіи, то вызвать ихъ извнѣ. Въ такомъ положеніи находился вопросъ поземельнаго кредита при началѣ крестьянскаго дѣла; въ томъ же самомъ положеніи находится онъ и теперь.

Итакъ, разсчитывать на земскіе банки въ томъ видѣ, въ какомъ о нихъ упоминали, помѣщики никакъ не могли; оставалось ждать тѣхъ ближайшихъ облегченій, которыя обѣщало правительство.

Между послѣдними наибольшій интересъ возбуждало обѣщаніе освободить отъ запрещенія помѣщичьи земли, коль скоро опекунскій долгъ станетъ на извѣстное число $^{00}/_{00}$ ниже выкупной оцѣнки надѣла. Здѣсь видимо весь вопросъ заключался въ томъ, на сколько именно $^{00}/_{00}$ банковый долгъ долженъ будетъ стать ниже выкупной оцѣнки для освобожденія земель отъ запрещенія. Допустить простой

переводъ долговъ на надѣлъ, мимо послѣдняго условія, было видимо невозможно. Въ такомъ случаѣ помѣщикъ, получая изъ опекунскихъ совѣтовъ отъ 80 до 50 руб. на душу, вслѣдствіе разрѣшенія оплачивать эту ссуду капитализированнымъ оброкомъ, сталъ бы переводить въ счетъ долга по 120 руб. на душу. По этому счету, получивъ изъ опекунскихъ совѣтовъ 60.000 руб. на 1000 д. крестьянъ, можно было покрыть надѣломъ на 500 душъ весь капитальный долгъ, на остальной надѣлъ взять ссуду и сохранить еще круглымъ счетомъ $^2/_3$ земель очищенными отъ долговъ, тогда какъ прежде все имѣніе состояло подъ запрещеніемъ. Казна, допуская такой разсчетъ, видимо утроивала бы кредитъ, довольствовалась бы втрое меньшимъ обезпеченіемъ противъ прежняго за своихъ кредиторовъ и переводила бы на эту треть вдвое большую пропорцію долга. Но могла ли рента съ надѣла сама по себѣ обезпечить такого рода кредитную операцію? Изъ вышеприведенныхъ разсчетовъ мы знаемъ уже, что нѣтъ, что сдѣлавъ это, казна очевидно открывала бы кредитъ личному труду и промысламъ. А между тѣмъ спрашивается: упали ли бы черезъ это въ курсѣ бумажныя цѣнности, замѣнившія билеты опекунскихъ совѣтовъ? Смѣемъ думать, что нѣтъ, что онѣ, чего добраго, даже могли бы повыситься; вотъ еще лишнее доказательство, что кредитъ въ настоящую минуту принадлежитъ скорѣе крестьянамъ, чѣмъ помѣщику, не землѣ и ея собственникамъ, а труду. И такъ, полагаете вы значитъ, мы считаемъ все-таки вышеозначенную мѣру въ послѣднемъ счетѣ возможною. Нѣтъ, мы считаемъ ее все-таки невозможною, но невозможность ея представляется намъ съ другой стороны.

Вся выгода такой операціи для крестьянъ состояла бы лишь въ томъ, что пользуясь шансомъ накопившейся за прежнее время недоимки до 10% банковаго долга, они избавились бы отъ единовременнаго взноса дополнительныхъ платежей сверхъ ссуды, и вмѣсто 9 руб. безсрочнаго оброка должны были бы погашать одну только ссуду уплатой въ теченіи 49 лѣтъ по 7 руб. 20 коп. съ души. Мы же считаемъ вообще несправедливымъ переводить на крестьянъ займы и обязательства, которыхъ они не заключали. Шесть мѣсяцевъ прошло прежде, чѣмъ разрѣшились въ этомъ отношеніи выжиданія помѣщиковъ—обѣщанныя льготы вышли въ половинѣ февраля 1862 г.

Государственный совѣтъ подтвердилъ пересрочку займовъ съ 1862 г., право перезалога въ частныя руки и пріемъ выкупныхъ свидѣтельствъ по нарицательной цѣнѣ. Переводъ же долговъ на надѣлы разрѣшилъ исключительно въ оброчныхъ имѣніяхъ, по которымъ со-

составлены уставныя грамоты и при томъ съ слѣдующими двумя ограниченіями, а) чтобы переводимый долгъ былъ ниже разсчитанной по положенію выкупной суммы по крайней мѣрѣ на 30%, и б) чтобы отведенный надѣлъ былъ не менѣе тѣхъ размѣровъ, какіе установлены въ положеніи о выкупѣ.

По этимъ правиламъ, стало быть, дозволялось ликвидировать опекунскій долгъ капитализированнымъ оброкомъ, зачитая если не рубль за рубль, то рубль оброка за 70 коп. долга, или 150 руб. душевой капитализаціи за 105 руб.; разница, которая оставалась за такимъ учетомъ, конечно, не пропадала для помѣщиковъ и уплачивалась имъ крестьянами въ видѣ оброка или выкупныхъ платежей. И такъ въ результатѣ все-таки признавалось, что долги, заключенные по 60 руб. на душу; при залогѣ всего имѣнія, могли быть гарантированы однимъ надѣломъ до 70% и переведены на крестьянъ по 45 руб. вмѣсто 60 или болѣе, смотря по количеству опекунской ссуды, полученной на душу. Если вспомнить, что земли въ распоряженіи помѣщика оставалось на $^2/_3$ болѣе, чѣмъ отводилось крестьянамъ, то нельзя не признать, что здѣсь цѣлая треть прежняго поземельнаго обезпеченія долговъ освобождалась отъ залога и замѣнялась личнымъ трудомъ и промысловыми заработками, на которые переносилась гарантія кредита, а между тѣмъ, мѣра эта не заставила понизиться нисколько курсъ соотвѣтствующихъ бумажныхъ цѣнностей. Вотъ, кажется, лучшее подтвержденіе выраженной нами выше мысли, что въ настоящее время кредитъ принадлежитъ скорѣе крестьянамъ, чѣмъ помѣщикамъ, что трудъ можетъ быть при извѣстныхъ условіяхъ лучшей его гарантіей, чѣмъ земля и собственность. Такая мѣра, изданная незадолго до истеченія годоваго срока, назначеннаго для составленія уставныхъ грамотъ, должна была ускорить ходъ этого дѣла въ оброчныхъ имѣніяхъ; ею имѣлось въ виду также склонить помѣщиковъ издѣльныхъ имѣній къ уступкамъ для соглашенія крестьянъ къ переходу на оброкъ; но, кажется, вліяніе ея въ этомъ отношеніи было незначительно.

Съ одной стороны, добровольное пониженіе оброка казалось бы помѣщикамъ самымъ труднымъ и неразсчетливымъ дѣломъ; съ другой, помѣщики оброчныхъ имѣній жаловались на неточную уплату оброка по составленнымъ уже грамотамъ, и хотя оказывалось, что жалобы эти были не всегда основательны, но если взять въ разсчетъ величину оброка въ сравненіи съ тѣмъ, что платили рядомъ за земли государственные крестьяне, то еще труднѣе предположить, чтобы по-

мѣщики готовы были сдѣлать такія уступки, которыя показались бы достаточно заманчивы крестьянамъ для перехода на оброкъ, въ то время, какъ изъ устъ въ уста переходило ироническое замѣчаніе, что лучше было бы освободить крестьянъ безъ земли, потому что теперь земля оцѣнена втрое противъ ея продажной цѣны. Трудно было ждать соглашеній. Помѣщики естественно дорожили этой оцѣнкой, какъ правомъ, котораго не слѣдовало уступать даромъ. Однимъ изъ нихъ, не смотря на категорическое разъясненіе министерства, все еще мерещилась впереди возможность обязательнаго оброка. По крайней мѣрѣ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ появлялись статьи, въ которыхъ необходимость его доказывалась тѣмъ, что положеніе крестьянъ издѣльныхъ возбуждаетъ зависть крестьянъ оброчныхъ, а всѣмъ извѣстно, прибавлялъ одинъ авторъ, въ какой степени міръ ненавидитъ всякую привилегію, всякое неравенство въ своей средѣ. Итакъ, положеніе издѣльныхъ крестьянъ оказывалось уже теперь привилегіей. Замѣтьте, какая строгая послѣдовательность: выше, когда дѣло шло объ оброкѣ, онъ составлялъ по своей умѣренности чистѣйшую поземельную ренту; а теперь оказывается, что этотъ оброкъ тяжелѣе барщины, и потому нужно сдѣлать его обязательнымъ, чтобы барщина не возбуждала зависти въ оброчникахъ.

Несравненно выгоднѣе уступокъ въ оброкѣ было воспользоваться возможностію уступить крестьянамъ $^1/_4$ надѣла и раздѣлаться съ ними навсегда. За это и взялись тамъ, гдѣ оно было возможно, гдѣ крестьяне, стѣсняемые, съ одной стороны, ожиданіемъ постоянныхъ пререканій среди издѣльнаго положенія, съ другой, страхомъ обязательнаго оброка, согласны были принять такую сдѣлку. Помѣщики пожалуй были бы и согласны на это во многихъ мѣстахъ, но опять допустить это такъ просто, какъ слѣдовало по положенію 19 февраля, было также не къ программѣ.

Казанское дворянство, напримѣръ, представляло правительству въ январѣ 1862 г., что стремленіе крестьянъ къ пріобрѣтенію въ даръ $^1/_4$ надѣла составляетъ общее явленіе въ губерніи. Между тѣмъ отсутствіе кредита и долги, лежащіе въ имѣніяхъ, поставляютъ многихъ помѣщиковъ въ невозможность подарить крестьянамъ указную $^1/_4$ надѣла, а отказъ этотъ возбуждаетъ еще болѣе и безъ того не совсѣмъ миролюбивыя отношенія. Поэтому дворянство просило, не признаетъ ли правительство возможнымъ за необязательное отчужденіе отъ имѣній самой дорогой части надѣла предоставить помѣщикамъ какія-либо льготы по уплатѣ долговъ кредитнымъ установле-

ніямъ, или открыть временный кредитъ для устройства хозяйства на новыхъ началахъ. Выражаясь опредѣленнѣе, землевладѣльцы хотѣли, уступая $^1/_4$ надѣла, сложить на нее вмѣстѣ съ тѣмъ и извѣстную часть долга, т. е. сократить надѣлъ до $^1/_4$ и взять съ него слѣдующую повинность.

Но эти разсчеты были еще несбыточнѣе обязательнаго оброка.

Не рѣшившись ни на какія уступки, не заботясь о соглашеніяхъ и сокращенныхъ путяхъ, нѣкоторые повели дѣло чисто издѣльнымъ порядкомъ, стараясь при этомъ искать средствъ къ огражденію себя отъ потерь въ самыхъ положеніяхъ. Здѣсь дѣло снова переполнилось тѣми мелкими непониманіями и сомнѣніями, которыя вырастали на каждомъ шагу и въ первое время дѣятельности мировыхъ учрежденій.

Сомнѣнія эти были въ родѣ слѣдующихъ: нѣкоторые пробовали брать пояснительный примѣръ изъ Положенія и, на основаніи его, установлять общее правило, принимая условныя цифры примѣра за законныя нормы, не смотря на всю очевидную несообразность такого пріема со смысломъ основной статьи. Такъ напримѣръ, въ Положеніи постановлено, что изъ поемныхъ луговъ безъ согласія крестьянъ можетъ быть отрѣзана только часть, соразмѣрная общей долѣ подлежащихъ отрѣзкѣ угодій, и пояснено примѣромъ, что если поемные луга составляютъ $^1/_{10}$ часть надѣла, то при отрѣзкѣ 150 десятинъ можетъ быть отрѣзано не болѣе 15 десятинъ луга. Тамбовскіе помѣщики поняли это такъ, что сколько бы ни было луговъ, они должны непремѣнно составить $^1/_{10}$ часть надѣла и что затѣмъ помѣщикъ можетъ урѣзать до $^1/_{10}$ сколько ему заблагоразсудится.

Далѣе положеніями предоставлено крестьянамъ удерживать въ своемъ пользованіи въ теченіи пяти лѣтъ землю и покосы, подлежащіе отрѣзкѣ за добавочную повинность. Нѣкоторые Пензенскіе помѣщики сомнѣвались не значитъ ли это, что крестьяне, во что бы то ни стало должны были удержать за собой отрѣзки, и притомъ не менѣе какъ на пять лѣтъ, если не пожелаютъ отказаться отъ нихъ при составленіи грамотъ. Они опирали свои соображенія на томъ, что цѣна, полагаемая за эту землю, ниже мѣстной наемной платы, а потому ее можно разсматривать не иначе, какъ среднюю цѣну, установленную на все пятилѣтіе.

Далѣе оказывалось, что въ счетъ надѣла пробовали включать неудобныя земли или требовали перенесенія усадебъ, примѣняя разстояніе, положенное для крестьянскихъ усадебъ, отъ экономическихъ строеній къ помѣщичьимъ садамъ или огородамъ.

Въ числѣ возбужденныхъ притязаній были, наконецъ, и такія, которыя доходили до министерства: таково было почти общее стремленіе къ немедленному разверстанію.

Оно было такъ сильно, что министерство, отказавъ въ немъ разъ и признавъ его противузаконнымъ въ отношеніи крестьянъ, внесло этотъ вопросъ въ главный комитетъ. Главный комитетъ весной 1862 г. разрѣшилъ помѣщикамъ прибавлять къ уставнымъ грамотамъ, составляемымъ безъ добровольныхъ соглашеній, въ видѣ особаго приложенія, и свои проекты обязательнаго разверстанія, съ тѣмъ, чтобы это не останавливало утвержденія уставныхъ грамотъ и чтобы разверстаніе, въ случаѣ его утвержденія, было приведено въ дѣйствіе не ранѣе, какъ черезъ два года послѣ утвержденія положеній. Только въ случаѣ разсмотрѣнія, утвержденія и приведенія въ исполненіе требованія помѣщиковъ о выкупѣ должно было быть разсматриваемо, утверждаемо и приводимо въ дѣйствіе принудительное разверстаніе.

Совершаемыя среди такихъ сомнѣній грамоты опять породили безпорядки и стали вызывать военную силу.

Обыкновеннымъ явленіемъ было то, что крестьяне отказывались прикладывать руку къ грамотамъ, видя въ нихъ акты, которыми устанавлялись ихъ отношенія къ землевладѣльцу по нѣкоторымъ статьямъ окончательно, по другимъ на долгіе сроки.

Главный комитетъ въ августѣ издалъ правила о томъ, какъ поступать въ случаѣ такихъ отказовъ.

Въ случаѣ уклоненія крестьянъ отъ составленія приговора объ избраніи уполномоченныхъ для выслушанія грамоты, участія въ повѣркѣ ея и подписанія о томъ акта, посреднику разрѣшено приступать къ повѣркѣ грамоты, посредствомъ опроса крестьянъ и добросовѣстныхъ изъ сосѣднихъ селеній, въ присутствіи схода. Въ случаѣ отказа добросовѣстныхъ въ подписаніи акта о повѣркѣ грамоты, посреднику предписано представлять грамоту въ мировой съѣздъ, который затѣмъ вызываетъ къ себѣ добросовѣстныхъ, а если они и здѣсь еще откажутся отъ подписанія, то распоряжается наложеніемъ на нихъ взысканія по положенію и о введеніи въ дѣйствіе уставной грамоты, буде она не подлежитъ утвержденію губернскаго присутствія. Если крестьяне отказываются отъ принятія копіи съ грамоты, то надлежитъ прочитывать ее на полномъ сходѣ и требовать непремѣннаго ея исполненія, а затѣмъ хранить эту копію у посредника или въ волостномъ правленіи до востребованія ея крестьянами.

Въ параллель къ этому министерство въ то же время разослало

губернскимъ присутствіямъ циркуляръ о составленіи грамотъ въ имѣніяхъ, по коимъ онѣ не будутъ представлены въ срокъ самими владѣльцами. Здѣсь установлялась собственно очередь имѣній, въ которой слѣдовало приступать къ составленію уставныхъ грамотъ: впереди всего были поставлены имѣнія, гдѣ введеніе окончательнаго поземельнаго устройства окажется необходимымъ для прекращенія волненій; затѣмъ тѣ имѣнія, гдѣ по отсутствію или другимъ причинамъ нельзя ожидать непосредственнаго участія владѣльца въ составленіи грамотъ и затѣмъ уже прочія.

Такимъ образомъ правительство ревностно заботилось, чтобы грамоты были окончены въ указанное время.

Помѣщикамъ также, казалось, были развязаны руки; тамъ, гдѣ они не могли достигнуть свободныхъ соглашеній, имъ оставалось составлять грамоты по положенію и отсылать посреднику, который также могъ давать имъ законный ходъ, независимо отъ подписи крестьянъ.

Между тѣмъ число грамотъ, хотя и росло все болѣе и болѣе, однакоже было еще весьма далеко отъ своей настоящей цифры. Въ мартѣ 1862 г., т. е. по окончаніи годоваго срока, представлено было всего 9.187 грамотъ, что не составляло и $^1/_{10}$ общаго числа ихъ.

Въ теченіи лѣта число грамотъ стало значительно увеличиваться, такъ что въ прошломъ августѣ министерство печатало уже слѣдующія статистическія данныя.

Общее число грамотъ возросло до	57.395
изъ нихъ введено	27.278
не утверждено	30.017
въ томъ числѣ съ прекращеніемъ обязательныхъ отношеній	2.385

Такимъ образомъ, общее число представленныхъ грамотъ, достигало, по видимому, половины ихъ надлежащаго числа. Но, при подробнѣйшемъ разсмотрѣніи тѣхъ же свѣдѣній, оказывалось, что этимъ числомъ грамотъ опредѣлялись поземельныя отношенія не болѣе какъ $^1/_5$ части общаго числа бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Наличныя грамоты распространялись всего на 2.797.550 душъ, что, въ отношеніи къ 10.158.546 душамъ бывшихъ крѣпостныхъ людей, составляло всего 27,53%.

Далѣе, вглядываясь въ сообщаемыя тутъ же свѣдѣнія о числѣ грамотъ по губерніямъ, можно было замѣтить значительную разницу въ распредѣленіи числа грамотъ по мѣстностямъ. Съ самаго начала

въ этомъ распредѣленіи можно было усмотрѣть извѣстный порядокъ, который мы и указали выше: впереди шли великорусскія промышленныя губерніи, сзади всѣхъ издѣльныя западныя и югозападныя. Теперь губерніи различныхъ мѣстностей совершенно перемѣшались: впереди явились губерніи запаздывавшія, напр. Подольская; передовыя низошли почти на задній планъ, напр. Московская. Ясно, что въ силу какихъ-либо причинъ, тамъ, гдѣ уставныя грамоты пошли сначала быстрѣе, онѣ пріостановились. Постараемся узнать эти причины.

Обращаясь къ дальнѣйшимъ подробностямъ, мы узнаемъ, что изъ числа введенныхъ грамотъ:

подписано крестьянами	14.122
не подписано	13.256
по роду повинностей число грамотъ слѣдующее:	
оброчныхъ	14.449
издѣльныхъ	10.478
смѣшанныхъ	66
выкупныхъ съ содѣйствіемъ правительства	1.871
безъ содѣйствія	514

Что же выводится изъ этихъ цифръ?

Число грамотъ подписанныхъ было значительнѣе не подписанныхъ, число оброчныхъ больше числа издѣльныхъ,—значило ли это, какъ многіе думали, что число добровольныхъ соглашеній должно быть вообще больше числа несогласій, или что число крестьянъ согласныхъ перейти на оброкъ болѣе числа несогласныхъ? Напротивъ, приведенные факты доказывали совершенно противное, именно, что грамоты составились и составляются преимущественно по тѣмъ имѣніямъ, гдѣ соглащенія были возможны, гдѣ крестьяне были и безъ того уже на оброкѣ или вслѣдствіе какихъ-либо уступокъ пришли къ соглашенію; затѣмъ оставалось почти 8.000.000 крестьянъ, для которыхъ грамоты могли быть составлены до того времени только помимо ихъ согласія на издѣльномъ основаніи.

Между тѣмъ землевладѣльцы почти единодушно признали для себя выгоднымъ издѣльное начало, и потому естественно, что они и теперь еще медлили представленіемъ грамотъ. Такимъ только образомъ объясняется и пріостановка грамотъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ сначала грамоты составлялись всего успѣшнѣе.

Чего же ждали землевладѣльцы?

Выше мы видѣли, что они ждали обязательнаго оброка, потомъ

разсчитывали на уступку 1/4 надѣла съ переводомъ на эту часть казеннаго долга. Къ этимъ выходамъ присоединился наконецъ третій.

Въ началѣ января помѣщики одной сѣверной губерніи объяснили, что землевладѣльцы и крестьяне видятъ одинъ исходъ изъ труднаго для обѣихъ сторонъ положенія — это выкупъ, но что выкупъ опять затрудняется предварительнымъ взносомъ той части выкупной суммы, на которую не распространяется ссуда. Взносъ этотъ составляетъ 30 р. на душу и не по силамъ крестьянамъ; помѣщики также не считаютъ возможнымъ отъ него отказаться. Они просили, поэтому, чтобы правительство приняло на себя выдачу ссуды на всю выкупную сумму, а предварительные платежи разсрочило бы на крестьянъ.

Того же приблизительно ждали теперь и всѣ землевладѣльцы; выкупъ сталъ послѣднимъ лозунгомъ, къ которому пришли понятія. Потерявъ надежду оставить все по прежнему, потомъ устроиться съ барщиной, они перешли къ обязательному оброку и уступкѣ 1/4 надѣла, и наконецъ завершили обязательнымъ выкупомъ.

По этому поводу, минувшей весной, правительство еще разъ возвращалось къ вопросу объ обязательномъ оброкѣ и признало его окончательно неудобнымъ, превышающимъ способы крестьянъ и наемныя цѣны на земли для большинства мѣстностей, къ которымъ принадлежатъ по преимуществу всѣ многоземельные уѣзды не черноземной, черноземной и степной полосъ. Оно было и трудно сдѣлать иначе, какъ скоро поземельная плата живущихъ рядомъ государственныхъ крестьянъ, при всей умѣренности ея, колеблясь, какъ извѣстно, отъ 1 р. до 3 р. съ души, носитъ все-таки названіе оброчной подати. Соображая такія условія, сдѣлать обязательнымъ оброкъ было трудно иначе, какъ уменьшивъ его размѣры. Если же эта сбавка была бы сдѣлана примѣрно на 20% или 25%, то оброкъ сравнялся бы съ размѣромъ годовыхъ взносовъ при выкупѣ и отличался бы отъ послѣднихъ только своей безсрочностью. Поэтому вѣроятно, правительство и предпочло остановиться на обязательномъ выкупѣ.

Правилами, изданными по этому предмету въ прошломъ іюнѣ, было постановлено:

1) Распространить на издѣльныхъ крестьянъ въ губерніяхъ великороссійскихъ, малороссійскихъ и бѣлорусскихъ, кромѣ инфляндскихъ уѣздовъ, содѣйствіе правительства по выкупу съ слѣдующими дополненіями и измѣненіями: а) когда выкупъ производится по требованію помѣщика, то мировой посредникъ входитъ въ обсужденіе состоя-

тельности крестьянъ по взносу выкупныхъ платежей и въ случаѣ сомнѣнія, представляетъ о томъ черезъ мировой съѣздъ губернскому присутствію; б) въ мѣстностяхъ многоземельныхъ какъ-то: 7, 8 и 9 нечерноземной полосы, 7 и 8 черноземной, во всей степной полосѣ великороссійскихъ губерній и въ 4, 5, 6 и 7 мѣстностяхъ губерній новороссійскихъ, помѣщикъ вмѣстѣ съ требованіемъ о выкупѣ предоставляетъ крестьянамъ право, вмѣсто выкупа, получить въ даръ 1/4 надѣла высшаго или указнаго безвозмездно.

2) Причитающаяся ссуда исчисляется на основаніи Положенія о выкупѣ; изъ нея прежде всего вычитается долгъ кредитнымъ установленіямъ, согласно 69 ст. Положенія, затѣмъ часть выдается помѣщику 5% билетами 2-го выпуска, на остальную же часть, вмѣсто выкупныхъ свидѣтельствъ назначается помѣщику впредь до погашенія непрерывный доходъ въ размѣрѣ 5 1/2 %. Правительство предоставило себѣ право, до истеченія 10 лѣтъ, объявить о способѣ и порядкѣ погашенія той части ссуды, которая обращается въ непрерывный доходъ.

Изложенныя правила распространяются и на тѣ имѣнія, гдѣ издѣльная повинность будетъ замѣнена оброкомъ, послѣ изданія настоящихъ постановленій.

Таковы были правила объ обязательномъ выкупѣ, которыми разрѣшились послѣднія надежды нѣкоторыхъ воспользоваться высокой оцѣнкой земли по нормамъ указнаго оброка.

О переводѣ казенныхъ долговъ на 1/4 надѣла нечего было и думать; выкупная ссуда не распространена на всю выкупную сумму и ограничена по Положенію; наконецъ, и эта ссуда поставлена въ зависимость:

1) Отъ состоятельности способовъ къ ея уплатѣ, что предоставлено рѣшать мировымъ учрежденіямъ.

2) Въ многоземельныхъ мѣстностяхъ отъ благоусмотрѣнія крестьянъ, которые могутъ предпочесть выкупнымъ платежамъ даровую ¼ надѣла.

Такъ какъ настоящія правила должны были вступить въ силу только спустя шесть мѣсяцевъ послѣ ихъ изданія, то мы не можемъ привести никакихъ статистическихъ данныхъ, по которымъ можно было бы судить о томъ, на сколько правила эти подвинули дѣло выкупа.

Пока же число выкупныхъ сдѣлокъ оставалось очень ограниченно.

Въ маѣ, главное выкупное учрежденіе сообщило слѣдующія данныя:

Всѣхъ выкупныхъ сдѣлокъ было внесено . . .	689
онѣ простирались на	74.859 д.

Къ десяти слишкомъ милліонамъ это число относится приблизительно какъ 7½ къ 1,000. Въ концѣ іюля, по свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, общее число сдѣлокъ было .	749 д.
изъ нихъ нихъ утверждено	545
къ которымъ приступило	70.570 душ.
выкупающихъ	243.270½ д.
По 27 ноября всѣхъ сдѣлокъ заключено:	
Съ содѣйствіемъ правительства	2.020
Изъ нихъ утверждено	1.309
распространяются онѣ на	163.151 д.
выкупающихъ	565.479 дес.
Безъ содѣйствія	1.133
распространяются онѣ на	237.675 душ.
По этимъ даннымъ душевой участокъ (около 3½ дес.) долженъ стоить	106 р.
банковаго долга на немъ	53 »
выкупныхъ бумагъ	53 »
стоимость десятинъ	30 »

И такъ, процентъ выкупныхъ сдѣлокъ остается по настоящее время очень ничтоженъ. На сколько онъ возрастетъ при помощи новыхъ правилъ, это покажетъ, конечно, время; но и теперь уже можно отчасти предположить, что дѣло не обойдется вовсе безъ затрудненій. Затрудненія эти, очевидно, могутъ представиться въ двухъ статьяхъ: въ состоятельности крестьянъ къ уплатѣ выкупныхъ %% и въ опасеніяхъ помѣщиковъ, что крестьяне многоземельныхъ мѣстностей воспользуются скорѣе правомъ взять даромъ ¼ надѣла.

Что касается состоятельности крестьянъ, то опредѣлить ее въ отношеніи къ выкупнымъ платежамъ не трудно. Одно уже то, что правительство сочло нужнымъ имѣть въ каждомъ данномъ случаѣ удостовѣреніе въ томъ мировыхъ учрежденій, показываетъ, что состоятельность эта не можетъ считаться общею.

У насъ есть уже готовые разсчеты приблизительной ренты, приведенные по поводу оброка; остается, значитъ, сравнить эти разсчеты съ нормами выкупныхъ платежей, точно такъ же, какъ мы сравнивали ихъ выше съ оброкомъ, т. е. вмѣсто 9 руб. взять за единицу сравненія 7 р. 50 к. и затѣмъ примѣнить сюда все, что было сказано объ уменьшеніи высчитанной ренты прибавившимися налогами и сборами на управленіе. Сдѣлавъ это, мы легко поймемъ, что во всѣхъ

издѣльныхъ имѣніяхъ, гдѣ средства крестьянъ почти исключительно ограничиваются поземельнымъ доходомъ, крестьянамъ не останется другаго выбора, какъ взять $^1/_4$ надѣла, и что другой исходъ составитъ только исключеніе.

Если помѣщики не нашли возможности гарантировать крестьянамъ заработки для перевода ихъ на оброкъ, если крестьяне не нашли прежде возможнымъ разсчитывать на заработки достаточные для какихъ-либо соглашеній насчетъ оброка, даже въ уменьшенномъ размѣрѣ, если, наконецъ, рента съ земель и, слѣдовательно, наемная цѣна десятины ниже выкупныхъ платежей, то трудно ожидать помѣщикамъ другаго выбора со стороны крестьянъ. Достаточно взглянуть на среднюю стоимость десятины, высчитанную министерствомъ по совершеннымъ уже выкупнымъ сдѣлкамъ, и припомнить цѣны на земли, существующія въ дѣйствительности, чтобы понять, что выкупныя сдѣлки могутъ состояться только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ мѣстностяхъ. Стоимость десятины по этому разсчету равняется 31 руб. Гдѣ же можетъ быть благоразумно пріобрѣтать землю по этой цѣнѣ? Весьма естественно, что крестьянинъ предпочтетъ удержать даромъ $^1/_4$ часть надѣла, имѣя въ виду нанять ту же землю гораздо дешевле у того же помѣщика по вольной цѣнѣ.

Затѣмъ, уставнымъ грамотамъ остается одинъ порядокъ для совершенія—это издѣльный, и этимъ порядкомъ, вѣроятно, будетъ совершена значительнѣйшая доля еще остающихся грамотъ.

Но издѣльный порядокъ, какъ извѣстно, одинаково невыгоденъ для обѣихъ сторонъ. Помѣщики утверждаютъ, что онъ сопряженъ для нихъ съ значительными потерями; для крестьянъ онъ стоитъ также необыкновенно дорого. Такъ, если разсчитать, по оцѣнкѣ рабочихъ дней, принятыхъ хотя, напримѣръ, саратовскимъ губернскимъ присутствіемъ, стоимость душевой барщины (полагая:

лѣтніе дни:	мужской	50 коп.
	женскій	25 »
и зимніе »	мужской	40 »
	женскій	20 »)

то съ полнаго душевнаго надѣла въ 40 мужскихъ дней придется:

лѣтнихъ мужскихъ 24 дня	. . . . .	9 р. — к.
женскихъ 6 »	. . . . .	1 » 50 »
зимнихъ мужскихъ 16 »	. . . . .	6 » 40 »
женскихъ 4 »	. . . . .	— » 80 »
	Итого . . .	17 р. 70 к.

Сумма эта, говорятъ, вдвое больше оброка и потому, конечно оброкъ выгоднѣе для крестьянина. Да кто же споритъ противъ этого? Сумма дѣйствительно больше и, пожалуй, выгоднѣе, но только для того, у кого есть деньги. Понятно, что, кромѣ выгодности, нужно имѣть возможность воспользоваться выгодой. Можетъ быть, и очень выгодно, напримѣръ, кому нибудь скупить въ настоящую минуту всѣ помѣщичьи имѣнія; отчего же онъ ихъ не скупаетъ? Конечно, если бы помѣщики согласились на основаніи такой оцѣнки гарантировать крестьянамъ заработки, то крестьянинъ могъ бы отработать оброкъ половиною указанныхъ дней и предпочелъ бы этотъ видъ издѣлья обыкновенному, или, что то же самое, еели бы на мѣстѣ всегда была работа по приведенной цѣнѣ, прямо бы пошелъ на оброкъ; но такъ какъ все дѣло въ томъ, что этой работы не существуетъ, и помѣщики не въ состояніи ее гарантировать, что крестьянинъ не имѣетъ средствъ добыть тѣ деньги, которыя необходимы для уплаты оброка, а можетъ платить только руками, то весьма естественно, что онъ станетъ платить руками, хотя бы и въ тридорога.

Скажемъ болѣе: мало того, что барщина должна обходиться крестьянину дороже по оцѣнкѣ; она сопряжена для него еще съ большими невыгодами. Онъ не можетъ располагать своимъ временемъ, связанъ по ст. 251 Мѣст. Вел. Пол. относительно отлучекъ въ заработки, связанъ еще болѣе по ст. 253, въ силу которой неотработанные въ трехдневный срокъ прогульные дни обращаются въ денежную недоимку. Эта-то недоимка разсчитывается по приведеннымъ выше цѣнамъ, и для нея-то спеціально онѣ приноровлены. За недоимкой же слѣдуетъ продажа имущества, отдача въ работу, смѣна должностныхъ лицъ и вмѣшательство въ общественное управленіе, невыдачи всему обществу паспортовъ, отобраніе земли на три года и т. д. И вотъ не смотря на всѣ эти невыгоды, крестьянинъ предпочитаетъ все-таки издѣлье.

Возьмемъ послѣднія свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ объ уставныхъ грамотахъ, и мы увидимъ, что большинство грамотъ составляется все-таки издѣльнымъ порядкомъ.

По 12 марта составлено всего грамотъ . 103.893
введено 97.539

Послѣднія распространяются на 8.861.748 душъ, что составляетъ 88,67% общаго числа душъ въ имѣніяхъ не мелкопомѣстныхъ, т. е. свыше 20 душъ (9.993.023).

Изъ числа введенныхъ въ дѣйствіе подписано крестьянами 44.498

число душъ крестьянъ	3.433.356
не подписано	45.825
число душъ крестьянъ.	4.681.844
Изъ числа введенцыхъ въ дѣйствіе оброчныхъ	48.796
число крестьянъ	3.780.512
на издѣльи	31.771
число крестьянъ	3.111.877

И такъ, крестьянинъ не можетъ принять на себя оброка, потому что не имѣетъ средствъ его уплачивать, не можетъ идти на выкупъ, потому что выкупа добровольнаго онъ также принять не можетъ, а обязательнаго ему не предлагаютъ. Остается барщина, съ которой онъ находится въ полукрѣпостномъ положеніи и при которой надъ его головою виситъ, какъ дамокловъ мечъ, оцѣнка рабочихъ дней, произведенная губернскими присутствіями на случай недоимокъ.

Въ этихъ немногихъ словахъ заключается все положеніе вопроса въ настоящую минуту.

Излишне, конечно, доказывать, что такимъ положеніемъ вещей трудно довольствоваться. Въ то время, какъ обстоятельства сложили такую удобную точку опоры, какъ взаимное недовольство издѣльемъ, непростительно было бы не воспользоваться ею, чтобы двинуть дѣло къ выкупу. Выкупъ же, какъ мы видѣли, завязъ въ слишкомъ высокой оцѣнкѣ земли.

И такъ, нужно искать средствъ, какъ его высвободить. Средства къ улучшенію дѣла видимо могутъ заключаться лишь въ устраненіи, съ одной стороны, тѣхъ условій, которыя задерживаютъ самый выкупъ, съ другой, въ обезпеченіи помѣщиковъ, на счетъ которыхъ только и могутъ быть устранены эти условія.

Что касается послѣднихъ, то единственное возможное обезпеченіе владѣльцевъ, какъ мы уже указали, заключается въ устройствѣ кредита. Кредитъ же, какъ по самой сущности своей, такъ и вслѣдствіе того положенія, въ которомъ находятся теперь землевладѣльцы, можетъ принадлежать лишь государству и труду. Открыть его, стало быть, могутъ помѣщикамъ лишь крестьяне и государство. Одно лишь учрежденіе общаго государственнаго крестьянскаго банка можетъ привлечь къ себѣ достаточное количество частныхъ вкладовъ для снабженія помѣщиковъ необходимыми ссудами и выполненія столь значительной операціи. Въ министерствѣ государственныхъ имуществъ находится на лицо готовая и при томъ не малая часть основного ка-

питала для такого предпріятія. Часть эта составляетъ чистую собственность крестьянъ и можетъ быть или выдана въ руки обществамъ при предстоящемъ устройствѣ быта государственныхъ крестьянъ на новыхъ основаніяхъ, или употреблена на чисто крестьянскія же пользы. Наконецъ, основной капиталъ для подобнаго учрежденія можетъ быть образованъ частью черезъ единовременное отчисленіе извѣстной доли изъ выкупныхъ платежей. Мѣра эта, будучи въ сущности прямымъ сборомъ съ крестьянъ, не увеличитъ нисколько настоящаго количества этихъ сборовъ, потому что будетъ взята лишь въ виду тѣхъ измѣненій къ капитализаціи выкупа, которыя мы предложимъ ниже, и, наконецъ, будетъ взята единовременно. Будучи чисто крестьянскимъ учрежденіемъ, и слѣдовательно, обращая всѣ свои выгоды въ пользу крестьянъ, банкъ этого только рода будетъ имѣть возможность воспользоваться, къ выгодѣ крестьянъ, шансами денежнаго рынка для погашенія выкупныхъ свидѣтельствъ. Такимъ только образомъ предотвратится неизбѣжное иначе зло сосредоточенія въ третьихъ рукахъ выкупныхъ бумагъ, скупленныхъ по умаленной цѣнѣ аферистами, вслѣдствіе чего выкупъ, отягощая крестьянъ платежами, которые не достанутся помѣщикамъ, послужитъ лишь къ выгодѣ спекуляторовъ и станетъ просто налогомъ въ пользу биржи.

Впрочемъ, полагаемъ, что такъ или иначе, а вопросъ о поземельномъ кредитѣ не избѣжитъ предлагаемой нами государственной системы, если только кредитъ этотъ устроится на прочныхъ основаніяхъ. Мы готовы допустить даже, что частные поземельные банки устроятся, и все-таки на насъ находитъ сильное сомнѣніе, не постигнетъ ли ихъ судьба нашихъ прочихъ частныхъ предпріятій — судьба частныхъ акціонерныхъ компаній, даже гарантированныхъ правительствомъ. Можетъ быть, мы и ошибаемся; но если нѣтъ, тогда что? Тогда еще новое раззореніе, новый фейерверкъ изъ спокойствія сотенъ и тысячъ семействъ, въ честь науки кровныхъ экономистовъ, какъ ихъ называютъ одни, и кровныхъ лавочниковъ по другому варіанту.

Не слишкомъ ли ужъ много,—даже если бъ это была въ самомъ дѣлѣ наука.

Но вопросъ о кредитѣ есть во всякомъ случаѣ вопросъ о мѣрахъ вспомогательныхъ, сущность дѣла все-таки въ томъ, что называется обыкновенно выкупомъ и что мы вѣрнѣе бы назвали прямымъ вознагражденіемъ помѣщиковъ крестьянами за такъ называемыя потери.

Переходя затѣмъ къ вопросу о выкупѣ, намъ естественно предстоитъ остановиться на мысли объ установленіи оцѣночныхъ капитализацій на случай обязательнаго выкупа.

Здѣсь мы попросимъ обратить вниманіе на слѣдующія соображенія.

Выкупъ съ его оцѣнками, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ установленъ въ Положеніяхъ, былъ установленъ, какъ мы объяснили выше, чисто условно, т. е. такъ, чтобы крестьяне не имѣли возможности приступить къ нему сразу и оставить безъ рукъ помѣщика. На этомъ основаніи, съ другой стороны, онъ и не былъ сдѣланъ обязательнымъ для крестьянъ. Опытъ не оправдалъ тѣхъ опасеній, которыя имѣлись въ виду; выкупа стали требовать не крестьяне, а помѣщики, и этимъ измѣнились въ корнѣ тѣ условія, на которыхъ была допущена первоначальная система. Совершенно такъ поняло дѣло и правительство, издавая новыя правила объ обязательномъ выкупѣ.

Вглядываемся теперь въ измѣненія, которыя должны были произойти въ самой системѣ оцѣнокъ, вслѣдствіе такой перестановки вопроса. Прежнія оцѣнки были произведены на основаніи нормъ оброка, возвышенныхъ сознательно, отчасти въ виду того же предохраненія помѣщиковъ отъ быстрой потери барщины, отчасти въ томъ разсчетѣ, что онѣ установлялись на 20 лѣтъ, и потому въ средней сложности могли ближе, чѣмъ теперь, подойти къ рентѣ, которая, какъ предполагалось, должна возрости въ теченіи этого срока.

Понятно, что такія нормы не могли служить основаніемъ и въ ту пору для выкупныхъ оцѣнокъ въ строго хозяйственномъ смыслѣ; ибо если мы даже допустимъ, что со всякимъ наймомъ, заключаемымъ на долгіе сроки, сопряжено возвышеніе наемной цѣны противъ цѣнъ существующихъ во время заключенія договора, въ разсчетѣ на постоянное возрастаніе ренты, если можетъ быть выгодно заключать долгосрочные наймы по возвышенной цѣнѣ,—то при покупкѣ и продажѣ земли цѣнность ея опредѣляется, конечно, не по капитализаціи фиктивныхъ предѣловъ, до которыхъ можетъ возрости доходъ съ земли когда нибудь, а на основаніи дохода, который она даетъ, или наемной цѣны, существующей въ данную минуту.

Поэтому, если означенныя нормы оброка и были приняты первоначально Положеніями въ основаніи выкупной капитализаціи, то это опять могло быть сдѣлано лишь въ тѣхъ видахъ, что самый выкупъ наступитъ не такъ скоро, не ранѣе, чѣмъ самыя нормы оброковъ подойдутъ къ наемной цѣнѣ или рентѣ. Тутъ была послѣдовательность.

Теперь помѣщики просили объ обязательномъ выкупѣ ранѣе

двухъ лѣтъ, и понятно, что правительство могло допустить его только по измѣненнымъ оцѣнкамъ.

Какъ же слѣдовало измѣнить оцѣнки?

Слѣдовало, естественно, понизить оброчные платежи до предѣловъ существующей ренты и разсчитать капитализацію по этимъ пониженнымъ нормамъ. Разсуждая объ обязательномъ оброкѣ, правительство признавало возможнымъ понизить его на 25%. И это пониженіе было бы опять чисто условное или нѣтъ, смотря потому на сколько оно было бы достаточно для того, чтобы приблизить оброкъ къ рентѣ: но, во всякомъ случаѣ, принявъ за основаніе такое положеніе, по правиламъ хозяйственныхъ разсчетовъ для опредѣленія выкупныхъ оцѣнокъ. слѣдовало кыпитализировать послѣднія изъ пониженнаго на означенное число процентовъ нормъ оброка.

Допуская обязательный выкупъ, правительство сохранило, однако, прежнюю капитализацію; помѣщики должны лишиться при этомъ дополнительныхъ платежей, но это не было собственно новымъ стѣсненіемъ; условіе это было неизбѣжное, стоявшее en toutes letres въ самомъ Положеніи, условіе, на которое они, слѣдовательно и безъ того должны были быть согласны, если только разъ они сами просили объ обязательномъ выкупѣ.

И такъ, вопросъ, переставленный вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, опять переставленъ былъ условно, вѣроятно, въ виду какихъ либо особыхъ причинъ. Причины эти очевидны; это не что другое, какъ нужды помѣщиковъ. Полагалось, что если землевладѣльцы прибѣгаютъ къ выкупу, то не иначе, какъ изъ нужды въ денежныхъ средствахъ для поддержанія хозяйствъ. Никакія другія соображенія не могли, конечно, служить соотвѣтствующимъ поводомъ къ сохраненію за ними права на прежнія оцѣнки, разсчитанныя по оброку, установленному на двадцать лѣтъ.

Все это опять было совершенно послѣдовательно, и эта-то послѣдовательность, выдержанная правительствомъ, приводитъ насъ прямо къ окончательному выводу изъ всего сказаннаго.

Мы знаемъ, въ какомъ положеніи находится въ настоящую минуту вопросъ объ оцѣнкахъ, знаемъ, что легальная норма оцѣнокъ обусловливается однимъ обстоятельствомъ—это нуждой помѣщиковъ въ капиталахъ.

Но идя далѣе, невольно возникаетъ вопросъ, будетъ ли это такъ, если и эти обстоятельства измѣнятся, какъ измѣнились тѣ, которыми обусловливалась система выкупа необязательнаго.

Измѣняться же эти обстоятельства могутъ различнымъ путемъ. Измѣнить ихъ—во власти правительства; оно можетъ устроить поземельный кредитъ въ томъ видѣ, какъ мы его предлагаемъ, и черезъ это развязать себѣ руки въ установленіи оцѣнокъ; могутъ они измѣниться и вслѣдствіе другихъ хозяйственныхъ причинъ: прежде всего большія имѣнія могутъ перейти въ руки болѣе опытныхъ хозяевъ-арендаторовъ, чѣмъ сами владѣльцы; и такъ, прежде всего правительство будетъ вправѣ коснуться этихъ имѣній, затѣмъ могутъ стать въ лучшее положеніе и другіе владѣльцы, хотя бы отъ удешевленія наемнаго труда,—плата рабочимъ дѣйствительно уже падаетъ, вмѣсто того, чтобы расти. Въ Орловской губерніи послѣдней осенью, рабочіе нанимались на зиму изъ прокормленія; если это служитъ доказательствомъ того, что крестьяне зарвались оброкомъ, то вѣдь тутъ нѣтъ ничего утѣшительнаго.

Впрочемъ измѣнятся ли обстоятельства или нѣтъ, что лучше всего покажетъ ходъ обязательнаго выкупа; если помѣщики будутъ дѣйствительно нуждаться, то они естественно поспѣшатъ обязательнымъ выкупомъ, не только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крестьяне не могутъ предпочесть взять въ даръ ¼ надѣла, или гдѣ помѣщики не могутъ опасаться этого выбора со стороны крестьянъ, но и гамъ, гдѣ они могутъ этого опасаться, ибо понизить выкупные платежи до предѣла ихъ выгодности для крестьянъ совершенно во власти помѣщика; если же они будутъ медлить, то это докажетъ, конечно, что, ихъ хозяйственное положеніе, слава Богу, устроилось другими способами.

Въ такомъ случаѣ. правительство будетъ уже, конечно, вправѣ, приступить къ раціональнымъ оцѣнкамъ.

Наконецъ, если обязательный выкупъ остановится за вышеозначеннымъ опасеніемъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крестьяне имѣютъ право предпочесть ¼ надѣла, не смотря на нужды помѣщиковъ, то въ такомъ случаѣ пониженіе оцѣнокъ, какъ единственное средство подвинуть выкупъ, въ которомъ прежде всего нуждаются помѣщики, будетъ уже одинаковымъ благодѣяніемъ для обоихъ сословій и не можетъ быть въ такомъ случаѣ отвергнуто правительствомъ.

И такъ, рано или поздно, вопросъ можетъ потребовать пониженія *оцѣнокъ*,—что же тутъ удивительнаго? Вырабатываясь мало-по-малу, ему естественно очиститься отъ условныхъ случайностей, которыя замедляютъ его разрѣшеніе, и подойти къ цѣли.

Насъ, можетъ быть, спросятъ, какъ же, по нашему, должны быть выведены нормальныя хозяйственныя цѣны, и укажутъ на труд-

ность вычисленія дѣйствительной ренты. Отвѣтимъ еще на этотъ вопросъ.

Чистую ренту, конечно, вычислить трудно, съ математической точностью ея не добудетъ никакой кадастръ. Да здѣсь оно и не нужно. Установляя выкупъ на чисто коммерческихъ разсчетахъ, правительство прямо измѣнило бы всему характеру Положеній, общему плану и цѣли предпринятой реформы. Чистая рента можетъ и должна войти въ разсчетъ выкупа, но какъ одинъ элементъ его, только; кромѣ нея входило въ этотъ разсчетъ и кое-что другое. Если мы говорили постоянно о рентѣ, то только какъ объ элементѣ, служащемъ для повѣрки оцѣнокъ съ земледѣльческими средствами крестьянъ, для того, чтобы показать, на сколько можетъ или нѣтъ, при данныхъ оцѣнкахъ, быть достигнута конечная цѣль хозяйственнаго вопроса. Конечный же планъ реформы долженъ былъ быть, какъ мы знаемъ, вовсе не въ математической вѣрности коммерческому началу, не въ томъ, чтобы заставить крестьянъ выплатить точную капитализацію ренты, а въ томъ, чтобы оставить въ рукахъ крестьянъ наибольшій свободный доходъ, который бы могъ примѣниться къ новому выгодному производству, и черезъ то поднять общій доходъ страны, а это невозможно при совпаденіи капитализацій съ рентой. Съ самаго начала мы стали къ вопросу на эту общегосударственную точку зрѣнія, на ту же, съ которой дѣйствовало въ вопросѣ и правительство, не гоняясь за коммерческимъ пуризмомъ. Но дѣйствуя по этому плану, нельзя миновать указываемаго нами конца, не покидая начатаго дѣла. Весь разсчетъ, повторяю, долженъ быть основанъ на томъ, что только остающаяся въ рукахъ крестьянъ доля свободной ренты и не можетъ потратиться убыточно. Напротивъ, если этотъ свободный доходъ, какъ прежде, будетъ обращаться въ чужія руки, то, во-первыхъ, часть его уже неминуемо потратится на то, что мы называемъ убыточнымъ производствомъ, или роскошью, а та часть, которая примѣнится къ улучшенію землевладѣльцами своихъ хозяйствъ, будетъ употреблена, такимъ образомъ, съ той же цѣлью дать, рано или поздно, свободный доходъ, который могъ бы опять быть потраченъ убыточно. Этотъ же порядокъ уже привелъ разъ къ разоренію, приведетъ и во второй, и въ третій; въ немъ какъ въ заколдованномъ кругѣ, будетъ напрасно хлопотать жизнь объ улучшеніяхъ, продолжая вѣчно вращаться между бѣдностью и деморализаціей. Станутъ ли на мѣсто дворянъ-помѣщиковъ просто землевладѣльцы, это не измѣнитъ еще нисколько сущности дѣла, какъ не измѣнилось оно отъ смѣны европейской аристо-

кратіи выходцами изъ цеха. Нужно обезпечить земледѣльца свободнымъ доходомъ, то есть установить оцѣнки гораздо ниже ренты—на 50 и болѣе %%,—безъ этого мы не обойдемся. Во всѣхъ затрудненіяхъ, которыя мы переживаемъ, въ томъ крайнемъ экономическомъ положеніи, которое заставило насъ прибѣгнуть къ реформѣ, не было другого секрета, какъ это обезпеченіе.

Выполнится ли эта задача, покажутъ послѣдствія; но что она можетъ быть выполнена, въ этомъ мы не сомнѣваемся.

Съ самаго начала была заявлена мысль, что нигдѣ общество не представляетъ столько миролюбивыхъ задатковъ для выполненія въ законодательствѣ самыхъ рѣшительныхъ перемѣнъ и такой счастливой почвы для самыхъ раціональныхъ улучшеній быта путемъ закона. Рядомъ съ этимъ существовали, какъ мы видѣли, и продолжаютъ существовать въ литературѣ направленія, силящіяся со стороны создать у насъ не существующія затрудненія и подъ видомъ ихъ надѣлить Россію, вмѣсто уничтоженнаго крѣпостнаго права, батрачествомъ. Они могутъ успѣть, могутъ нѣтъ, но во всякомъ случаѣ успѣхъ ихъ можетъ зависѣть не отъ дѣйствительныхъ бытовыхъ и историческихъ препятствій къ лучшему, а лишь отъ круглаго непониманія обществомъ и себя самого, и своихъ нуждъ.

Съ ходомъ этого дѣла среди всѣхъ обстоятельствъ его, которыя мы только что прослѣдили, мы могли убѣдиться достаточно, какое значеніе могутъ имѣть у насъ ссылки на зависимость законодательства отъ постороннихъ корпоративныхъ или сословныхъ силъ. Съ одной стороны, крестьяне, кажется показали, возможенъ ли съ этимъ народомъ какой либо антагонизмъ, съ другой, и нашъ собственникъ показалъ также, на сколько онъ можетъ быть уступчивѣе западнаго: нужно только, чтобы ему разъяснили въ данномъ случаѣ путнымъ образомъ, путемъ убѣжденія и затѣмъ закона, то, чего отъ него хотятъ обстоятельства.

Но вотъ этого-то предварительнаго разъясненія, какъ, что и почему бываетъ нужно, и не достаетъ въ горячую минуту. Пока не гремитъ громъ, общество живетъ лишенное критической мысли, полагаясь на вѣчную достаточность того, что далось вчерашнимъ случаемъ, и только въ послѣднюю минуту бросается искать въ заднихъ карманахъ чего либо похожаго на критику, просить содѣйствія мысли, которой не оказывается, и тогда кричитъ въ страхѣ о постепенности. Въ послѣднемъ пониманіи вопроса неоказывается той выработанной системы, которой требуетъ самый вопросъ и обстоятельства

и которая должна служить основаніемъ всему его развитію, и если эта система и сознается отчасти кое-кѣмъ, то отчетливое выполненіе ея на самомъ дѣлѣ путается близорукими перекаиіями, которыя не имѣютъ другого источника, кромѣ общаго непониманія. Вотъ почему, не смотря на всѣ попытки нѣкоторыхъ органовъ пріобрѣсти расположеніе землевладѣльца, обѣщая ему въ будущемъ роль англійскаго аристократа-лавочника или просто французскаго лавочника, мы думаемъ, что если ему будетъ объяснено настоящее значеніе подобной роли и предложено иное закономъ—этой роли ему принять на себя не придется. Думаемъ, что съ него и безъ того достаточно тѣхъ блестящихъ результатовъ, которыя оставило крѣпостное хозяйство, чтобы такъ ужъ очень хотѣть наверстать потерянное сулимымъ ему батрачествомъ, отъ котораго все же рано или поздно придется сконфузиться передъ судомъ здраваго смысла и отдѣлываться, можетъ быть, еще большими затрудненіями, чѣмъ теперь; но до этихъ желанныхъ разъясненій пока еще куда далеко нашей прессѣ и еще далѣе практикѣ.

Вопросъ о поземельномъ устройствѣ алжирскихъ арабовъ.

Въ парижскихъ газетахъ завязалась полемика о томъ, какъ лучше устроить поземельный бытъ алжирскихъ арабовъ, на общинномъ или личномъ началѣ. Самый споръ о преимуществахъ того или другаго вида землевладѣнія насъ мало интересуетъ, за то обстоятельства, подавшія поводъ къ такому вопросу, заключаютъ въ себѣ нѣчто поучительное, для разъясненія нашихъ домашнихъ чисто-русскихъ сомнѣній. Прежде, однако, нежели коснуться прямо алжирскихъ арабовъ, скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ сомнѣніяхъ, заставившихъ насъ обратиться къ алжирскимъ арабамъ.

Среди недавней горячки къ благодѣтельствованію меньшей братіи, «Современникъ» имѣлъ неосторожность выразить мысль, что дѣло это вовсе нетрудное, что стоитъ только начать, а потомъ все пойдетъ уже какъ нельзя легче, и мало по малу придетъ къ тому, что и рязанскіе, и ярославскіе, и другіе парни станутъ не только нашими братьями о Христѣ, или о сводѣ законовъ, но и о самомъ карманѣ. Теперь мы застаемъ читателя съ вопросами: дѣло было начато, говорятъ, срочно-обязанные крестьяне были облагодѣтельствованы, почему же до сихъ поръ нѣтъ, во первыхъ того, во вторыхъ другаго, въ третьихъ третьяго, а есть напротивъ во первыхъ одно, во вторыхъ другое, въ третьихъ третье. Почему «Русскій Вѣстникъ» до сихъ поръ не запрещенъ цензурно, почему въ Полтавской губерніи происходитъ одинъ казусъ, въ Псковской другой, почему «*лучшіе люди*» (такъ называетъ ихъ г. Катковъ) вездѣ огрызаются на мировыхъ посредниковъ, и въ земскую хронику начинаютъ ошибкой попадать анекдоты изъ временъ уличнаго мордобитія извощиковъ? Почему вотъ уже два года, какъ облагодѣтельствованы срочно-обязанные, а общественная иниціатива не высказалась, слѣдуетъ ли также облагодѣтельствовать и другихъ, и если слѣдуетъ, то на какомъ основаніи?

Словомъ, «Современникъ» солгалъ, и продолжать дѣло оказалось труднѣе, чѣмъ даже начать. Рязанскимъ парнямъ, вѣроятно, придется

остаться нашими блатьями болѣе въ литературномъ, чѣмъ въ дѣловомъ смыслѣ.

Изъ этихъ допросовъ читатель можетъ видѣть, что публика рѣшительно ничего не поняла въ томъ, что ей говорилъ «Современникъ», но тѣмъ не менѣе тѣ же вопросы доказываютъ, что общество сознается, будто бы въ его усердіи произошелъ нѣкотораго рода застой, на предпринятое не хватило выдержки, и вмѣсто серьезнаго дѣла въ результатѣ вышелъ кляксъ.

Факты, которые приводятся для характеристики этого клякса довольно рѣзки и убѣдительны, такъ рѣзки и убѣдительны, что намъ остается только принять ихъ за правду и развѣ съ другой стороны спросить: да почему же вы считали себя вправѣ ждать чего либо инаго и не было ли все случившееся, какъ нельзя больше, въ программѣ?

Мы вотъ припомнимъ эту программу для ясности. У кого получше память, тотъ можетъ помнить, что, говоря о легкости улучшеній, «Современникъ» сдѣлалъ одну оговорку, и вотъ по какому поводу.

Приступали мы къ улучшеніямъ, какъ говорилось, въ свое время, въ счастливую минуту, т. е. послѣ того, какъ Европа успѣла изучить настоящіе пути прогресса и открыть философскій камень гражданскаго благополучія. Открытіе это было едва ли не послѣднимъ блистательнымъ подвигомъ текущаго вѣка, за нимъ уже слѣдовали, кажется, только пошлости. Все дѣло было въ одномъ словѣ, но слово это было дорого. Во второй половинѣ XIX вѣка открыли *легальность*, было доказано, что улучшенія тогда только возможны и прочны, когда они совершаются на легальной почвѣ. Какія улучшенія совершила въ частности Европа съ тѣхъ поръ, основываясь на этомъ открытіи, объ этомъ здѣсь судить нѣтъ мѣста, но несомнѣнно, что все совершавшееся съ тѣхъ поръ совершалось, не иначе, какъ въ предѣлахъ легальности.

Вотъ этого-то слова заклиналъ своихъ читателей остерегаться «Современникъ». Тогда объяснили это такъ, что мы проповѣдуемъ беззаконіе, но мы понимали свои слова конечно иначе; мы хотѣли просто сказать, что если ты хочешь писать новые улучшенные законы, т. е. создавать совершеннѣйшую легальность взамѣнъ старой, которую признаешь негодною, то не слѣдуетъ слишкомъ увлекаться формализмомъ старой, ибо иначе ты опять таки напишешь старый законъ, а не новый, и будетъ тебѣ служить эта легальность только

нескончаемымъ источникомъ отговорокъ для того, чтобы ничего не сдѣлать изъ задуманнаго, а только морочить добрыхъ людей; и дойдешь ты, наконецъ, до того, что признаешь уничтоженіе крѣпостнаго права вещью незаконною, потому что оно стояло en toutes lettres въ законѣ, и слѣдовательно выражало собою легальность, а ты уничтожалъ его, и стало быть, шелъ противъ закона и легальности.

Такими заявленіями «Современникъ» вызвалъ на себя литературную травлю, сдѣланы были ему ученые выговоры и вразумленія, изъ которыхъ онъ еще лучше понялъ, какая разница должна выйти въ результатѣ между легальной и человѣческой почвой. До вразумленія, напримѣръ, онъ могъ думать, что обязанность полиціи не допускать ночныхъ грабежей: стало быть, ему нужно было втолковать, что если, по закону, раіонъ полицейскаго благодѣянія ограниченъ примѣрно 10 шагами кругомъ будки, то на одиннадцатомъ можно заимствовать безбоязненно не только чужія вещи, но даже чужую кровь, и что будочникъ, который бы сталъ этому противиться, оказался бы нигилистомъ или человѣкомъ, не имѣющимъ принциповъ. А вотъ и еще зналъ «Современникъ», и знали другіе, что крестьяне имѣли право въ послѣднее время пріобрѣтать въ собственность земли, но многіе изъ крестьянъ этого не знали и потому зачастую просили позволенія помѣщиковъ покупать земли на имя послѣднихъ съ тѣмъ, чтобы помѣщикъ допустилъ ихъ пользоваться пріобрѣтаемой землей, хотя извѣстное время, и помѣщики въ видѣ особой милости рѣшались на подобныя сдѣлки. Опять помѣщикъ, который сказалъ бы въ этомъ случаѣ: «ребята, вѣдь вы глупы; покупать, такъ покупайте на себя, потому что вы имѣете на то полное право», — сдѣлалъ бы больше, чѣмъ обязывалъ его законъ, ибо легальность ему не приказывала надоумливать мужиковъ, и сосѣди назвали бы его навѣрно нигилистомъ или агитаторомъ, а легальный благодѣтель взялъ бы деньги съ ребятъ, купилъ бы землю на себя и не далъ бы ее даже понюхать потомъ ребятамъ.

Вотъ, что узнали мы изъ вразумленій, то же долженъ былъ узнать и ты, читатель. Но ты на слова «Современника» отвѣчалъ только, что тебѣ лучше, чѣмъ кому нибудь, извѣстно изъ европейскаго опыта, что тѣ только преобразованія прочны, которыя совершаются на легальной почвѣ, и допрашивалъ насъ тутъ же, нужно ли тебѣ заводить шерифовъ, устраивать цензъ, присяжныхъ, учиться ораторскому искусству, словомъ, о вещахъ, по нашему, столь же антилегальныхъ, какъ и все другое.

Видя твою пустоту, «Современникъ» думалъ, что рано толковать съ тобой о шерифахъ, пока такая ерунда царитъ въ твоей частной жизни, и приглашалъ сперва освоиться съ вопросами, болѣе домашними. «Не заводи, говорилъ онъ, мокетовой мебели, потому что она очень дорого стоитъ не тебѣ, а тому, кто за тебя пашетъ. Не задерживай у лакея жалованья, и даже не заставляй его чистить твоихъ сапоговъ, потому что можешь вычистить ихъ самъ, если, какъ сознаешься, тебѣ нечего дѣлать; не предавайся лезбійской поэзіи ни въ стихахъ Майкова, ни лезбійскимъ разговорамъ въ парикмахерской Дюбюра, потому что все это только называется *хорошимъ тономъ*, а въ сущности гнусное хамство; а главное, не стремись къ высокимъ оцѣнкамъ надѣла, по Положеніямъ, потому что въ этихъ оцѣнкахъ ты съѣшь плоть твоихъ ближнихъ».

— Я буду говорить лакею вы, отвѣчалъ ты, но оброчныхъ оцѣнокъ не подарю мужику, потому что онъ ихъ пропьетъ, а заведу ему лучше у себя въ имѣніи воскресную школу, — и вотъ все въ этомъ тонѣ.

Отсюда сдѣлалось ясно уже совсѣмъ иное; ясно, что ты не то, что не понимаешь, а виляешь и хитришь; то считаешь себя нравственно связаннымъ передъ какими-то гражданскими обязанностями, то мучительно хочется тебѣ надуть эти обязанности, и видишь ты, какую пользу для этого надувательства можно извлечь, толкуя о легальности. Но прямо извлечь ее не смѣешь, и выходитъ у тебя пока, чортъ знаетъ, что такое: то шерифъ съ отрыжкой крѣпостного права, то Бабефъ съ запахомъ жилой лакейской.

Но видно также, что этимъ не кончится, что будешь ты настойчиво добиваться и сдѣлаешь все, лишь бы тебѣ приказали извлечь эту пользу: станешь хвастаться, писать на себя доносы въ такихъ вещахъ, которыхъ у тебя не было даже въ помыслахъ, а другіе и вправду повѣрятъ и станутъ тебя больно бить и сваливать на тебя собственныя пакости. Ты сказалъ, что заведешь воскресную школу собственно изъ подлости, чтобы воспользоваться оцѣнками. Понятное дѣло, что школы ты все-таки не заведешь, а черезъ мѣсяцъ будешь разсказывать: «что не только школа будетъ, а будутъ тамъ учить ходить на головахъ». Ну, стало быть, ясно, что если кто другой дѣйствительно заведетъ школу, то у него должны учить тому же, что не только станешь ты учить ходить на головахъ, но и что Юрій Милославскій твое произведеніе, и то, и другое, все твое. Словомъ, станешь вилять и нести чепуху, и лгать на себя, и выдумывать

паршивыя отговорки до тѣхъ поръ, пока, видя твою глупость, тебѣ не прикажутъ выдти вонъ и скажутъ: не нужно ничего, живи по старому.

Вотъ вѣдь твоя программа. Стало быть, зная свою программу, ты долженъ понимать теперь лучше «Современника» все, о чемъ недоумѣваешь, — что если при несомнѣнномъ прогрессѣ въ благодѣтельствованіи могли подвергнуться и полтавскіе и псковскіе анекдоты и прочее, то подвергнулись они, вѣроятно, потому только, что дѣло происходило внѣ легальнаго раіона полицейской защиты; что «Русскій Вѣстникъ» могъ проповѣдывать батрачество и, вмѣстѣ съ тѣмъ, считать себя благодѣтельнымъ органомъ, потому что въ положеніяхъ 19 февраля нигдѣ прямо не запрещено батрачество; что ты могъ также огрызаться и на мировыхъ посредниковъ, потому что огрызанія твои происходили, вѣроятно, или безъ свидѣтелей, или въ такой формѣ, что за нихъ нельзя было никакъ ухватиться судебнымъ порядкомъ.

Такія разъясненія, какъ намъ кажется, показываютъ уже отчасти, къ чему послужила тебѣ, читатель, легальность въ томъ, что ты уже отжилъ и совершилъ по сію пору; теперь обратимся къ розысканію ея пользы для будущаго,—что она можетъ сказать, чѣмъ помочь по тѣмъ вопросамъ, которые еще не рѣшены и рѣшеніе конхъ близится. Объ этомъ будущемъ ты, конечно, весьма мало заботишься въ настоящую пору; за вышеприведенными разъясненіями ты не могъ собственно заниматься въ послѣднее время уже никакими вопросами, кромѣ вывода саранчи, посѣтившей Новороссію; изъ положеній 19-го февраля и петербургскихъ пожаровъ, изъ новороссійской саранчи, не могъ ты, стало быть, заниматься и остальными крестьянами! Во первыхъ, не было статьи закона, которая бы обязывала тебя думать о нихъ, но, положимъ, не было и такой, которая бы запрещала. Все-таки интересно было бы, можетъ быть, знать, въ какомъ видѣ этотъ вопросъ представляется, хотя съ твоей легальной точки. Но на повѣрку выходитъ, что и о легальномъ способѣ воззрѣнія и нелегальномъ все-таки приходится говорить намъ. Происходитъ ли это отъ того, что, выдумавъ легальную точку зрѣнія, ты все-таки плохо владѣешь ея смысломъ и боишься провраться или думаешь, что за такой выдумкой все уже сдѣлано, и стоитъ только думать о томъ, какъ бы подороже продать выкупныя свидѣтельства: и то и другое возможно. Во всякомъ случаѣ ты болѣе неинтересовался своими домашними дѣлами. Между тѣмъ, въ то же время одно западное правительство рѣшало случайно вопросъ почти тождественный съ тѣмъ,

который предстояло рѣшать и у насъ, и рѣшеніе его интересно по тому взгляду, которое означенное правительство высказало на легальность, такъ какъ западныя понятія, какъ утверждаютъ, еще гораздо болѣе нашего были всегда спутаны легальными категоріями.

Здѣсь мѣстный порядокъ особенно категорически требовалъ, какъ извѣстно, чтобы за всякимъ лицомъ владѣющимъ и обработывающимъ стояло, во что бы то ни стало, другое лицо, ни владѣющее, ни обработывающее, для полученія ренты, т. е. чистаго дохода отъ обработки. Основано это было на томъ, вѣроятно, разсчетѣ, что одно лицо никоимъ образомъ не будетъ въ состояніи совладать со всею операціей, и вспахать, и посѣять, и сжать, и получить доходъ, и истратить тотъ же доходъ. Стало быть, нужно раздѣлить операцію, чтобы облегчить ея тягость для одного лица; на долю однихъ возложить одну половину дѣла, на другихъ — другую. На такомъ размышленіи западные экономисты, вмѣстѣ съ юристами, незыблемо утвердили свою теорію ренты и доказали справедливость существующаго распредѣленія продукта.

Во всѣхъ образованныхъ государствахъ существовало поэтому два рода труда или два разряда людей, занятыхъ различными отправленіями: всюду обстоятельства поставили за производительной силой и собирателя ренты. Но такъ какъ земли вообще много и такъ же много должно быть и рабочей силы, т. е. говоря короче, собиратели ренты стоятъ вообще обществу довольно дорого, то рѣдко гдѣ было возможно удѣлить на счетъ рабочей силы въ разрядъ собирателей такой %, котораго было бы достаточно для собиранія въ частныя руки всей ренты съ земель; отсюда извѣстная доля земли, а съ нею и извѣстный процентъ хлѣбопашцевъ остался вездѣ безъ собирателей, и трудъ этотъ приняло на себя государство. Такъ образовалось два разряда земель: одни названы были частной собственностью, другія собственностью государства.

Описанный порядокъ установленія имущественныхъ отношеній былъ столь раціоналенъ и простъ, что онъ оказался почти совершенно одинаковъ и во Франціи, и въ скромномъ Алжирѣ во время турецкаго владычества. Такъ какъ въ массѣ европейскія образованныя населенія вообще неприхотливы, то ихъ и не очень заботило такое сходство: — Турція такъ Турція, отчего не походить и на Турцію? Пока сходство съ Турціею не прямо бросалось въ глаза, и тутъ оно сносилось втихомолку. Турція никогда не властвовала во Франціи, слѣдовательно, судя дѣло по внѣшнимъ признакамъ, здѣсь и не

могло быть турецкихъ установленій. Другое дѣло, когда вотъ пришлось недавно рѣшать тѣ же сомнѣнія не относительно европейскихъ странъ, а нехристіанскихъ владѣній Франціи, т. е. относительно Алжира. Алжиръ населенъ магометанами. На 200.000 французовъ здѣсь приходится 3.000.000 арабовъ. Алжиръ принадлежалъ Турціи, и по турецкому праву земля, на которой жили арабы, считалась собственностью султана. По покореніи Алжира французами, арабы продолжали жить на тѣхъ же земляхъ по прежнему, при чемъ французское правительство не позаботилось разъяснить, хочетъ ли оно утвердить за собой права султана. Формальность не была соблюдена, и хотя арабы очень хорошо знали, что они со всей землей и имуществомъ находятся въ полномъ распоряженіи французскаго правительства, но для юристовъ было все-таки неизвѣстно навѣрно, кому принадлежатъ земли, на которыхъ живутъ арабы.

Въ такомъ положеніи дѣло это продолжало бы оставаться вѣроятно еще долго, если бы императору французовъ не вздумалось недавно улучшить бытъ Алжира. Сенатъ вскорѣ будетъ разсматривать основанія для новой конституціи Алжира, и этому разсмотрѣнію императоръ счелъ нужнымъ предпослать письмо на имя генералъ-губернатора Алжира, посвященное спеціально разъясненію вышеозначеннаго вопроса. Въ этомъ письмѣ императоръ рѣшительно отказался для Алжира отъ вотчинныхъ началъ, потому что эти начала оказались турецкія..Мало того, онъ пошелъ далѣе и высказалъ общее положеніе, крайне можетъ быть оскорбительное для юристовъ, утверждая торжественно, что легальность должна давать дорогу человѣколюбію.

«Мнѣ возразятъ, пишетъ онъ, что право не на сторонѣ арабовъ: султанъ былъ собственникомъ всей территоріи и его права перешли естественно къ намъ по завоеванію! Какъ, неужели государство станетъ вооружаться устарѣвшими понятіями магометизма и станетъ на землѣ, сдѣлавшейся частью Франціи, утверждать права турка?..

Ну, спросятъ, а если, чего добраго, еще наука ухватится за этотъ случай и станетъ соваться въ дѣло съ новой фразой: *легальность уступаетъ дорогу человѣколюбію?*..

Тогда все-таки ничего; наукѣ скажутъ, что она ошибается, и только. Но прежде всего императоръ поступилъ безопасно въ томъ смыслѣ, что настоящее заявленіе нисколько не воспрепятствуетъ ему наложить на арабовъ ту подать, которая покажется нужной. Онъ даже можетъ взять съ нихъ больше, чѣмъ взялъ бы, выбравъ вы-

купъ, пріурочиваясь къ турецкому праву. И все-таки громкое дѣло сдѣлано.

Все это мы говоримъ къ тому, чтобы объяснить разъ навсегда, что одинъ легальный формализмъ, какъ бы онъ ни былъ громокъ, еще не гарантія для сущности дѣла, что поэтому и теперь выборъ того рѣшенія въ юридическомъ смыслѣ, которое намъ и могло бы казаться лучшимъ, все-таки не есть еще рѣшеніе. Сущность дѣла всегда въ самой цѣли его; если эта цѣль въ настоящемъ случаѣ есть улучшеніе, а не ухудшеніе быта арабовъ, то она заключается не въ чемъ иномъ, какъ *въ размѣрѣ платежей*: будутъ сообразны эти платежи съ средствами, бытъ улучшится, не будутъ,—онъ ухудшится, а какъ ни назови ихъ, это въ сущности все равно.

Этими не хитрыми соображеніями, устраняющими легальныя затрудненія, вполнѣ разъясняется вопросъ объ улучшеніи быта обязанныхъ платежами населеній.

Обратимся для примѣра хотя къ нашимъ свободнымъ земледѣльцамъ и увидимъ сейчасъ, какая разница выйдетъ; будемъ ли мы смотрѣть на дѣло по сущности или зададимся юридическимъ формализмомъ.

Съ нелегальной точки зрѣнія предлежащій вопросъ рѣшается довольно просто. Требуется улучшить бытъ населенія въ 20 мил. Въ чемъ же недостатки? во-первыхъ, бѣдность, во-вторыхъ, неудовлетворительная администрація. На счетъ администраціи рѣшено: ее слѣдуетъ отмѣнить и распространить на остальныхъ крестьянъ порядокъ управленія общій; — этотъ лучше, стало быть, тутъ и толковать нечего. Остается бѣдность, въ чемъ она? Населенія, о которыхъ идетъ рѣчь, суть земледѣльческія, стало быть, прежде всего зависятъ въ средствахъ существованія отъ земли; можетъ быть, поэтому вся причина въ недостаткѣ земли. Нѣтъ, говорятъ, земли достаточно еще порожней, — стало быть, если гдѣ и мало, то есть откуда прирѣзать; въ общемъ счетѣ недостатокъ не въ землѣ. Остается искать его, значитъ, только въ отяготительности повинностей, — стало быть, слѣдуетъ обратить все вниманіе на повинность. Когда рѣчь шла о срочнообязанныхъ крестьянахъ, то главныя затрудненія указывались въ томъ, что главная часть повинности принадлежала помѣщику, который съ сокращеніемъ ея лишался средствъ къ жизни. Свободные крестьяне не несли никакой прямой повинности за землю: вмѣсто того, они платили прибавочную противъ крѣпостныхъ крестьянъ личную подать въ казну. Для соображенія послѣдней съ личными средствами кре-

стьянъ не представлялось поэтому уже указанныхъ выше затрудненій, и дѣло могло быть устроено гораздо легче. Это постигается очень просто, стоитъ только вникнуть въ различіе ренты отъ подати. Рента, или оброкъ за землю помѣщику, есть плата въ пользу посторонняго лица; подать же, взимаемая фискомъ, въ сущности есть не что иное, какъ пожертвованіе частныхъ лицъ на свои же собственныя нужды. Если она оказывается отяготительною, то это доказываетъ только, что населеніе тратитъ на извѣстные предметы болѣе, чѣмъ можетъ, и принуждено стѣснять себя въ самыхъ первыхъ потребностяхъ, т. е. въ кускѣ хлѣба и въ средствахъ къ нравственному развитію. Словомъ, поступаетъ оно на подобіе чиновницы, которая кормитъ дѣтей объѣдками для того, чтобы купить бальное платье. Эта несообразность была признана и легально, какъ общій недостатокъ нашей податной системы правительствомъ, и въ «Современникѣ» прошлаго года было заявлено, что лучшимъ средствомъ уравненія налоговъ при предстоящемъ преобразованіи системы податей была бы подоходная подать; при этомъ указано было, что и платежи съ остальныхъ крестьянъ должны были опредѣлиться такимъ же порядкомъ сами собою, въ своемъ надлежащемъ размѣрѣ. Такимъ образомъ, глядя на дѣло просто, настоящій вопросъ могъ быть разрѣшенъ безотлагательно.

Посмотримъ теперь, къ какого рода выводу пришли бы мы по тому же вопросу съ такъ называемой легальной точки зрѣнія. Прямо изъ юристовъ никто не отозвался на мысли, выраженныя въ «Современникѣ», но мы достаточно освоились уже со всѣми изгибами ихъ пониманія, чтобы знать, по крайней мѣрѣ, о чемъ здѣсь должна зайти рѣчь. Прежде, чѣмъ говорить о недостаткахъ администраціи и тягости повинностей, слѣдуетъ опредѣлить юридическія основанія предмета, должны сказать законники. Прежде всего слѣдуетъ установить юридическія свойства земель, на которыхъ живутъ тѣ или другіе крестьяне.

Покоримся.

Развернемъ сводъ законовъ и станемъ опредѣлять юридическія свойства земель, на которыхъ живутъ казенные крестьяне. Мы найдемъ здѣсь десять статей, идущихъ къ дѣлу: въ законахъ о состояніяхъ (т. IX) четыре: ст. 669, 670, 671, 674, въ законахъ гражданскихъ пять: 414, 421, 515, 560 и 696, въ уставѣ о благ. каз. сел. (т. XII ч. 2) одну статью 170.

Въ ст. 669 IX т. говорится вотъ что: «земли и угодья, принадлежащія къ каждому селенію, какимъ бы образомъ они въ началѣ ни

были пріобрѣтаемы, по прежнимъ ли даннымъ и крѣпостямъ (замѣтьте это: по даннымъ и крѣпостямъ) и отведены отъ казны для водворенія и надѣленія, считаются имуществомъ *общественнымъ*.

Въ ст. 414 X т. повторяется: «имущества общественныя суть: 1) имущества, дворянскимъ обществамъ принадлежащія, какъ-то: домы дворянскихъ собраній и т. п.; 2) имущества, городскимъ обществамъ принадлежащія, каковы: городскія земли, лѣса, мельницы и другія угодья; 3) имущества, къ казеннымъ селеніямъ отведенныя, какимъ бы образомъ они ни были вначалѣ пріобрѣтены, по прежнимъ ли дачамъ и крѣпостямъ, или отведены отъ казны для водворенія и надѣленія крестьянъ.

Стало быть, умозаключаете вы, земли, на коихъ поселены казенные крестьяне, составляютъ имущество общественное, такое же, какъ и домы дворянскихъ собраній, во-первыхъ потому, что объ этомъ два раза сказано прямо въ законѣ, и во-вторыхъ, потому, что онѣ пріобрѣтены, какъ видно изъ того же закона, тѣмъ же порядкомъ, какимъ пріобрѣтены земли помѣщичьи, т. е. по даннымъ и крѣпостямъ.

Нѣтъ, возражаютъ вамъ; немного далѣе, ст. 421 (X т.), говоритъ: «отъ права частной собственности различается право собственности государственной, состоящее *въ верховномъ обладаніи* государственными имуществами, въ пользованіи или распоряженіи оными». Хорошо, говорите вы, — но что же означаетъ это право верховнаго обладанія или распоряженія? укажите намъ, въ чемъ оно выражается по закону? ибо если рѣчь идетъ о такомъ правѣ, которое не можетъ имѣть ни какихъ осязаемыхъ послѣдствій, то это не право, стало быть, а реторическая фигура, случайно уцѣлѣвшій остатокъ вымирающаго оффиціально-легальнаго слога. Такимъ правомъ могу я снабдить каждаго изъ васъ на всѣ земли поднебесной безъ протеста съ чьей-либо стороны, такимъ правомъ и безъ того снабжала васъ не разъ литература, ибо давно извѣстно, что человѣкъ есть царь земли и не только земли, но даже царь природы. Стало быть, нужно искать категорическаго смысла въ вышеприведенныхъ словахъ. Ищите, сколько хотите, и найдете, что въ сущности здѣсь не можетъ заключаться ничего другого, кромѣ такъ-называемаго права экспропріаціи на общія нужды, отъ котораго, кажется, не избавлено никакое имущество по тому же своду законовъ. Если въ этомъ все различіе общественнаго имущества отъ частной собственности, то укажите намъ статью свода, по которой могла бы откупаться отъ этого права и всякая частная собственность.

Нѣтъ, еще не въ томъ только· по ст. 671 IX т. всякая продажа, закладъ или другая уступка участковъ (отведенныхъ отдѣльнымъ крестьянамъ) запрещается.

Но опять это условіе вытекаетъ прямо изъ смысла *общественнаго имущества,* какимъ признается каждый участокъ, и потому никакъ не идетъ къ дѣлу.

И такъ, заключаете вы, пока общественное имущество ни чѣмъ ни отличено въ законѣ отъ личнаго.

Ну такъ вотъ вамъ, говорятъ, статья 518 (X т.), въ которой изложено вотъ что: «когда по распоряженію правительства отводятся казенныя земли или угодья городскимъ или казеннымъ селеніямъ въ надѣленіе, тогда *право собственности на сіи земли* сохраняется казнѣ, а тѣмъ городамъ и селеніямъ принадлежитъ *одно право владѣнія,*—а по ст. 560 владѣніе этого рода не влечетъ за собою даже права давности.

И вотъ вы въ недоумѣніи: одна статья сбиваетъ всѣ ваши разсчеты. Для чего она написана, спрашиваете вы себя; неужели для того, чтобы опровергнуть ровно восемь предыдущихъ статей? въ такомъ случаѣ зачѣмъ же эти восемь статей оставлены въ сводѣ, или, по крайней мѣрѣ, не передѣланы? или ст. 518 должна въ сущности съ ними быть согласна? — Въ такомъ случаѣ, какъ же прикажете истолковать ее? сказано въ ней: *земля казенная,* и все тутъ. Что такое казна?—сборникъ налоговъ, fiscus—корзинка, по выраженію римлянъ, сумма частныхъ пожертвованій на собственныя нужды. Когда и какими частными единицами произошло это пожертвованіе общественной земли, исторія не показываетъ;—нѣтъ, этимъ путемъ не разъяснишь, только запутаешься. Начинаете вы полагать, что тутъ подъ казной должно разумѣть что-то другое, чѣмъ сумму пожертвованій, нѣчто въ родѣ частнаго собственника, и соглашаться, что нужно дѣйствительно пожертвовать восемью предыдущими статьями. Но опять земли, говорится, пріобрѣтены по такимъ же даннымъ и крѣпостямъ, по какимъ пріобрѣтены и всѣ остальныя, почему же съ одними слѣдуетъ поступить такъ, съ другими иначе? Зачѣмъ, наконецъ, жертвовать восемью статьями противъ одной, если не сказано прямо, что ими должно пожертвовать? Да и какое мы имѣемъ право равнять казну съ частнымъ собственникомъ? Мы знаемъ, что намъ скажутъ на это юристы. Они намъ скажутъ вотъ что: невѣжды! мальчишки! знаете ли вы то время, когда казна мѣрялась понятіемъ частной собственности? это время удѣльнаго варварства, когда судъ отдавался на откупъ, какъ водка, и каждая пощечина составляла до-

ходную статью князя, когда на западѣ заставляли откупаться отъ права первой ночи. Съ тѣхъ поръ Россія стала *государствомъ*, понятіе частной собственности замѣнилось понятіемъ блага общественнаго. Такъ объяснялъ юристъ Чичеринъ и Неволинъ незабвенный; о томъ же найдется кое-что и у Карамзина. А вы хотите сдѣлать изъ казны вотчинника, вернуть насъ на пять вѣковъ къ Батыю!...

Вотъ что намъ должны сказать юристы. — Стало быть, не слѣдуетъ ли ихъ и послушаться?

Но опять придутъ юристы другого рода — казуисты и скажутъ, что имъ нѣтъ дѣла до Чичерина, что въ Сводѣ нигдѣ не сказано, что должно слушаться его мудрствованій, что въ такомъ случаѣ придется слушаться уже не Чичерина, а Гизо, потому что Чичеринъ цѣликомъ списалъ у Гизо свои наставленія московскимъ студентамъ во вступительной лекціи о государственномъ правѣ, а что, напротивъ того, въ Сводѣ прямо различается общественное имущество отъ частной собственности; поэтому, тамъ, какъ хотите, назовите казну вотчинникомъ или еще проще, намъ все равно, лишь бы буква была исполнена.

И вотъ чудится намъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ должно существовать какое-то несогласіе между статьями не только по формѣ и буквѣ, но неясность въ самыхъ понятіяхъ, о которыхъ въ нихъ идетъ рѣчь. Произошло ли это отъ того, что такъ-называемая юристами идея объ общемъ благѣ не успѣла себя вполнѣ развить и выразить, или отъ того, что, напротивъ, въ болѣе позднее время сюда замѣшались мотивы и опредѣленія, случайно попавшія изъ чужихъ кодексовъ, въ сущности все равно. Въ результатѣ выходитъ то, что мы не разъ уже замѣчали, открывается, какъ будто *сама легальность-то еще не готова для того, чтобы изъ нея можно было дѣлать категорическіе выводы.*

И такъ, легальнаго вывода о томъ, кому принадлежитъ земля въ настоящемъ случаѣ по буквѣ закона, стало быть, нѣтъ; и сколько бы мы его ни искали, мы все-таки его не получимъ; кромѣ того, для сущности дѣла онъ совершенно не нуженъ, а между тѣмъ за его поисками мы стали бы только останавливать рѣшеніе вопроса, сплетя по всей вѣроятности новыя веревки будущимъ законодателямъ. Все это столь просто, что, кажется, пойметъ всякій. Сказавъ «всякій», мы конечно, увлеклись: хорошо и то, если пойметъ одинъ на десять, а объ остальныхъ, конечно, отложи всякое попеченіе.

Современникъ.
1864 г.

Передовыя статьи изъ газеты „Народная Лѣтопись“.

№ 1 1865 г. С. П—гъ. 2 марта.

Намъ не разъ приходилось слышать, что будущій историкъ съ любопытствомъ остановится на событіяхъ, совершающихся на нашихъ глазахъ. Мы смѣемъ думать, однако, что кромѣ громкихъ государственныхъ преобразованій, его займетъ и та скромная роль, которую игралъ при этомъ, въ кругу доступной ему дѣятельности, читатель, тотъ взглядъ, которымъ онъ руководился по отношенію къ этимъ дѣламъ, насколько помогалъ ихъ разрѣшенію, что мыслилъ въ виду ихъ и что дѣлалъ.

Да, читатель, по всему видно, что практическая логика растетъ съ человѣкомъ довольно медленно; что сила разсудка образуется только путемъ безконечныхъ ошибокъ и испытаній; а до тѣхъ поръ въ сужденіяхъ человѣка строгій анализъ фактовъ замѣняется болѣе или менѣе разнообразной и упорной игрой воображенія. Но нигдѣ, конечно, воображеніе не является такимъ плохимъ судьей, какъ въ дѣлахъ, о которыхъ намъ приходится говорить съ вами, — въ дѣлахъ чисто практическихъ. Нигдѣ, благодаря ему, не выходитъ въ сущности такъ мало настоящаго дѣла и такъ много празднаго безпокойствія и суеты. Многіе, можетъ быть, до того свыклись съ такимъ положеніемъ, что принимаютъ на самомъ дѣлѣ за мысль игру фантазіи; думаютъ, что дѣйствуютъ потому только, что суетятся. Но, мы позволимъ себѣ быть иного мнѣнія, мы думаемъ даже, что не преувеличили, сказавъ, что степень затруднительности въ дѣлахъ зависитъ не столько отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, ихъ обусловливающихъ, сколько отъ того, какъ мы относимся къ этимъ дѣламъ, какъ ихъ понимаемъ.

Мы застаемъ эти дѣла въ настоящую минуту среди такого положенія, которое вообще не можетъ считаться нормальнымъ. Въ нашихъ глазахъ совершаются два кризиса: кризисъ юридическій, затронувшій болѣе или менѣе всѣ сферы частной и общественной дѣя-

тельности и кризисъ въ хозяйственныхъ дѣлахъ. Но чѣмъ серьезнѣе положеніе, тѣмъ естественнѣе, казалось бы, встрѣтить въ обществѣ стараніе проникнуть во всѣ стороны этого положенія, отнестись къ нему совершенно отчетливо, пожелать опредѣленныхъ измѣненій. Словомъ—выработать свою систему и свой способъ дѣйствія по отношенію къ этому положенію.

Гдѣ же эта система, какова она? Намъ бы хотѣлось ее видѣть. Всякая система возможна лишь тамъ, гдѣ люди сошлись въ отправныхъ понятіяхъ. Въ какихъ же мы сошлись понятіяхъ? Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, что самыя основныя изъ всѣхъ общественныхъ понятій, не уяснивъ которыхъ, нельзя собственно сдѣлать шага въ кругу вопросовъ, гдѣ мы вращаемся не безъ нѣкоторой даже развязности, остаются для насъ далеко не установившимися. Мы разсуждаемъ довольно свободно объ нуждахъ общества, объ его администраціи, хозяйствѣ и т. д., между тѣмъ какъ самыя понятія объ этихъ предметахъ остаются для насъ чѣмъ-то довольно смутнымъ. Не удивительно поэтому, что теоретическая безурядица по отношенію къ самымъ основнымъ общественнымъ понятіямъ, ведетъ къ такой же практической разноголосицѣ; что вмѣсто системы, несмотря на всю настоятельную въ ней нужду, мы видимъ на самомъ дѣлѣ одно безпорядочное препираніе, которое другіе могутъ, пожалуй, принимать по простотѣ за *борьбу партій.* Отсюда то выходитъ, что русскій человѣкъ, несмотря на всю переходность своего положенія, самыя дѣла свои оставляетъ совершенно въ сторонѣ, а болѣе занимается ихъ внѣшней обстановкой. Онъ все бродитъ кругомъ ихъ и что то разъискиваетъ. Чѣмъ-же онъ занятъ? Ему мнится, что эти дѣла обошли какія-то темныя силы. Онъ выслѣживаетъ все какія-то партіи, какъ будто въ нихъ то и заключается вся сущность вопроса и вся причина разстройства въ дѣлахъ: «Ты кто такой—благонамѣренный, дурнонамѣренный или вовсе не намѣренный?» Эта страсть во всемъ видѣть партіи, доводитъ его до того, что онъ самъ себя принимаетъ за партію, за темную силу, окликаетъ себя и кажется ему порой, что онъ вовсе красный, то сѣрый, то вовсе зеленый — словомъ всѣ цвѣта мѣшаются у него передъ глазами. Мы убѣждены, что и теперь, едва прослышалъ онъ о нашемъ появленіи, какъ уже окликаетъ и насъ: «что вы за люди, какую тщитесь составить партію, не лезете ли ко мнѣ въ карманъ, какъ будете смотрѣть на батраковъ, куда пошлете меня на воспитаніе—въ классическую или реальную гимназію и пр. и пр.?» — Вотъ его дѣло.

Все это едва ли ни доказываетъ преобладаніе нѣкоторой мечтательности во взглядахъ читателя. У него выходятъ положенія мнимыя, небывалыя; онъ безпрестанно переживаетъ опасности ложныя, несчастія подметныя, только отвлекающіе его отъ самаго дѣла. Посмотримъ, что это за партіи, которыя его одолѣли, откуда онѣ взялись, что за темныя силы и въ чемъ на самомъ дѣлѣ штука—въ темнотѣ-ли силъ, или наоборотъ—въ темнотѣ понятій?

Вотъ уже болѣе двухъ столѣтій, какъ русскій человѣкъ, отожествляя понятіе о всѣхъ своихъ интересахъ съ понятіемъ объ европеизмѣ, пріобщается къ этой европейской цивилизаціи. Такова была по крайней мѣрѣ идея, которую онъ ставилъ въ основаніе своей гражданской дѣятельности. Съ этой цѣлью онъ взималъ подати и служилъ и писалъ. Европеизмъ составлялъ для него ту верховную цѣль, въ преслѣдованіи которой онъ не считалъ нужнымъ жалѣть природныхъ силъ страны; и убѣжденіе, что онъ дѣйствительно преслѣдуетъ эту цѣль, не оставляла его въ самыя тяжелыя минуты полнаго гражданскаго застоя. Цивилизація—вотъ первое и послѣднее слово, которое не сходило съ языка у нашихъ передовыхъ людей; и притомъ цивилизація европейская.

Русскій человѣкъ безъ устали хлесталъ себя и шпорилъ и вотъ, вотъ, казалось, еще послѣдній скачекъ и онъ очутится всецѣло въ Европѣ. Еще немного,—и пройдемъ мы всѣ школу ея цивилизаціи и выйдетъ у насъ настоящая европейская исторія. Европа спрашивала, какъ это вы такъ скоро совершаете все, что далось намъ такимъ трудомъ? А мы отвѣчали, что въ то время, какъ ты трудилась и работала, создавая песчинку за песчинкой, изъ которыхъ мало-по-малу сложилась твоя наука, твоя политическая и общественная нравственность, мы срывали съ твоей почвы готовые плоды. То, что тебѣ стоило столькихъ усилій,—то намъ приходилось, поэтому, получать совершенно даромъ. Это даромъ приходилось особенно по сердцу русскому человѣку.—Да и какъ не радоваться, когда получаешь что нибудь совершенно даромъ, особенно такія драгоцѣнныя вещи, какъ плоды цивилизаціи.

Но, «бойся дары носящихъ», говоритъ историческая пословица. Вслѣдствіе ли близорукости нашихъ передовыхъ людей или вслѣдствіе нашей собственной умственной неподвижности намъ не приходило въ голову спросить себя самихъ, что это за цивилизація, къ которой мы стремимся столь усердно? Что мы подъ ней понимаемъ и что это за дары за такіе? Намъ не приходило въ голову, что вы-

ражаясь, какъ будто, опредѣленно и очень громко, мы покрываемъ, можетъ быть, красивыми образами совершенно не соотвѣтствующее имъ содержаніе, настоящее названіе которыхъ со всей ясностью предстало бы передъ нами, если бы мы сразу взялись за настоящій способъ разсужденія, если бы мы стали разсуждать не съ лирой въ рукахъ, а съ конторскими счетами. Мы увидѣли бы, можетъ быть, что самое слово цивилизація, какъ выраженіе крайне широкое, можетъ имѣть много и хорошихъ и дурныхъ сторонъ и столько же различныхъ смысловъ, что въ концѣ-концовъ можетъ быть цивилизація двоякаго рода: можетъ быть цивилизація, ведущая къ устройству народныхъ дѣлъ, заботящаяся о направленіи народныхъ силъ или народнаго труда наивыгоднѣйшимъ образомъ для самаго народа, то есть, такая, которая направляетъ эти силы на производство предметовъ и капиталовъ, облегчающихъ народный трудъ и усиливающей производство — словомъ цивилизація, обращающаяся бережливо съ народными силами. И можетъ быть наоборотъ,—цивилизація растрачивающая эти силы безъ всякой разсчетливости, безъ всякаго толка, на прихоти. Одна цивилизація выгодная, другая раззорительная. Если бы мы привыкли болѣе работать разсудкомъ, чѣмъ воображеніемъ, то мы не обошли бы такого вопроса и тогда, можетъ быть давно увидѣли бы, что цивилизація, которую мы преслѣдовали, не могла обойтись совершенно даромъ. Мало того, мы можетъ быть открыли бы, что хоть мы и называли эту цивилизацію европеизмомъ; но что отъ подобной цивилизаціи давно стала отказываться вся лучшая Европа и что подъ дѣйствительнымъ европеизмомъ стали подразумѣвать нѣчто другое. Послѣдняго мы тоже не замѣтили, и такимъ образомъ изъ всѣхъ плодовъ, которые открыла намъ европейская цивилизація, мы не усвоили себѣ самаго лучшаго, именно: представленія о цивилизаціи, которая идетъ къ экономическому достатку народа; не усвоили потому, что прежде, чѣмъ имъ пользоваться, нужно было научиться называть вещи ихъ собственными именами, переводя на простой языкъ, языкъ разсудка всю ложь и риторику, которыми маскировался для насъ дѣйствительный и истинный смыслъ явленій.

Слѣдовало поискать жизненныхъ явленій не въ потокахъ фантазіи, а у себя подъ ногами и затѣмъ имѣть силу признаться, что преслѣдованіе европеизма, работа на пользу исторіи, все — словомъ баловство словами, которыми мы скрашивали свою дѣятельность, сводилась къ одной простой цѣли--устройству нашихъ личныхъ дѣлъ какъ можно комфортабельнѣе и удобнѣе, къ наилучшей обстановкѣ

нашей праздности; что въ концѣ-концовъ могло и должно было оказаться убыточнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, взглянемъ назадъ и посмотримъ, чѣмъ насъ такъ привлекаетъ европеизмъ. Конечно, вмѣстѣ съ другимъ товаромъ мы привезли изъ Европы и науку. Но, во-первыхъ, не для цивилизаціи народа привозилась эта наука, ибо народъ до сихъ поръ не только ничего не слышалъ объ этой наукѣ, но мало слышалъ даже о грамотности; во-вторыхъ, что это была за наука, которую мы везли изъ за моря?

Если бы это была дѣйствительно наука, то, кажется, она могла бы научить насъ кой какому практическому взгляду на дѣла, предупредить заблужденія и облегчить намъ сознаніе нашихъ истинныхъ выгодъ. Стало быть, возникаетъ сомнѣніе, ни была ли это наука скорѣе поощряющая наши заблужденія, чѣмъ имъ противодѣйствующая. Не знаемъ поэтому, много ли везла къ намъ Европа просвѣтительныхъ идей, но что она везла къ намъ въ избыткѣ свои шелки и бархата, снабжала пѣвцами и театрами, индустріей и пр.—словомъ везла свою всю блестящую обстановку—это несомнѣнно. И вотъ этимъ то и была намъ дорога въ особенности европейская цивилизація. Мы дорожили ею просто на просто, потому что она устраивала нашъ собственный комфортъ, кормила и наряжала насъ и тѣшила такими открытіями, которыхъ мы не находили у себя дома. Стало быть, мы и должны помнить, что, когда говоримъ о цивилизаціи, то разумѣемъ подъ этимъ устройство своихъ собственныхъ прихотей. Европа устраивала эти наши дѣла и здѣсь заключалась вся прихоть и заманчивость для насъ европеизма.

Но вѣдь нужно было быть слишкомъ наивнымъ, чтобы полагать, будто такія услуги кто-нибудь станетъ совершать для насъ ради одного удовольствія видѣть, какъ мы цивилизуемся. Европа существо чисто комерческое, и потому такая европеизація могла совершаться только на чисто комерческомъ основаніи; мы должны были постоянно платить и платить чѣмъ нибудь за европеизацію. Нельзя сказать, чтобы мы не взглядывали при этомъ отъ времени до времени на нашъ торговый балансъ; но у насъ былъ свой способъ разсужденія. Мы взглядывали на итоги и наблюдали въ нихъ почти постоянное равновѣсіе и отсюда заключали, что, такъ какъ привозъ почти равняется вывозу, то очевидно цивилизація приходится намъ совершенно даромъ. Да наконецъ дары цивилизаціи, разсуждали мы, неоцѣненны и, собственно ихъ даже не слѣдуетъ приравнивать къ торговому балансу.

Если бы мы были немного болѣе реалистами, немного менѣе метафизиками, мы потрудились бы разобрать, что на самомъ дѣлѣ везетъ къ намъ цивилизація и что увозитъ отъ насъ взамѣнъ.

Не знаю опять-таки, на какую цифру везла къ намъ Европа гуманизма и науки, но зато цифры остальныхъ свидѣтельствъ европеизма были весьма категоричны: двѣ трети ввоза состояло изъ вещей, непосредственно потребляемыхъ. Изъ этихъ вещей мы ограничимся указаніемъ лишь на самыя крупныя цифры. Мы ввезли на 7 милліоновъ виноградныхъ винъ, на 6 милліоновъ фруктовъ, на 7 милліоновъ шелковыхъ матерій; еще на 5 милліоновъ хлопчатой бумаги— это единственная доля европеизма, которая доходила до народа въ видѣ гнилыхъ ситцевъ и пестрыхъ платковъ. Вывозили же мы и вывозимъ, конечно, одну только грубость, все сырье, да сырье; хлѣбъ, желѣзо, шерсть и пр. и такъ какъ нашъ недостатокъ весь состоялъ въ избыткѣ грубости, то, играя словами, можно было придти къ тому выводу, что такой вывозъ былъ для насъ особенно выгоденъ. Ну, а не играя словами, какой же прикажете сдѣлать выводъ изъ подобнаго сопоставленія ввоза съ вывозомъ. Цивилизація везла къ намъ всякую ветошь и гниль и увозила наши производительныя силы — нашу почву. Поймутъ ли теперь нѣкоторые изъ нашихъ публицистовъ, какое торжественное подтвержденіе справедливости ихъ жалобы на недостатокъ почвы находимъ мы въ самыхъ положительныхъ данныхъ. Бѣда только въ томъ, что не мы отрывались отъ этой почвы, а у насъ ее увозили. Жаль только, что увозили не ту почву, что снится славянофиламъ, а дѣйствительную, агрономическую почву.

Народъ вырабатывалъ все, что нужно для него, чтобы ходить одѣтымъ и сытымъ и отвозилъ все это на сторону; самъ же ходилъ и не одѣтый и недоѣвшій и взамѣнъ получалъ европеизмъ. Путемъ такихъ разсужденій можно было придти къ тому соображенію, что одно продолжительное повтореніе такого невыгоднаго обмѣна должно было вести къ обѣдненію.

И дѣйствительно, уже къ шестидесятымъ годамъ капиталовъ оставалось немного; частныя земли были всѣ перезаложены въ казнѣ и обременены частными долгами, а вырученныя отсюда суммы истрачены на европеизацію—вино, шелкъ и т. д. Въ это время подоспѣли усиленные фискальные расходы, разрѣшившіеся значительнымъ внутреннимъ и внѣшнимъ долгомъ и наконецъ акціонерная горячка потопила послѣдніе грошевые капиталы. Все это вмѣстѣ привело къ тому экономическому statu quo, среди котораго оказалось даже какъ будто

не на что болѣе продолжать дальнѣйшее преслѣдованіе европеизма; и такъ оказался безъ средствъ среди не оконченной дороги. Такимъ образомъ, въ то время какъ русскій человѣкъ гнался за Европой, та же Европа посадила его на открытую мель.

Сидя на этой то мели, русскій человѣкъ разсуждалъ, въ чемъ тутъ могла быть ошибка и конечно могъ научиться кой чему изъ случившагося. Прежде всего Европа дала ему возможность испытать на дѣлѣ всю силу свободнаго обмѣна: заманивая Россію прелестями своей цивилизаціи, она заставляла ее на дѣлѣ играть роль своей колоніи. Льстя ей титуломъ земледѣльческой страны, она скрывала подъ этимъ названіемъ злую иронію, зная очень хорошо, что исключительно земледѣльческая страна останется всегда бѣдной и грубой, вѣчно проигрывающейся въ комерческой игрѣ.

Намъ помнится однако, что благодаря избытку своего воображенія, въ это самое время, русскій человѣкъ вывелъ изъ случившагося нѣсколько иныя соображенія. Помнится, что сидя на этой то мели, наши передовые люди высидѣли два разъясненія:—одно, что мы разошлись съ народомъ, а другое, что насъ подсиживаютъ какія то внутреннія темныя силы. Въ этомъ общемъ литературномъ хорѣ были правда также одинокіе и рѣдкіе голоса, выражающіе сомнѣніе относительно достоинства такихъ выводовъ, но читатель прошелъ мимо ихъ безъ серьезнаго вниманія. Почему же онъ прошелъ мимо? А потому что такъ называемая европеизація, учившая насъ убыточнымъ въ экономическомъ отношеніи прихотямъ, не могла не оказать нѣкотораго разслабляющаго вліянія и на самый нашъ характеръ.

Извѣстно, что слабыя, изнѣженныя натуры, привыкшія вообще менѣе разсуждать, чѣмъ жить воображеніемъ, никогда такъ ярко не высказываютъ своей склонности къ мечтательности, какъ въ минуту серьезныхъ обстоятельствъ, въ видѣ дѣйствительныхъ неудачъ и несчастій. Въ то время, когда человѣкъ, обладающій, хотя небольшой волей энергіи, старается остаться наединѣ съ своимъ разсудкомъ, они тутъ то ищутъ повсюду, не найдется ли какого либо пустяка, который бы отвлекъ ихъ слабую голову отъ разсужденія надъ громко говорящими фактами; и само собою разумѣется, что они находятъ эти пустяки и остаются благодарны тѣмъ, которые отыщутъ имъ какой либо отвлекающій вздоръ. Въ эти минуты погони за всякаго рода игрушками, которыя могли бы оправдать въ нашихъ глазахъ нашу собственную лѣнь и ничтожество, конечно нѣтъ у человѣка злѣйшаго врага, какъ его собственный разсудокъ, а потому вовсе не

удивительно, что человѣкъ въ такія минуты готовъ видѣть вражью силу во всякомъ словѣ своего разсудка. Если же послѣдній, вслѣдствіе какихъ либо обстоятельствъ, успѣетъ проникнуть въ его собственную совѣсть, тогда въ самомъ человѣкѣ начинается борьба какихъ то враждебныхъ другъ другу силъ. Вотъ этотъ то внутренній разладъ, внутреннюю борьбу. которая овладѣваетъ имъ, онъ переноситъ на внѣшнюю обстановку, не замѣчая, что происходитъ она вовсе не внѣ его, а въ немъ самомъ. Этотъ личный внутренній свой разладъ онъ преслѣдуетъ внѣ себя; и если онъ только дѣйствительно истощенъ нравственно до того, что не въ силахъ владѣть собой, то горе постороннимъ, съ которыми ему приходится имѣть дѣло: онъ будетъ вымещать на нихъ свою личную немочь.

Если изъ такихъ людей состоитъ общество, если мы имѣемъ дѣло съ обществомъ разслабленнымъ вслѣдствіе чрезмѣрной сытости, на которую оно не привыкло истрачивать никакого труда, то тогда оно будетъ естественно поступать также какъ поступалъ отдѣльный человѣкъ одинаковаго съ нимъ закала.

Отсюда, стало быть, можетъ возникнуть сомнѣніе, не есть ли исторія партій, которую мы преслѣдуемъ цѣлые два года, не болѣе, не менѣе какъ выраженія такого внутренняго разлада, разлада между дѣйствительнымъ направленіемъ нашихъ дѣлъ и тѣмъ, котораго требовала разсудительность; разладомъ, съ которымъ мы, образованное общество, преспокойно уживались до сихъ поръ и который заставили насъ почувствовать обстоятельства. Мы, образованные люди, сознаемся, что нашъ старый методъ былъ дуренъ; а между тѣмъ насъ до того закупала сладость разгула въ ущербъ другимъ, что мы едва въ состояніи убѣдиться, что больше гулять не начто, и не въ силахъ мы, величающіе себя образованнымъ меньшинствомъ, отказаться отъ этого способа дѣйствія на будущее время.

Въ такія то минуты обыкновенно читатель находитъ всегда и вездѣ свою угодливую литературу, готовую придти на помощь его сомнѣніямъ и подслужиться его слабостямъ въ ущербъ дѣйствительнымъ выгодамъ.

Подобныя явленія всего легче наблюдать на чужой почвѣ, хоть на той же западной. И тамъ, навстрѣчу подобнымъ нравственнымъ положеніямъ, прибѣгала литература и травила въ человѣкѣ страсти противъ собственнаго разсудка. Но только вотъ что,—западная литература, кромѣ этихъ услугъ, оказала и кой какія другія, за которыя ее будутъ вѣчно цѣнить. Много ли оказала такихъ услугъ русская

мысль; а между тѣмъ она успѣла уже прикоснуться ко всѣмъ красотамъ и отразить всѣ прелести, которымъ могла только научиться у западной.

Она поставила тебя, читатель, въ то положеніе, въ которомъ ты находишься; она навела на тебя сомнѣніе, нужно ли тебѣ въ самомъ дѣлѣ, отказаться отъ расточительныхъ и убыточныхъ для народа условій жизни, или, можетъ быть, и не нужно. Вотъ это то сомнѣніе и заключаетъ въ себѣ самомъ источникъ всѣхъ партій. Тебя упрекали конечно въ отсутствіи патріотизма; но при этомъ позабыли сказать, въ чемъ состоитъ настоящій патріотизмъ; тебя увѣряли только, что онъ заключается въ баловствѣ словами; мы же тебѣ скажемъ по совѣсти, что онъ можетъ заключаться только *въ бережливости силъ народа и въ стойкости за эту бережливость*. Въ этихъ двухъ словахъ заключена вся здравая государственная философія, все основаніе цивилизаціи, не той цивилизаціи, которая раззоряетъ, а которая приноситъ неподдѣльную нравственность и неподдѣльное благополучіе. Тутъ вся почва, отъ которой исходятъ и къ которой возвращаются всѣ вопросы общественнаго свойства; а слѣдовательно тутъ ты ищи объясненія всего нашего литературнаго направленія.

То общество, которое будетъ достаточно зрѣло и мужественно, чтобы понять это,—въ томъ не будетъ болѣе мѣста партіямъ, ибо корень всѣхъ партій въ борьбѣ общихъ интересовъ съ личными прихотями. А общество, которое рѣшится подчинить личныя прихоти власти общихъ интересовъ, уничтожить въ отдѣльныхъ лицахъ тотъ внутренній разладъ между разсудкомъ и похотями, о которомъ мы говорили выше, оно не будетъ болѣе общество изнѣженное, неспособное пожертвовать самыми пустыми и вздорными въ сущности лишеніями, которыхъ только отъ него потребуютъ.

На этомъ то пробномъ камнѣ хозяйственнаго разсчета, на которомъ мы только что провѣрили твою цивилизацію и пытались открыть тебѣ настоящій источникъ твоихъ партій и твоего нравственнаго statu quo—мы обѣщаемъ тебѣ испытывать и опредѣлять предстоящіе нашему разбору разнородные практическіе вопросы, и надѣемся этимъ то путемъ привести тебя къ неотразимому сознанію, что на нашей сторонѣ правда.

№ 2 1865 г С-Петерб. 5 марта.

Въ прошлый разъ мы останавливались на характеристикѣ нашей прошлой цивилизаціи со стороны тѣхъ экономическихъ основаній,

на которыхъ она совершалась. Мы сказали, что послѣдствіемъ этой системы были два кризиса, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ настоящее время: реформа юридическая и разстройство хозяйственное. Такъ какъ оба эти явленія совершаются одновременно, то нѣтъ ничего легче, какъ путать ихъ оба между собою, взваливать послѣдствія одного на шею другого. Мы такъ и поступаемъ на самомъ дѣлѣ; мы объясняемъ обыкновенно разстроенное хозяйственное положеніе реформой; взваливаемъ на нее всѣ грѣхи и неудовольствія, которыя только ощущаемъ въ своемъ карманѣ и прежде всего поступаемъ такъ въ томъ вопросѣ, съ котораго началась реформа, и о которомъ скажемъ сегодня—крестьянскомъ вопросѣ Исходя изъ тѣхъ объясненій, которыя мы предложили въ прошлый разъ, едва ли ни слѣдовало разсуждать совершенно обратно и признать экономическое разстройство за слѣдствіе ложныхъ основаній прошлой экономической жизни, а реформу за прямое слѣдствіе разстроеннаго хозяйственнаго положенія, которое привело къ сознанію, что прежнія экономическія формы не удовлетворяютъ.

И дѣйствительно, цѣль реформы, какъ кажется, должна была быть въ томъ, чтобы измѣнить ложную экономическую дорогу на болѣе выгодную; и такъ какъ старая дорога состояла въ сосредоточеніи капиталовъ въ ущербъ рабочему сословію, то новая должна была состоять въ распредѣленіи достатка между низшими сословіями, гдѣ капиталы скорѣе избѣгаютъ растраты и вѣрнѣе обращаются въ сбереженіе. Такого результата требовалъ общій государственный интересъ и правительство его высказало, сказавъ, что оно хочетъ улучшить бытъ крестьянъ.

Но вотъ этому то устройству крестьянъ и приписывается обыкновенно разстроенное экономическое положеніе землевладѣльческихъ хозяйствъ.

Мы имѣемъ такимъ образомъ передъ собой два взгляда на вещи: одни смотрятъ на разстроенное положеніе, какъ на слѣдствіе реформы; другіе принимаютъ самую реформу за слѣдствіе разстройства, которое явилось независимо отъ реформы. Смотря потому, на какую изъ двухъ точекъ зрѣнія мы встанемъ, мы будемъ естественно относиться къ реформѣ съ совершенно различными требованіями.

Глядя на дѣло съ одной точки, мы будемъ становиться весьма строги и все болѣе и болѣе требовательны къ этой реформѣ по отношенію къ нашему личному положенію;—глядя съ другой, мы будемъ требовательны въ совершенно обратную сторону, зная, что въ нашемъ

личномъ хозяйственномъ разстройствѣ нисколько не повинна реформа. На какую же точку зрѣнія слѣдуетъ встать на самомъ дѣлѣ?

Мы говоримъ, что отвѣтъ на такой вопросъ разъ навсегда намъ нуженъ для того, чтобы не блуждать въ потемкахъ и пресѣчь возможность пугать простоватыхъ людей привидѣніями. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, слѣдуетъ взглянуть хоть бы на то, какъ отнеслась реформа къ нашему личному положенію;—отсюда будетъ ясно, насколько выгодны были для насъ тѣ условія, которыя она намъ предложила взамѣнъ стараго и слѣдовательно насколько, въ самомъ дѣлѣ, справедливо приписывать ей то разстройство въ нашемъ хозяйственномъ положеніи, которое мы, можетъ быть, ощущаемъ. Реформа предложила намъ обязательную повинность, въ видѣ издѣлья или оброка, и выкупъ. Но заниматься всѣми этими тремя видами вознагражденія намъ даже вовсе не нужно; достаточно остановиться на томъ изъ нихъ, на выборѣ котораго остановился самый ходъ вопроса и который стоитъ, что называется, на очереди. Взглянемъ же прежде всего, на чемъ стоитъ дѣло въ настоящую минуту; какими цифрами выражается положеніе и на основаніи этихъ цифръ постановимъ свое заключеніе.

«Сѣверная Почта» публиковала недавно послѣднія свѣдѣнія о ходѣ крестьянскаго дѣла. На основаніи этихъ свѣдѣній въ декабрѣ прошлаго года еще немного половины бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ оставалось въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ, то есть, изъ 9 съ небольшимъ мил. 4.934,369, а прекратила обязательныя отношенія 4.851,648. Изъ этого числа опять половина (2.424,882) пріобрѣла поземельный надѣлъ въ собственность. И такъ, слѣдовательно по сію минуту выкупились съ землей $^1/_4$ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ или 25%;—25% освобождено въ силу особыхъ указовъ объ обязательномъ выкупѣ и 50% остается въ зависимости отъ помѣщиковъ.

Выкупная крестьянская земля, кромѣ губерній сѣверо-западныхъ, составляетъ 6.183,672 дес., а весь крестьянскій надѣлъ равняется приблизительно 31.000,000 десятинъ; такимъ образомъ крестьяне выкупили пока менѣе $^1/_5$ части надѣла.

Душевой участокъ равняется среднимъ числомъ $3^1/_4$ десятины,—и стоитъ 102 рубля, почти по 32 рубля за десятину. По этому счету помѣщики получили уже за выкупленныя земли около 600,000 наличными деньгами, да 101 мил. ссуды, за вычетомъ долга бывшимъ кредитнымъ установленіямъ, считая курсъ выкупленныхъ свидѣтельствъ по 82 коп. за рубль, по меньшей мѣрѣ 83 мил. 500 тысячъ ренты.

Помѣщики получили въ теченіи послѣдняго трехлѣтія около 84 мил. наличными деньгами. Раздѣляя эту сумму на число сдѣлокъ, коихъ показано всего 17,000, получимъ среднимъ числомъ по 4,911 руб. на сдѣлку или на имѣніе. Вотъ тѣ цифры, на которыхъ стоитъ дѣло.

Если мы вернемся нѣсколько назадъ, хотя за два года, къ Ноябрю 1863 года и вспомнимъ, что въ это время число выкупленныхъ десятинъ состояло всего 500 тысячъ, то мы должны будемъ согласиться, что почти вся наличная сумма выкупныхъ сдѣлокъ принадлежитъ истекшему году и послѣднему времени. Дѣло стоитъ, стало быть, въ періодѣ выкупа и хотя оно прошло всего, какъ оказывается, $^1/_5$ часть выкупной дороги, покрайней мѣрѣ оно оставило за собой тѣ другіе многоразличные способы разрѣшенія, которые еще года полтора, два назадъ заслоняли собой выкупной исходъ и предлагали другіе, болѣе или менѣе разнообразные пути. Нѣтъ болѣе рѣчи о надеждахъ удержать кое-какъ обязательную барщину или смѣшанную повинность; нѣтъ болѣе рѣчи о наступившихъ за тѣмъ надеждахъ на обязательный переводъ съ барщины на оброкъ, ни о правѣ переводить на крестьянскій надѣлъ полной суммы долговъ опекунскимъ совѣтомъ, ни даже о разсчетахъ на обязательный выкупъ съ выдачей изъ казны полной выкупной суммы. Все это прошло прахомъ, перешло въ преданіе.

Сколько, однако, читатель явленныхъ тобою противорѣчій возстаетъ передо мною вмѣстѣ съ такими воспоминаніями. Въ нихъ повторяется передо мною вся исторія вопроса, и я съ грустью вижу, что это исторія послѣдовательныхъ заблужденій, отъ которыхъ мы отреклись послѣдовательно для того, чтобы переходить каждый разъ къ новому заблужденію. Вспомните 1861 годъ: начали вѣдь мы съ вами съ того, что боялись потерять рабочія руки вмѣстѣ съ барщиной; въ 1862 году просили уже обязательнаго оброка, какъ благодѣянія, то есть, разочли, что оброкъ вовсе не такъ низокъ и дуренъ, а къ 1863 году просили уже обязательнаго выкупа съ полной ссудой.

Намъ предложили вмѣсто того выкупъ по положенію и вотъ съ тѣхъ поръ пребывали мы на этой точкѣ. Къ какому же соображенію пришли мы въ настоящее время: признали ли выкупъ за выгодный для себя исходъ, или придумали какую-нибудь новую для себя комбинацію, кромѣ выкупа, болѣе соотвѣтствующую общимъ интересамъ? — Но оставимъ пока въ сторонѣ общіе интересы, а посмотримъ на дѣло съ чисто исключительной точки зрѣнія частныхъ выгодъ.

Между выписанными нами выше цифрами есть одна, которая возбуждаетъ наше особенное вниманіе; цифра эта столь ярко бросается въ глаза, что мы не можемъ объ ней достаточно надуматься. Средняя стоимость десятины по выкупу равняется 32 рублямъ—вотъ эта цифра. Помѣщикъ получаетъ 32 рубля за десятину; взявъ же цѣнность выкупныхъ свидѣтельствъ по курсу — по 26 р. 20 к. за десятину среднимъ счетомъ. Интересно было бы, чтобы кто нибудь изъ статистиковъ показалъ намъ среднюю рыночную цѣну за десятину за послѣднее время. Тогда бы мы могли судить, насколько эта цѣна представляется въ самомъ дѣлѣ невыгодной въ сравненіи съ краснорѣчивымъ приблизительнымъ нулемъ, которому ровняется рыночная цѣна земли въ настоящую пору. Интереснѣе было бы еще, чтобы намъ кто нибудь указалъ, когда, въ какое время средняя продажная цѣна на землю у насъ достигла хотя приблизительно этой нормы. Но этого мало, — у насъ не то, что покупаютъ землю, а намъ, лучше того, даютъ обязательства платить безсрочную ренту или доходъ съ десятины. Какимъ же процентомъ опредѣляется обыкновенно поземельная рента съ десятины? На западѣ, гдѣ земля несомнѣнно дороже нашей, рента никакъ не больше 3% съ дѣйствительной стоимости земли; а мы получаемъ 5%, при оцѣнкѣ десятины въ 32 рубля, то есть, 160 коп., дохода безъ заботъ и труда. Какой же доходъ мы получаемъ сами въ настоящую пору съ вольныхъ десятинъ? У насъ есть на то положительныя свѣдѣнія. Вотъ что пишутъ въ Екатеринославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ: «Землевладѣльцы отдаютъ свои имѣнія въ аренду, вмѣстѣ съ хозяйственными обзаведеніями и скотомъ, по 1 руб. и рѣдко по 1 р. 50 к. съ десятины, либо продаютъ за 8—10 р. земли, которыя обыкновенно цѣнились рублей въ 30». А мы продаемъ землю почти за 32 рубля.

Странное дѣло, общее мнѣніе то, что доходъ десятины не окупаетъ труда или стоимость съ обработки. Съ разныхъ сторонъ слышимъ мы подтвержденія этого мнѣнія; тоже доказывало недавно внутреннее обозрѣніе «Современника»; тоже подтверждалъ г. А. Z., опровергавшій этого обозрѣвателя; тоже подтверждали г.г. петербургскіе сельскіе хозяева въ своихъ засѣданіяхъ; въ томъ же, наконецъ, сознавались, какъ будто г.г. московскіе публицисты, печатавшіе статью г. Андреева о поземельномъ кредитѣ. Послѣ этого имѣемъ ли мы право быть недовольны, что у насъ покупаютъ землю по 32 руб. за десятину или платятъ чистаго дохода по 160 к. Ясно, что выкупъ въ самомъ дѣлѣ представляетъ такой источникъ, такую поддержку,

которая находится въ противорѣчіи съ величиной хозяйственной ренты. Ясно, что если бы мы сами стали продавать или хозяйничать, мы остались бы въ чистомъ накладѣ и что затѣмъ, ни того дохода, ни той цѣны, которую намъ платитъ крестьянинъ за землю по выкупу, мы не можемъ разсматривать вовсе какъ цѣну или доходъ на землю, а какъ чистую поддержку, которой не можетъ вынесть самъ по себѣ уступленный крестьянамъ надѣлъ и которая обращается на личные крестьянскіе заработки. Мы имѣемъ впрочемъ и прямое объясненіе, почему выкупные платежи не выражаютъ собой собственно поземельной ренты. Они разсчитывались, какъ извѣстно, на основаніи оброковъ, а оброки представляли не повинность за землю, а ту повинность, которою облагали помѣщики крестьянъ, прямо разсчитывая не на ихъ поземельный доходъ, а на посторонніе промысловые заработки. Словомъ, при изданіи положеній, были приняты за норму дѣйствительные оброки, а не основанные на доходѣ съ земли. Это оправдалось еще тѣмъ, что оброки эти устанавливались на двадцать лѣтъ, въ теченіи которыхъ собственно поземельный доходъ могъ возвыситься и слѣдовательно подойти болѣе или менѣе къ нормамъ оброковъ. Но если такое соображеніе нормы повинности съ будущей стоимости земли можетъ имѣть мѣсто, при установленіи на долгій срокъ аренднаго контракта на эту землю, то всякое имущество, при его покупкѣ, оцѣнивается по его настоящей, а не будущей стоимости. Словомъ, величина платежей, не соотвѣтствующая дѣйствительной стоимости земли, можетъ быть объяснена только тѣмъ, что устанавливая выкупные платежи, законъ вовсе не имѣлъ въ виду произвести коммерческаго разсчета между помѣщиками и крестьянами за землю, а имѣлъ въ виду установить два независимые налога, одинъ натурой или землей въ пользу крестьянъ, другой денежный въ пользу помѣщиковъ, безъ всякаго между ними баланса.

Этотъ взглядъ на оброки и выкупные платежи, какъ на пожертвованіе или налогъ въ пользу помѣщиковъ правительство указывало не разъ по случаю различныхъ ходатайствъ землевладѣльцевъ два года тому назадъ—между прочимъ объ обязательномъ переводѣ на оброкъ. Тогда министерство внутреннихъ дѣлъ категорически разъяснило, что оброки имѣютъ значеніе обязательнаго сервитута только для имѣній помѣщичьихъ, гдѣ существовали и до сихъ поръ, а не для губерній земледѣльческихъ, что словомъ, оброки не были соображены вовсе съ стоимостью земли. Если же мы сравнимъ оба эти налога въ отношеніи ихъ уравнительности, то мы конечно согласимся,

что выкупъ для помѣщиковъ, какъ дѣло коммерческое, очень выгоденъ; что степень этой выгодности можетъ быть оправдана только исключительно чрезвычайными обстоятельствами и особыми государственными соображеніями, въ числѣ которыхъ стояла на первомъ планѣ нужда помѣщиковъ въ капиталахъ и рабочихъ рукахъ; помѣщикамъ давалась возможность высокими оцѣнками задерживать переходъ крестьянъ съ издѣлья на оброкъ и задерживать ихъ отъ быстраго пріобрѣтенія земли въ собственность, а слѣдовательно заставить ихъ искать заработковъ на помѣщичьихъ земляхъ. Нельзя сказать, чтобы этимъ средствомъ остались съ самаго начала недовольны помѣщики; нельзя сказать, чтобы они не пробовали имъ воспользоваться для обезпеченья себя крестьянскимъ трудомъ. Но вскорѣ они признали это средство не совсѣмъ соотвѣтствующимъ ожиданіямъ, и повернули систему своихъ разсчетовъ совершенно въ другую сторону. Они рѣшились отказаться отъ рукъ, думая обезпечить себя высокими оброками и высокими выкупными оцѣнками. Когда дѣло сколько нибудь двинулось впередъ въ этомъ направленіи, вознаградивъ себя высокими оброками и оцѣнками, они естественно должны были почувствовать извѣстную убыль въ рукахъ. Въ самомъ дѣлѣ нельзя же было разсчитывать такъ, что я возьму оброкъ или выкупъ, да еще оставлю за собой и издѣлье или руки: отчего нибудь одного нужно было отказаться, что нибудь предпочесть одно. Помѣщики и предпочли вознаграждать себя деньгами. И дѣйствительно вознагражденіе было, какъ мы видимъ, вовсе не такое невыгодное. Между тѣмъ мы видимъ; что хотя $^1/_5$ часть крестьянскихъ земель очищена выкупными сдѣлками; дѣла помѣщиковъ всетаки, какъ будто, не становятся вовсе лучше, а еще больше запутываются, и общественное мнѣніе, склонявшееся какъ будто къ выкупному исходу, вслѣдствіе его очевидной съ одной стороны выгодности, озадачивается съ другой стороны все болѣе и болѣе тѣми малыми улучшеніями, которыя приноситъ этотъ выкупъ помѣщичьимъ хозяйствамъ,—и земледѣльческіе интересы ищутъ тщетно кругомъ какого либо посторонняго средства, которое могло бы придти къ нимъ на помощь.

Отсюда вытекаютъ тѣ лихорадочные порывы къ поземельному кредиту, тѣ разнообразныя теоріи и планы одинъ другого милѣе о вспомогательныхъ средствахъ на устройство помѣщичьихъ дѣлъ, о которыхъ подробнѣе скажемъ въ свое время.

Выкупъ, съ одной стороны, оказывается очевидно выгоденъ; съ другой тотъ же выкупъ оказывается безсиленъ поправить дѣло: вотъ

противорѣчіе, въ которомъ стоитъ вопросъ о землевладѣльческихъ интересахъ. Что же это за противорѣчіе, и есть ли тутъ въ самомъ дѣлѣ противорѣчіе? Врядъ ли. Если разобрать дѣло немного, то не трудно видѣть, что выкупъ можетъ быть очень и очень выгоденъ самъ по себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣла могутъ еще нисколько не поправляться вслѣдствіе его выгодности. Стало быть на повѣрку причины разстройства въ дѣлахъ должно искать вовсе не въ недостаточности вознагражденія, которое предложило правительство помѣщикамъ за землю въ выкупѣ.

Но въ словѣ выкупъ заключена окончательно вся крестьянская реформа; стало быть причину разстройства въ дѣлахъ и врядъ ли можно искать, какъ обыкновенно дѣлается, въ реформѣ или освобожденіи крестьянъ, а должно искать ее гдѣ нибудь глубже. Крестьянская реформа, какъ мы видимъ, предложила очень и очень хорошее вознагражденіе за земли; стало быть она, ни въ какомъ случаѣ, не могла ни произвести, ни прибавить новаго разстройства въ дѣлахъ и скорѣе могла помочь этимъ дѣламъ поправиться. Стало быть слѣдуетъ предположить, что дѣла эти были разстроены помимо реформы и разстроены до того, что помочь имъ не имѣла возможности даже такая значительная денежная поддержка, какую давали возвышенные оброки и возвышенные выкупные платежи. Если мы потрудимся теперь представить такую систему хозяйства, которая беретъ съ крестьянина весь чистый доходъ, оставляя ему одно скудное пропитаніе и слѣдовательно не оставляющая въ рабочемъ сословіи никакихъ запасовъ, никакихъ избытковъ для того, чтобы въ этомъ сословіи могли образоваться капиталы, и предположимъ затѣмъ, что весь чистый доходъ, извлекаемый изъ рабочихъ рукъ, потребляется на европейскую роскошь и т. д., то и въ рукахъ самихъ землевладѣльцевъ не останется никакихъ капиталовъ.

Если, кромѣ того, большинство земель перезаложится и получаемые отсюда капиталы потратятся тѣмъ же самымъ путемъ, т. е. не производительнымъ, то черезъ это пропадетъ и часть промышленныхъ капиталовъ; а хозяйства, обремененные долгами, должны будутъ идти неизбѣжнымъ шагомъ къ ликвидаціи. Если къ этому присоединится нѣчто вродѣ акціонерной горячки и застой въ спросѣ на предметы промышленности, производство которыхъ было разсчитано на усиленныя и не естественныя требованія вслѣдствіе установившагося въ предыдущіе годы обычая растрачивать всѣ сбереженія, то и самые промышленныя дѣла будутъ клониться къ той же ликвидаціи, а

страна къ потерѣ послѣднихъ капиталовъ.—Какъ бы затѣмъ ни былъ рѣшительно прикрѣпленъ къ намъ трудъ, какія бы обязательныя отношенія ни существовали между хозяевами и работниками, понятно что доходъ отъ обязательнаго труда долженъ имѣть свои естественныя границы и что этотъ доходъ, съ уменьшеніемъ запасовъ и капиталовъ и возрастаніемъ долговъ, не можетъ возвышаться, а долженъ падать. Если же онъ падалъ, а долги возрастали, то само собою разумѣется, что въ хозяйствахъ должна была наступить ликвидація, независимо отъ того, пришла бы реформа или нѣтъ. Эту то ликвидацію мы собственно и переживаемъ въ настоящемъ разстройствѣ нашихъ дѣлъ; въ ней, стало быть, мы и должны искать собственно объясненія этого разстройства, и это разстройство не имѣетъ никакой связи съ реформой. Вмѣсто того, чтобы произвести его, реформа, напротивъ того, пыталась сдѣлать все, что могла, для того, чтобы помочь хозяйствамъ выйти изъ своего положенія усиленными денежными вознагражденіями за землю. Если все это безсильно, то значитъ одно изъ двухъ: или выкупные платежи не употреблялись помѣщиками на улучшеніе хозяйствъ, или хозяйства ихъ были до того запущены, что поправить ихъ не было средства никакими вознагражденіями.

Но освобожденіе крестьянъ имѣло несчастіе придти именно въ такую минуту начинавшагося упадка въ хозяйственныхъ дѣлахъ и стать на первомъ планѣ, приковавъ къ себѣ все вниманіе; за ней укрылся для насъ этотъ скромный, но настоятельный процессъ ликвидаціи, тѣмъ легче, что мы почему то воображали, что освобожденіе крестьянъ должно было быть для насъ неизбѣжно раззорительнымъ и мы съ плеча привыкли относить къ нему тѣ бѣды и тѣ ошибки, въ которыхъ повинны были, какъ видите, совершенно другія условія. Все наше текущее сельско-хозяйственное положеніе мы ставили въ укоръ реформѣ и въ этой то реформѣ продолжаемъ искать до сихъ поръ средствъ его поправить, полагая, что весь вопросъ нашего хозяйственнаго благополучія зацѣпился то за ту, то за другую статью положенія.

Но понятно также послѣ сказаннаго, что наши новѣйшіе походы противъ реформы, за полученіемъ уже нами богатаго вознагражденія, не ограничиваются одними требованіями гарантій и заходятъ немного дальше того, что намъ дано и никто не отнимаетъ; все это гарантировано; никто не претитъ намъ получать выкупную ссуду или 1 р. 60 к. ренты съ десятины. Стало быть, для того, чтобы получить ясное по-

нятіе о характерѣ нашихъ жалобъ,—ни нужно ли еще повернуть вопросъ на другую сторону, посмотрѣть на вопросъ съ точки зрѣнія не только нашихъ личныхъ интересовъ, а общегосударственныхъ и въ этомъ еще смыслѣ посмотрѣть на тѣ гарантіи и вознагражденія, которыми мы пользуемся.

Въ этомъ отношеніи мы, кажется, также кой что знаемъ; знаемъ, что тѣ вознагражденія, которыя намъ предложила реформа, никоимъ образомъ не выносятся одной землей, а падаютъ на личный трудъ, на личные промышленные заработки крестьянъ.

Что же это значитъ? Иными словами это значитъ, что пока выкупные платежи или оброки будутъ лежать на крестьянахъ, до тѣхъ поръ крестьянинъ долженъ будетъ искать постоянно постороннихъ заработковъ и стало быть, становиться до извѣстной степени батракомъ; до тѣхъ поръ мысль о крестьянинѣ, живущемъ на собственной землѣ полнымъ хозяиномъ, работающимъ исключительно на себя, должна быть отложена въ сторону; а это то обращеніе крестьянина въ хозяина, кажется, и было основной мыслью реформы.

Выкупные же платежи должны длиться, какъ извѣстно, по меньшей мѣрѣ полъ столѣтія!.. Такимъ образомъ выкупные платежи имѣютъ, какъ видите, весьма серьезное значеніе, независимо отъ нашихъ личныхъ интересовъ, для общихъ интересовъ государства и реформы.

Ими отсрочивается выполненіе той системы государственнаго хозяйства, которая, давая крестьянамъ землю, думала опереть въ будущемъ экономическое развитіе земледѣлья на трудѣ хозяина собственника въ противность батрачеству. — А мы бы вамъ не совѣтывали спорить противъ этой системы по двумъ причинамъ: во-первыхъ, всякій такой шагъ, всякая жалоба съ цѣлью дальнѣйшихъ уступокъ, есть споръ противъ самой системы; есть лишнее бревно съ умысломъ кинутое противъ общаго благополучія въ ущербъ не только внутренней, но и внѣшней силѣ страны. Во-вторыхъ, не совѣтывали бы мы вамъ спорить противъ этой системы потому еще, что тогда можно еще ближе подойти къ вопросу и въ самыхъ вашихъ взглядахъ на дѣла, въ самыхъ дѣлахъ, наконецъ, найти торжественное доказательство, что не въ какую другую систему развитія земледѣльческаго хозяйства, кромѣ системы хозяйства крестьянъ собственниковъ, вы сами не вѣрите въ концѣ концовъ въ настоящую пору.

Если-бы это было иначе, если-бы капиталы, въ примѣненіи къ земледѣльческимъ хозяйствамъ, могли приносить выгоду, то 100 съ

лишнимъ выкупной ссуды должны были оказать, кажется, какое-либо вліяніе на устройство нашихъ хозяйствъ.

Мало того, зная тягостное вліяніе этихъ выкупныхъ платежей на ходъ реформы, мы, кажется были бы въ правѣ желать нравственнаго ручательства, что налогъ на личный трудъ крестьянъ, получаемый нами въ видѣ выкупныхъ платежей, обращается дѣйствительно на поддержаніе землевладѣльческихъ хозяйствъ.—Можемъ ли же мы похвастать такимъ ручательствомъ, если дѣла продолжаютъ стоять въ томъ положеніи, что въ лучшихъ мѣстахъ земля отдается въ аренду по 1 руб. съ десятины, въ то время какъ государство платитъ намъ среднимъ счетомъ вездѣ за всякія земли по 1 р. 60 к. ренты.

Прочтите передовыя сомнѣнія московскихъ публицистовъ, и вслѣдъ за ними и другихъ, на счетъ пользы, которую могутъ извлечь наши хозяйства изъ поземельнаго кредита. Вы увидите, что мы доходимъ въ нашихъ разсужденіяхъ до того смѣлаго признанія, начинаемъ трогать ту крайнюю мысль, будто капиталы безсильны поддержать въ массѣ хозяйства. И не трудно понять почему: — потому просто, что цѣна на хлѣбъ не окупаетъ не только капиталовъ, но даже текущей наемной работы; а отсюда тотъ прямой выводъ, что съ выгодой можетъ вырабатывать хлѣбъ только самъ землепашецъ; работающій на самаго себя—крестьянинъ собственникъ.

Какую же роль должны играть послѣ этого въ нашихъ глазахъ обязательныя уплаты, а пуще наши притязанія на еще большія льготы? Въ то время, какъ ясные факты приводятъ насъ къ признанію непримѣнимости этихъ уплатъ къ поддержкѣ нашихъ хозяйствъ, къ сомнѣнію поддержать ихъ, какими угодно, уплатами, мы не имѣемъ достаточно бодрости, чтобы взглянуть сколько нибудь на самую цифру этихъ уплатъ и остаемся ими недовольны и требуемъ новыхъ льготъ во имя поддержки хозяйства, которую сами признаемъ за невозможную, и все это потому только, что освобожденіе крестьянъ служило намъ школьнымъ предлогомъ опрокинуть на него все, что угодно.

Все выходитъ, какъ видите, довольно странно въ нашихъ отношеніяхъ къ хозяйственнымъ дѣламъ, все походитъ болѣе на баловство, чѣмъ на систему и пониманіе.

Балуетъ г. Безобразовъ, школярничаютъ московскіе публицисты и петербургскій «Голосъ». Но объ этомъ школярствѣ когда нибудь въ другой разъ, а пока слѣдовало бы понять во всякомъ случаѣ вотъ что:

1) Что наша ликвидація не есть результатъ реформы.

2) Что реформа предложила намъ болѣе, чѣмъ мы были бы вправѣ требовать для предупрежденія этой ликвидаціи.

3) Что если уже говорить о выходѣ для государства изъ разстроеннаго экономическаго положенія въ отношеніи къ сельскому хозяйству, то для этого есть одинъ рычагъ—это положеніе крестьянъ собственниковъ, обязанныхъ работать только на себя.

№ 8. Спб. 26 марта.

Говоря о положеніи крестьянскаго вопроса, мы пришли къ тому заключенію, что въ этомъ вопросѣ можетъ быть положено основаніе новой системы хозяйственнаго развитія, болѣе соотвѣтствующей требованіямъ здравой государственной экономіи на томъ лишь условіи, чтобы крестьянинъ сталъ производителемъ, исключительно работающимъ на себя. Съ этой точки зрѣнія открывается цѣлая перспектива тѣхъ требованій, которыя должны быть выполнены для осуществленія такой системы хозяйства, опредѣляются сами собой тѣ препятствія, которыя мѣшаютъ или могутъ мѣшать осуществленію указанной цѣли. Мы указали между прочимъ на то вліяніе, которое имѣютъ въ этомъ случаѣ выкупные платежи; теперь мы хотимъ заняться подробнѣе этимъ вліяніемъ платежей. Говоря еще недавно о вліяніи этихъ платежей между прочимъ и на средства земскаго благоустройства, мы были поражены фактомъ, указаннымъ Ветлужскимъ уѣзднымъ собраніемъ: дѣйствительная средняя продажная цѣна за земли въ этомъ уѣздѣ, по увѣренію уѣзднаго собранія, оказывается 1 р. 65 коп. за десятину, между тѣмъ какъ крестьянинъ платитъ одной ренты 1 р. 50 к. или 32 р. за ту же десятину.

Начнемъ съ того, что припомнимъ еще разъ тѣ объясненія, которыми оправдываютъ такую несообразность. Обыкновенно говорятъ, что такое явленіе вызвано какъ средство поддержать землевладѣльческія хозяйства; но мы видѣли уже неоднократно, насколько есть правды въ такомъ объясненіи; насколько сами землевладѣльцы вѣрятъ въ возможность поддержать свои хозяйства этимъ путемъ. Обыкновенно говорятъ еще: эта земля, уступленная крестьянамъ, есть земля устроенная и обработанная и потому рента съ нея обыкновенно выше, чѣмъ съ прочихъ земель. Это объясненіе заставляетъ насъ вдаться въ краткія напоминанія о томъ, что такое рента и показать при этомъ, насколько можетъ быть признано основательнымъ подобное заявленіе.

Рентой въ собственномъ смыслѣ, можетъ быть названъ доходъ, причитающійся на долю природныхъ преимуществъ данной земли передъ другими обработанными. Рентой въ обыкновенномъ смыслѣ называется вышеозначенный доходъ, плюсъ тотъ доходъ, который причитается на долю преимуществъ, приданныхъ землѣ вложеннымъ на нее капиталомъ. Есть мнѣніе, которое относитъ всѣ преимущества одной земли передъ другою вложенному въ эту землю капиталу и ея обработкѣ. Но даже если мы не примемъ этого крайняго мнѣнія, то рента окажется въ нашихъ глазахъ доходомъ сложнымъ: изъ естественнаго дохода, и дохода искусственнаго. Первый доходъ мы можемъ, отправляясь отъ легальныхъ и историческихъ основаній, назвать доходомъ собственника земли. Второй доходъ естественно долженъ принадлежать только въ такомъ случаѣ собственнику земли, если онъ же ее и обработалъ и завелъ на ней надлежащее устройство; въ противномъ случаѣ доходъ этотъ, кажется, долженъ быть признанъ неотъемлемою принадлежностью того, кто обработалъ эту землю независимо отъ собственника. Спрашивается теперь, кто же обработалъ, устроилъ и удобрилъ земли крестьянскаго надѣла?.. Кажется въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Обработка и устройство этихъ земель принадлежитъ крестьянамъ. Поэтому, если западный фермеръ; являющійся со стороны и получающій отъ землевладѣльца, кромѣ земли, готовое хозяйственное устройство этой земли, имѣетъ какое либо основаніе удѣлять землевладѣльцу, подъ общимъ именемъ ренты, ренту въ собственномъ смыслѣ и доходъ съ капитала, до него вложеннаго въ землю, то это едва ли можетъ служить примѣромъ нашему крестьянину. Не нарушая ни въ чемъ ровно правъ собственности землевладѣльца на землю, онъ можетъ уплатить послѣднему только тотъ доходъ, который можетъ приносить эта земля въ сыромъ видѣ—вновь занятая подъ обработку. Но права собственности землевладѣльца не даютъ ему никакого права на ту доходность, которую земли пріобрѣли, благодаря вложенному въ нихъ труду и капиталу, ибо и то и другое было совершено крестьянами, которые въ теченіи полутораста лѣтъ удобрили эту землю. Черезъ это само собой отпадаетъ то оправданіе возвышенности крестьянскихъ платежей, которое опирается на обработанность крестьянскихъ земель.

Затѣмъ мы весьма легко можемъ себѣ составить понятіе о приблизительной величинѣ естественной ренты, которая можетъ пасть на крестьянскія земли въ странѣ, гдѣ существуетъ такое еще обиліе пустопорожнихъ земель, какъ у насъ,—гдѣ обработка однѣхъ земель

крестьянскаго надѣла достаточна для пропитанія государственнаго населенія. Мы придемъ къ ветлужскимъ цѣнамъ на землю, — къ рентѣ съ десятины въ какія нибудь пятнадцать двадцать копѣекъ; это мы говоримъ о рентѣ, на которую можетъ имѣть право земля, взятая въ своемъ сыромъ видѣ; да и трудно. кажется, придти къ чему другому, если, по извѣстіямъ изъ Екатеринославской и Черниговской губерніи, обработанная помѣщичья земля идетъ въ аренду по 1 р. 50 к. и 1 р. за десятину. И такъ, выкупные платежи не могутъ поправить хозяйствъ, они не выражаютъ ренты, не только естественной, но даже вообще дохода съ земли; они были установлены безъ всякаго отношенія къ этому доходу, примѣняясь къ существовавшимъ оброкамъ, которые выражали, кромѣ дохода съ земли, промысловые заработки крестьянъ. Они должны, стало быть, пасть на эти промысловые заработки. Остается разсуждать поэтому уже не о цѣлесообразности этихъ платежей, не объ ихъ юридической и хозяйственной правильности, а о степени состоятельности крестьянъ по такимъ уплатамъ въ виду настоящаго хозяйственнаго положенія. Уплаты эти, очевидно, разсчитываются не на доходъ отъ земли, а на посторонніе заработки. Такіе заработки не согласны вообще съ той цѣлью, къ которой должно стремиться настоящее крестьянское хозяйство. Но какъ мы сказали уже, этотъ вопросъ оставляется нами совершенно въ сторонѣ, и мы должны разсуждать только о состоятельности крестьянъ въ уплатѣ платежей, о возможности для нихъ найти себѣ требуемые заработки. Гдѣ же они найдутъ ихъ?

Прежде всего представляются земли помѣщичьи. Но, по единодушному отзыву самихъ помѣщиковъ, существующая цѣна на хлѣбъ не покрываетъ стоимости его обработки наемнымъ трудомъ. Цѣна на трудъ стоитъ низкая, а вмѣстѣ съ тѣмъ и при этой низкой цѣнѣ обработка помѣщичьихъ земель не окупается. Нашъ корреспондентъ изъ Новгородской губерніи приводилъ наемныя цѣны, поражающія своей ничтожностью, и между тѣмъ помѣщичьи хозяйства не могутъ держаться даже при этихъ цѣнахъ.

Помѣщичій хлѣбъ не можетъ конкурировать съ крестьянскимъ. Съ другой стороны крестьяне, нуждаясь собственно въ деньгахъ для уплаты значительныхъ денежныхъ сборовъ казенныхъ, земскихъ и землевладѣльческихъ, невольно должны продавать хлѣбъ даже въ ущербъ собственному продовольствію и сбивать черезъ это продажную цѣну на оный. Отъ этого одинаково проигрываютъ, очевидно, и помѣщикъ, и крестьянинъ. Да вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда вытекаетъ,

очевидно, еще то, что помѣщикъ долженъ сокращать поневолѣ свои запашки. А если послѣдній сокращаетъ свои запашки, то ясно, что крестьянинъ не найдетъ на помѣщичьихъ земляхъ нужныхъ денежныхъ заработковъ для уплаты повинностей и долженъ сбивать поневолѣ цѣну на хлѣбъ, для продажи его какъ можно болѣе.

Одинъ рессурсъ для заработковъ—помѣщичьи земли, устраняется, стало быть, самъ собой Остаются заработки промысловые и фабричные. Но вѣдь нельзя сказать, чтобы промысловой и фабричный заработокъ былъ чѣмъ то вполнѣ самостоятельнымъ и независимъ отъ землевладѣльческихъ доходовъ; нельзя сказать потому, что наша фабричная, мануфактурная и торговая системы не были разсчитаны на потребителей массы. Масса была столь бѣдна, что объ ней врядъ ли стоило упоминать, какъ о мануфактурныхъ потребителяхъ. Массу эксплоатировали всего два фабриканта: московскій хлопчатобумажный, да винные заводчики въ связи съ откупщиками; большая же часть торговли была разсчитана на классъ достаточный. Купцы и мануфактуристы богатѣли на счетъ сословій привиллегированныхъ: къ нимъ уходило чиновничье жалованье и крестьянскіе оброки, взимавшіеся землевладѣльцами. Поэтому сокращеніе землевладѣльческихъ доходовъ должно отозваться и на этой старой системѣ торговли и промышленности. Пока эта промышленность поддерживалась кое какъ выкупными свидѣтельствами, новыми долгами, внутренними и внѣшними, частными и казенными. Но торговый застой уже чувствуется и онъ не можетъ не давать себя чувствовать и впредь; торговля наша не можетъ не ощутить на себѣ той ликвидаціи, къ которой приходятъ землевладѣльческія операціи; и застой въ коммерческихъ дѣлахъ долженъ отозваться застоемъ въ заработкахъ. Одно вяжется неизбѣжно съ другимъ и чѣмъ дальше будетъ заходить впередъ и развиваться этотъ процессъ хозяйственной ликвидаціи, тѣмъ ощутительнѣе долженъ становиться и застой въ промышленныхъ заработкахъ крестьянъ. Какіе же ресурсы останутся у крестьянъ для покрытія землевладѣльческихъ уплатъ? Земля не покрываетъ этихъ уплатъ; она не можетъ ихъ вынести тѣмъ болѣе, что къ прежнимъ фискальнымъ налогамъ и повинностямъ присоединяются теперь земскіе. Разсчитывали на заработки; но заработки должны, какъ мы видимъ, также оказаться въ недочетѣ и слѣдовательно разсчитывать на нихъ также нечего. При такихъ условіяхъ долго раздумывать надъ результатомъ, кажется, нѣтъ причины: крестьянскіе платежи землевладѣльцамъ не доплатятся—вотъ весь исходъ. Сила вещей превозмогаетъ самыя искреннія наши желанія. Кре-

стьянское имущество имѣетъ въ виду пойти съ молотка; его купитъ сосѣдъ-кулакъ крестьянинъ и мы у порога разрушенія земледѣльческой общины. Защитники личнаго землевладѣнія могутъ радоваться. Но землевладѣльцы не соберутъ все-таки своихъ платежей, а крестьяне разорятся. Конечно землевладѣльцы, которые пойдутъ на выкупъ, могутъ поторопиться продать и истратить выкупныя свидѣтельства; но это вѣдь не измѣнитъ сущности дѣла. Конечно съ крестьянъ будетъ взято все, что можно прежде, чѣмъ дальнѣйшая уплата можетъ оказаться абсолютно невозможною; но кто же отъ этого выигрываетъ? Поддержатся ли черезъ это землевладѣльческія хозяйства; устоятъ ли отъ этого по старому коммерческія дѣла? Нѣтъ. Всѣмъ этимъ замедлится только процессъ ликвидаціи. Мы будемъ имѣть удовольствіе одинъ лишній день воображать себя людьми состоятельными на крѣпостную ногу. И этотъ лишній день запутаетъ крестьянское дѣло...

Нѣтъ, тотъ, кто сколько нибудь понимаетъ вещи, не увлечется подобными выгодами. Онъ пойметъ, что трудовыя руки нужны не на поддержаніе хозяйствъ, которыя сами сознаются, что не въ состояніи оплатить этихъ рукъ, не на выработку лишняго хлѣба, того хлѣба, который вырабатывается уже совершенно достаточно для страны; онѣ нужны не на поддержку фабричной индустріи, которая обогатитъ англійскаго или туземнаго заводчика и комерсанта, или снабдитъ прихотями людей достаточныхъ, ибо людямъ недостаточнымъ не начто пріобрѣтать этихъ прихотей; онъ пойметъ, что они нужнѣе и едва ли ни съ большимъ экономическимъ разсчетомъ, могутъ быть употреблены на то, чтобы обуть, одѣть, освѣтить и обстроить и цивилизовать самого крестьянина, который ходилъ безъ сапогъ, благодаря тому, что работалъ на англійскаго лорда, вырабатывалъ излишній хлѣбъ и тратилъ на это время, въ въ теченіи котораго могъ вырабатывать себѣ самому извѣстный достатокъ и комфортъ, извѣстную промышленную обстановку, которая улучшала и возвышала бы его собственную жизнь. Человѣкъ знающій, хотимъ мы сказать, пойметъ, что положеніе вещей требуетъ перемѣщенія самого центра тяжести культуры въ крестьянскую среду, и этимъ только закончится окончательно крѣпостной періодъ въ нашей системѣ народнаго хозяйства. Этимъ путемъ, создавъ въ крестьянскомъ быту промышленную обстановку, которой онъ былъ лишенъ до сихъ поръ совершенно, народъ подвинется къ образованію; цивилизація станетъ цивилизаціей народа. Этимъ только путемъ народное богатство станетъ на прочное основаніе.

*

Вотъ хозяйственная система, осуществленія которой требуетъ положеніе вещей.

Но для осуществленія крестьянинъ не нуждается ни въ посторонних заработкахъ, ни въ фабрикантѣ, ни въ фермерствѣ. Для этого ему нужна только земля и время, не загубленное именно этими посторонними заработками. Онъ можетъ осуществить ее, только работая на себя, внутри своего села, направляя свои совокупныя силы только на свои, и прямо на свои ближайшія земскія нужды. Тотъ только, кто подпишетъ свое имя подъ этими словами, будетъ вправѣ сказать, что онъ понялъ разницу между крѣпостной системой и некрѣпостной.

№ 9. Спб. 31 марта 1865 г.

Въ одной изъ предыдущихъ статей мы обѣщали показать читателямъ насколько, вопреки общепринятому мнѣнію, литература и общественное мнѣніе оказываются на повѣрку факторами, задерживающими развитіе, а не поощряющими его. Для того, чтобы читатель не понялъ ложно нашихъ словъ, для того, чтобы онъ не подумалъ, что дѣло идетъ о парадоксѣ, мы тутъ же укажемъ на тѣ условія, благодаря которыхъ наше объясненіе можетъ имѣть общее значеніе. Пока литература имѣетъ характеръ товара, она сплошь и рядомъ, какъ мы можемъ убѣждаться на самомъ дѣлѣ, изобилуетъ такими дѣятелями, для которыхъ литературное направленіе опредѣляется совершенно условіями спроса. Мы знаемъ далѣе отъ какого сорта людей зависитъ спросъ на литературу, въ какую сторону направлены вообще личные интересы такъ называемаго читателя. Этихъ двухъ условій совершенно достаточно для того, чтобы понять, отчего масса печатнаго слова, масса наиболѣе распространенныхъ книгъ и журналовъ въ тѣхъ мѣстахъ даже, гдѣ печать совершенно свободно, какъ въ Англіи, пропитана обскурантизмомъ и умышленнымъ искаженіемъ истины, ради уступки личнымъ прихотямъ, личнымъ выгодамъ достаточнаго читателя. Есть стало быть извѣстная сила житейскихъ условій, которая дѣлаетъ изъ литературы прислужницу выгоднаго для читателя обскурантизма и вызываетъ стачку, напримѣръ, между европейскимъ филистеромъ и его прессой. Филистеръ хочетъ имѣть литературу по своему вкусу и не покупаетъ другой, и тамъ, гдѣ общественное мнѣніе, что называется, установилось,—установленность его и выражается именно въ томъ, что оно способно единодушно обрушаться не только на автора, но и на типографщика или издателя, который напечаталъ его книгу.

Вслѣдствіе такихъ-то причинъ, та часть литературы, которая, не стѣсняясь вообще симпатіями рутины, смотритъ на себя какъ на силу дѣятельную, постоянно остается въ меньшинствѣ; ограничивается весьма тѣснымъ кругомъ читателей и по временамъ совершенно заглушается общимъ хоромъ наиболѣе распространенныхъ изданій, которыя вторятъ рутинѣ. Поэтому совершенно ошибаются тѣ, которые приписываютъ этой части литературы какое-либо быстрое и рѣшительное вліяніе. Общество очевидно заручено такимъ количествомъ консервативныхъ элементовъ, что оно на этотъ счетъ можетъ, кажется, быть совершенно спокойно.

Намъ остается только подтвердить сказанное примѣромъ нашей литературы, доказать, что высказанное правило справедливо и для нашей прессы, и мы можемъ также принять его къ практическому свѣдѣнію. Вопросъ нѣсколько усложняется тѣмъ, повидимому, запутаннымъ положеніемъ, въ которомъ находятся наши литературныя направленія наиболѣе распространенныхъ органовъ. Читатель, по прежней привычкѣ, продолжаетъ считать журнальный задоръ принадлежностью не представительной части прессы, мало имѣющей единомышленниковъ, и ловитъ въ этой части прессы всякое полемическое слово для того, чтобы поставить ей его въ упрекъ. Но, собственно говоря, роли измѣнились: такъ называемый задоръ давно украсилъ собою иныя сферы журналистики и между самыми представительными и наиболѣе распространенными органами русской мысли давно идетъ такой перекрестный огонь; разводятся такія полемическія красоты, до которыхъ далеко болѣе заподозрѣннымъ въ полемической страсти изданіямъ.

Приведемъ сейчасъ же доказательство для того, чтобы насъ не могли упрекнуть въ голословности.

Представительными образцами русской мысли мы считаемъ «Московскія Вѣдомости», московскій «День», петербургскій «Голосъ» и петербургскую «Вѣсть». Между этими литературными образцами, кромѣ конечно «Вѣсти», происходятъ и взаимныя несогласія. Органы эти питаются уже нѣсколько времени сряду мясомъ и кровью своихъ противниковъ, наполняя свои статьи полемикой другъ противъ друга. Что всего интереснѣе, это что споры эти не ограничиваются самою сущностью предметовъ, о которыхъ они идутъ, а обѣ стороны стараются нарисовать нравственный профиль своего противника, набросивъ тѣнь другъ на друга, не со стороны логической непослѣдовательности или незнанія дѣла, а со стороны тѣхъ именно, невидимыхъ

для публики путей, которые руководятъ творческими силами петербургскихъ и московскихъ публицистовъ. «Голосъ» началъ съ того, что упрекалъ «Московскія Вѣдомости» въ томъ, что онѣ напрасно надѣятся на какое-то покровительство, что имъ просуществовать недолго, если только другіе получатъ возможность говорить. «Голосъ», упоминая о другихъ, конечно не надѣялся на одни свои силы, ибо, кажется, онъ то имѣлъ полную возможность высказаться и изобразить свои силы.

Не знаю, приходило ли ему при этомъ на мысль, что и ему то существовать недолго на тѣхъ условіяхъ, которыя онъ предлагалъ «Московскимъ Вѣдомостямъ», если бы съ другой стороны существованіе ихъ обоихъ не было прочно обезпечено нравственнымъ уровнемъ читающей публики.

«Московскія Вѣдомости» объяснили, что намекающій на покровительство «Голосъ» есть самъ самолично офиціозный органъ, а «Петербургскія Вѣдомости» прибавили къ этому, что «Голосъ» органъ притомъ двуличный; такъ какъ онъ постоянно противорѣчитъ себѣ. «Голосъ» отвѣтилъ на это, что московскіе публицисты не имѣли никакого права называть «Голосъ» офиціознымъ, а скорѣй «Голосъ» имѣлъ право придать такой эпитетъ «Московскимъ Вѣдомостямъ» и т. д., а «Петербургскія Вѣдомости» упрекнулъ въ несочувствіи къ крестьянскому вопросу. Наконецъ, «Московскія Вѣдомости» взялись недавно опредѣлить ту нравственную точку, на которой стоитъ въ настоящую минуту московскій «День» вмѣстѣ съ петербургскими газетами, и дѣйствительно, эта характеристика вышла довольно отчетлива.

Всего больше московскій «День» по своему направленію сходствуетъ съ петербургскимъ «Голосомъ», писали «Московскія Вѣдомости». Едва ли есть какой-либо практическій вопросъ, гдѣ бы эти два органа не дѣйствовали заодно. При всемъ различіи въ фразеологіи, они родственны по духу и соединены несомнѣнно внутреннею симпатіей. Въ извѣстныя минуты обѣ эти газеты дѣйствуютъ будто по командѣ. Стоитъ припомнить, какъ во вторую половину 1863 г. эти обѣ газеты почти въ одинъ день, съ одинаковымъ жаромъ, доказывали несправедливость военнаго положенія въ краѣ, гдѣ свирѣпствовалъ мятежъ. Одинъ изъ самыхъ главныхъ вопросовъ въ нашемъ народномъ просвѣщеніи, послѣ многихъ превратностей вступилъ наконецъ въ послѣднюю и самую критическую фазу: газета «День», дотолѣ усердно молчавшая о различныхъ системахъ гимназіальнаго

образованія, вдругъ съ неменьшимъ усердіемъ заговорила объ этомъ предметѣ, и подлаживаясь подъ тонъ родственнаго ей петербургскаго органа, пожертвовала ему и своимъ славянофильскимъ символомъ вѣры и великимъ авторитетомъ этого кружка. — Зашла рѣчь о государственномъ единствѣ Россіи, вызванная явными дѣлами и тайными происками — «День» не замедлилъ встать подъ знамя «Голоса» и автора всѣмъ извѣстнаго памфлета: «Que fera-t-on de la Pologne». Наступила очередь травить русское дворянство—какое удивительное соревнованіе между славянофильскимъ «Днемъ», петербургскимъ «Голосомъ» и брюссельскою Independance belge»! Тождество поразительное. Если есть какая нибудь разница, то развѣ только въ степени усердія. «День», какъ извѣстно не только не отсталъ отъ своихъ конкурентовъ, но и перегналъ ихъ».

«При такихъ средствахъ и симпатіяхъ мудрено ли, что газета «День» оказываетъ соотвѣтственные успѣхи на поприщѣ добросовѣстности?»

Съ другой стороны тотъ же московскій «День» еще ранѣе казнилъ своихъ противниковъ столь же короткими и выразительными словами, заимствованными у самихъ редакторовъ «Московскихъ Вѣдомостей».

«Нынѣшнее время», написалъ онъ, очень бы нуждалось въ самостоятельныхъ органахъ, которые бы противились все болѣе и болѣе распространяющемуся у насъ въ литературѣ какому-то казарменному духу, которые не давали бы ей обратиться сплошь въ игру свободныхъ артистовъ на темы лишь самые казенные. Я бы назвалъ ихъ патріотами-шулерами, говоритъ про извѣстный сортъ людей авторъ сатиры «Физіономіи и силы», когда-то помѣщенной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» — я бы назвалъ ихъ патріотами-шулерами, продолжаетъ «День», но общество давно предупредило меня, давъ имъ названіе благонамѣренныхъ... Да, въ нынѣшней литературѣ дѣйствительно находятъ себѣ рукоплесканія такіе борцы, которые посовѣстились бы публично выказывать себя года два-три; не краснѣе выказываютъ себя на распашку такія тенденціи, которымъ было бы всего приличнѣе устыдиться самихъ себя и потупиться долу».

И такъ, передъ нами идетъ перекрестный огонь. Наши представительные органы упрекаютъ другъ друга въ недобросовѣстности. «Московскіе Вѣдомости» утверждаютъ, что противъ нихъ подымается въ настоящую минуту нѣчто вродѣ травли. Другая сторона утверждаетъ, что вотъ уже два года, какъ нѣчто вродѣ подобной травли

совершаютъ сами московскіе публицисты. «Московскіе Вѣдомости» кромѣ того своимъ лицемъ, какъ извѣстно, завѣряли, что онѣ органъ хотя и независимый, но доказавшій свою преданность, теперь упрекаютъ своихъ противниковъ «День» и «Голосъ» въ томъ, что они нападаютъ на имя офиціозныхъ побужденій на тѣ именно тенденціи, службой которымъ московскіе публицисты считали себя сильными.

Ясно, что въ самомъ представленіи «Московскихъ Вѣдомостей» существуетъ какая-то каша, что по ихъ понятіямъ существуетъ по одному и тому же предмету два благонамѣренныя рѣшенія другъ другу совершенно противуположныя; благонамѣренность отвѣчаетъ и да и нѣтъ, и ставитъ въ совершенное недоумѣніе посторонняго человѣка. Но читатель можетъ не смущаться такой кажущейся полемической путанницей, ибо мы тотчасъ же докажемъ ему, что тутъ нѣтъ въ сущности никакихъ разнорѣчій; напротивъ, все въ полномъ согласіи, все сводится какъ нельзя проще къ одному знаменателю. Мы возьмемъ за пробный камень этихъ разнорѣчій тотъ именно вопросъ, на которомъ для нихъ самихъ всего рѣзче должно было выразиться это разнорѣчіе—вопросъ крестьянскій. Мы увидимъ, что не въ обиду будь имъ сказано, подъ мнѣніями всѣхъ названныхъ противниковъ стоитъ одинъ и тотъ же знаменатель; а что причиной всей этой полемики была только та безтактность, распущенность и санфасонство, съ которыми «Московскіе Вѣдомости» защищали тоже самое дѣло, тѣ самыя тенденціи, которыя въ настоящее время взялись лучше обрабатывать другіе. Мы знаемъ, что для логиковъ извѣстнаго сорта наше преуспѣваніе въ гражданственности должно было зависѣть отъ возвращенія въ томъ или другомъ видѣ къ тѣмъ крѣпостнымъ общественнымъ условіямъ, которыя насъ уже разъ привели къ раззоренію. Пропаганду этой простой и остроумной мысли приняли на себя два года назадъ «Московскія Вѣдомости».

Но еще прежде, чѣмъ прямо приступить къ дѣлу, то есть, взяться за исправленіе въ этомъ смыслѣ крестьянскаго положенія, публицисты сознавали отчасти трудность задачи, которая имъ предстояла, расчитали повести дѣло осторожно и медленно.

Два года ровно они почти не упоминали объ исходѣ крестьянскаго дѣла, о тѣхъ вопросахъ, которые были всего ближе ихъ сердцу; два года сдерживали себя, налагая печать молчанія на уста относительно всего, что только могло навести сомнѣніе, что вотъ и они также, какъ простые смертные, могутъ разсуждать иногда, какъ люди, о пищѣ, теплѣ и выгодѣ, а все только толковали о томъ, какая у

другихъ пакость и грязь на мысляхъ и какой, напротивъ классической чистотой и безкорыстіемъ блещутъ они сами. Заручившись такими продолжительными завѣреніями въ идеальности своихъ тенденцій, они думали, что пришло, наконецъ, время пустить исподволь рѣшительное слово. Но тутъ мы не можемъ за ними признать уже ни малѣйшаго такта, ни осторожности; объясненіе явилось какъ потокъ, прорвавшій плотину, стоившую столько трудовъ и усилій, и бросилось прямо въ глаза.

Вся задача состояла въ томъ, чтобы сказать вотъ что. Мы взяли выкупное право; но этого намъ мало; намъ кромѣ того хотѣлось бы удержать за собою и руки; вы думаете, что это сдѣлать трудно — нѣтъ, это вовсе не трудно, стоитъ только обратить вниманіе на ту статью положенія, которая препятствуетъ обезземеленію крестьянъ, то есть, препятствуетъ экономической свободѣ крестьянъ. Какъ прикажете сказать это такъ, чтобы такая штука пахла античнымъ безкорыстіемъ? Публицисты вывели наружу прямо всю суть. Все дѣло до того плохо было ведено, что лица самыя преданныя московскимъ публицистамъ, поняли, что публицисты зашли уже слишкомъ далеко въ болото и тѣмъ скомпрометировали дѣло, которое можно было вести, не выходя за границы приличій, что оно само собой должно придти къ желанному концу и можно напутствовать его даже нѣкоторымъ либеральнымъ акомпаниментомъ; что для этого заложены уже всѣ нужныя основанія, которыя только слѣпой не увидитъ, что исправить его теперь есть только одно средство—это отдать живьемъ на жертву «Московскія Вѣдомости», отступиться отъ нихъ, открыть другой органъ. Конечно такой органъ нашелся и поторопился воспользоваться случаемъ для того, чтобы стать на плечо утопающему собрату. И вотъ весь корень разногласій и полемики. Конечно органъ этотъ увязъ въ той же тинѣ, какъ увидимъ; но всетаки онъ радъ былъ хотя на минуту вообразить, что она стоитъ сверху, а «Московскія Вѣдомости» остались у него подъ ногами. Мы еще увидимъ, насколько это справедливо, но всетаки «Московскія Вѣдомости» испортили свое дѣло. Пусть теперь толкуютъ они о своемъ безкорыстномъ патріотизмѣ, спорятъ съ Шедо Фероти; можно было видѣть, что всѣ до единаго, вся литературная мелочь, всѣ клопы публицистики влезутъ на нихъ и будутъ грызть до костей тѣми «харчами на чужихъ задворкахъ», которыми они захотѣли угостить въ будущемъ русскій народъ, и будутъ сваливать на нихъ по поводу этихъ харчей всю свою собственную грязь до тѣхъ поръ, пока имъ не докажутъ ясно какъ

день, что все разнорѣчіе ихъ съ московскими публицистами заключается только въ пустыхъ словахъ; что они сами не лучше, а ихъ взгляды суть тѣ же переодѣтые харчи московскихъ публицистовъ.

Намъ было жаль поэтому, что, ведя такъ терпѣливо дѣло, «Московскія Вѣдомости» такъ скоро его испортили; между тѣмъ какъ не испортить его и добиться своего было вовсе не трудно. Для этого стоило только вовсе не трогать Положенія, а напротивъ держаться строго тѣхъ разсужденій, которыми онѣ начинали, напримѣръ, статью 20-го января: «Недавно», писали онѣ, «опроверженіе «Сѣверной Почты» слуховъ о предстоящемъ будто бы во внутреннихъ губерніяхъ обязательномъ выкупѣ удостовѣряетъ еще разъ въ томъ несомнѣнномъ фактѣ, что законодательное дѣло по устройству крестьянъ въ существенныхъ чертахъ совершенно окончено. Русское общество должно, наконецъ, убѣдиться, что юридическія отношенія, созданныя положеніемъ 19 февраля, не могутъ подвергаться дальнѣйшему колебанію. Крестьянская реформа не имѣла бы того значенія, которое ей приписывается, если бы она не придала неприкосновенности принципу собственности, если бы она не укрѣпила колебавшихся правъ и не утвердила ихъ окончательно и безвозвратно». Вотъ это то начало имъ слѣдовало продолжать развивать, идя совершенно незамѣтно къ своей цѣли. Имъ слѣдовало сказать затѣмъ, что такъ какъ права собственности утверждены за крестьянами теперь уже непоколебимо и безвозвратно, то нечего уже опасаться, что крестьяне могутъ у насъ какъ нибудь остаться безъ земли и сдѣлаться батраками, что крестьяне стали теперь такими же собственниками, какъ и другіе, и слѣдовательно опасеніе, что они продадутъ эти земли и обезземелятся, совершенно неосновательно, ибо старые собственники всегда сохраняли право продавать свои земли по произволу и однако это право не привело ихъ къ обезземелью. Далѣе они могли доказывать, что при настоящемъ признаніи гражданской равноправности за всѣми сословіями, нѣтъ причины не идти до конца и отнимать у крестьянъ извѣстное право, которымъ пользуются другіе и такимъ то вотъ мирнымъ путемъ подбираться къ своей экономической свободѣ.

А тутъ на послѣдокъ можно было выставить и такой аргументъ, что де крестьянинъ по выкупу платитъ ренты по полтора рубля съ десятины круглымъ счетомъ, тогда какъ рядомъ эта земля отдается по вольному найму за 1 р. въ лучшихъ мѣстахъ, а въ другихъ пожалуй совершенно даромъ. Стало быть крестьянину какъ будто даже

выгоднѣе не покупать надѣла, а получить землю по вольной цѣнѣ. Поступивши такъ, дѣло бы осталось за ними.

А то въ одной статьѣ московскіе публицисты сказали, что права, утвержденныя положеніемъ 19 февраля непоколебимы, въ другой прямо начали объяснять, что для того, чтобы облагодѣтельствовать крестьянъ, нужно поколебать ихъ права, утвержденныя положеніями.

Начавъ съ признанія, что крѣпостное право было зло и потому уничтоженіе его было величайшимъ событіемъ русской исторіи, новой эрой и пр., они тутъ же сочли уже себя въ правѣ прибавить нѣкоторое *но*. Но если смотрѣть на дѣло, сказали мы, съ экономической точки зрѣнія, то ожиданія, которыми сопровождалась крестьянская реформа, оказываются далеко не основательными, и пошли развивать экономическую точку зрѣнія, которая привела ихъ къ «*чужимъ харчамъ въ чужой лакейской*», думая, что все уже сдѣлали, сказавъ, что реформа великая страница въ исторіи, и что можно начать объѣзжать эту страницу, какъ вздумается. Какъ удаченъ и милъ выходилъ у нихъ споръ съ публицистомъ Фероти, какъ убѣдительны статьи противъ реальныхъ гимназій!—Какъ хороши они были, говоря о казенныхъ объявленіяхъ, о бюджетѣ своей газеты, о письмахъ, которыя получали, обѣдахъ и даже въ эротическихъ корреспонденціяхъ о банкахъ; какъ тамъ они намъ нравились—и все это пошло прахомъ на экономической почвѣ!—Во всемъ прошломъ чувствовался у нихъ такой искренній жаръ; не одинъ читатель не могъ ихъ читать безъ графина воды,—и все охладила и выдала экономическая почва. Да, эта почва не свой братъ!

Впрочемъ во всякомъ случаѣ «Московскія Вѣдомости» могли утѣшаться тѣмъ, что если они сами оказались плохи, то зато необыкновенно хорошъ вышелъ въ томъ же вопросѣ и «Голосъ». Эта газета хранила еще болѣе упорное молчаніе по крестьянскому дѣлу въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ: мы думали по этому поводу, что какъ планъ дѣйствія, такъ и взглядъ на вещи у этой газеты совершенно тожественны съ московскими публицистами, что у нее не достаетъ только ни того дара слова, ни той смѣлости, какъ у московскихъ публицистовъ, что она составляетъ петербургское подражаніе московскому оригиналу или, по крайней мѣрѣ, прикормышу «Московскихъ Вѣдомостей» газетѣ «Вѣсть». И признаться послѣднія препиранія «Голоса» съ «Московскими Вѣдомостями» не только не разувѣряли насъ въ этомъ предположеніи, а еще болѣе подтвердили наши догадки. Во-первыхъ, какъ мы замѣтили касательно крестьянскаго

дѣла, «Голосъ» былъ молчаливъ какъ рыба въ теченіи послѣдняго двухлѣтія; во-вторыхъ онъ заговорилъ не ранѣе, чѣмъ подали ему примѣръ «Московскія Вѣдомости». Въ-третьихъ на первыхъ же строкахъ своего либеральнаго протеста противъ статьи московскихъ публицистовъ онъ прибѣгнулъ къ пріему, который всегда бываетъ крайне подозрителенъ.

Редакторы «Московскихъ Вѣдомостей», написалъ «Голосъ» сдѣлали между прочимъ два упрека: одинъ извѣстной петербургской еженедѣльной газетѣ за намекъ ея на союзъ «Московскихъ Вѣдомостей» съ разрушительными доктринами, а другой «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ».

По нашему мнѣнію возникшее разногласіе не имѣетъ серьезнаго основанія, потому что всѣ эти три газеты въ главныхъ чертахъ своихъ совершенно согласны между собою. Ну а самъ «Голосъ» конечно не согласенъ съ «Московскими Вѣдомостями»; затѣмъ шла статья, упрекавшая главнымъ образомъ «Московскія Вѣдомости» въ томъ, что онѣ проповѣдуютъ экономическія теоріи, принадлежащія Бланку и Безобразову. Не безъизвѣстно, что бланковская теорія имѣетъ весьма разнообразныя формы; одна изъ этихъ формъ развивалась «Московскими Вѣдомостями» безъ устали, — что же вздумалось «Голосу» обратить только теперь вниманіе на эту теорію и указать, что она бланковская?

Очевидно, что «Голосъ» очень обрадовался такому формулированію бланковской теоріи «Московскими Вѣдомостями», которое позволило бы протестовать противъ нея, оставаясь самому въ существѣ совершеннѣйшимъ Бланкомъ, воспользоваться промахомъ оригинала. До сихъ поръ «Голосъ» не препирался вовсе съ «Московскими Вѣдомостями», потому что какъ бы то ни было, а считалъ ихъ за силу. Теперь, разсудилъ «Голосъ», удобный случай лягнуть «Московскія Вѣдомости», которыя посылали «Голосу» во время оно своего прикормыша для написанія объявленія объ изданіи газеты, прикормыша, происходившаго по прямой линіи отъ племени Бланкова; кто же увѣрилъ «Голосъ» послѣ этого, что онъ можетъ въ чемъ нибудь расходиться съ Бланкомъ? Онъ съ ногъ до головы Бланкъ, какъ бы онъ ни отрекался отъ этого родства, какъ бы ни протестовалъ онъ все-таки останется Бланкомъ; только на немъ предполагалось исправить болѣе искусной, посторонней рукой дѣло, попорченное «Московскими Вѣдомостями». Посмотримъ же немного, какъ оно было исправлено.

«Въ чемъ же состоитъ это водвореніе экономической свободы?» спрашиваетъ «Голосъ», споря съ «Московскими Вѣдомостями» и находитъ, что за разрѣшеніе этого вопроса «Московскія Вѣдомости» принимаются съ крайней осторожностью. По мнѣнію «Московскихъ Вѣдомостей» препятствія эти заключаются въ той мѣрѣ правительства, посредствомъ которой оно желало обезпечить судьбы крестьянъ надѣломъ земли. Хорошему хозяину нѣтъ простора въ крестьянскомъ быту; онъ не можетъ богатѣть, оставаясь крестьяниномъ и потомъ говоритъ: «развѣ лучше жить хозяиномъ въ развалившейся избѣ и по полугоду не имѣть хлѣба, нежели быть работникомъ и жить хотя въ чужой, но сухой и теплой избѣ на сытыхъ хозяйскихъ харчахъ, пользуясь всѣми выгодами большого спроса на трудъ».—«Нѣтъ, по нашему мнѣнію, восклицаетъ «Голосъ», лучше оставатся въ собственной избѣ, какъ бы она плоха ни была, и вмѣсто того, чтобы прилагать трудъ для поддержанія и улучшенія чужой избы, выгоднѣе употребить его на исправленіе своей собственной, когда настанутъ выгоды большаго спроса на трудъ».

Вотъ разнорѣчіе, для котораго «Голосъ» написалъ всю свою протестацію противъ «Московскихъ Вѣдомостей». Воля ваша, мы ищемъ тутъ разнорѣчія и не находимъ. Да, какъ хотите, а не находимъ.

Смыслъ всей тирады кажется тотъ, что вся перспектива для крестьянъ должна заключаться въ выгодахъ большого спроса на трудъ, а пока крестьяне должны жить въ плохихъ холодныхъ избахъ и выжидать этого спроса. Такъ ли? Что же говорятъ «Московскія Вѣдомости»? Онѣ говорятъ тоже: «не лучше ли для крестьянина пользоваться выгодами большого спроса на трудъ»,—въ этомъ что ли разногласіе? — Вотъ стало быть, одна половина тирады и сошлась съ «Московскими Вѣдомостями» какъ нельзя лучше. «Голосъ» и «Московскія Вѣдомости» сулятъ крестьянамъ одно—это выгоды большаго спроса на трудъ. Посмотримъ, ни сойдется ли также и другая. «Голосъ» очевидно хочетъ, чтобы крестьянинъ трудился и притомъ шелъ на заработки на чужія земли, то есть, совершенно также какъ и «Московскія Вѣдомости»; а если онъ хочетъ, чтобы крестьянинъ шелъ на заработки, то, стало быть, разсуждаете вы, онъ хочетъ неизбѣжно, чтобы крестьянинъ и ѣлъ чужіе харчи и спалъ невольно въ чужой избѣ и т. д. ибо, чевидно, нельзя идти въ заработки изъ Орла въ Херсонъ съ своими харчами и носить при этомъ за собой свою развалившуюся избу.

Но это вы такъ разсуждаете, а «Голосъ» разсуждаетъ лучше: онъ хочетъ гонять мужика по чужимъ полямъ и работамъ, то есть, заставить его батрачествовать точно также, какъ и «Московскія Вѣдомости»; но послѣднія даютъ позволеніе мужику укрываться и кормиться при этомъ въ чужой избѣ. «Голосъ» хочетъ сгонять его съ чужого двора для каждаго ночлега въ его собственную избу за десятки и сотни верстъ и посадить его еще притомъ на свои собственные харчи—вотъ и все различіе.

Такимъ образомъ, все различіе между разсужденіями «Московскихъ Вѣдомостей» и «Голоса» оказывается лишь въ томъ, что первыя понимаютъ, какое различіе существуетъ между батракомъ и хозяиномъ, и предлагаютъ просто батрачество; у первыхъ оказывается какой-либо смыслъ, тогда какъ въ либерализмѣ «Голоса» выходитъ какая-то первоклассная ерунда. Своя собственная изба, и притомъ скверная, ставится рядомъ съ работой на чужой сторонѣ; крестьянинъ оказывается въ тоже время и батракомъ и хозяиномъ; живетъ разомъ и какъ лакей и какъ баринъ; удовлетворяетъ въ тоже время всѣ стороны: и ту, которая хочетъ, чтобы онъ былъ батракомъ и которая хочетъ противнаго. Чего же лучше всѣ остаются довольны: съ одной стороны нашъ спросъ на трудъ обезпеченъ, ибо у крестьянина гнилая изба, съ другой никто не въ правѣ сказать намъ, что у насъ крестьяне батрачествуютъ, ибо за ними при этомъ остается гдѣ-то нѣсколько гнилыхъ бревенъ, что для насъ несравненно лучше въ другомъ еще отношеніи, ибо прогнать батрака все-таки какъ-то совѣсть претитъ, а прогнать батрака сочиненнаго «Голосомъ» ничто не претитъ. «Московскія Вѣдомости», сочинивъ батрака и крестятъ его по имени. «Голосъ» очевидно хотѣлъ сочинить батрака, который могъ бы идти за хозяина и думаетъ—дай себѣ пройдусь поэтому на счетъ Бланка. «Голосу» и тѣмъ, чье мнѣніе онъ въ этомъ случаѣ представляетъ, очевидно нужна мѣрка, которая бы учила ихъ видѣть настоящія разстоянія между понятіями. Сегодня они, въ нашихъ глазахъ, смѣшали батрака съ бариномъ, вчера артель съ подрядчикомъ, завтра смѣшаютъ свѣтъ съ грязью.

И, если не ошибаемся, то въ этомъ едва ли ни должна была заключаться вся поправка ошибки, сдѣланной «Московскими Вѣдомостями». Такой тактикой можно въ концѣ изолгать всѣ понятія, не оставивъ не одному выраженію своего настоящаго и честнаго смысла; можно назвать крѣпостного оборвыша зажиточнымъ собственникомъ, казарму — академіей реальныхъ знаній и пр. Мы все думали, что это

нѣкоторые почтенные люди начинаютъ выметывать на своихъ страницахъ такія неформенныя выраженія, которымъ бы и появляться у нихъ, какъ будто, вовсе незачѣмъ? А дѣло просто, они разсудили такъ: есть вещи, которыя пользуются уваженіемъ честныхъ людей; многимъ же онѣ не нравятся и они бранятъ ихъ съ плеча. Этимъ дѣло однако не выигрывается; намъ эти вещи также не нравятся; но мы поступимъ иначе,—мы будемъ ихъ хвалить, за нихъ заступаться— это будетъ отнынѣ наша тактика; но вы не бойтесь, защитить ихъ мы не защитимъ—ужъ это ясно, а только подтасуемъ имъ желанное содержаніе.

Видятъ ли теперь «Московскія Вѣдомости», какъ можно было выигрывать проще и лучше то же дѣло, которое лежало у нихъ на сердцѣ. Но видятъ ли также читатели, какое это дѣло? которое взялась выигрывать литература и можетъ ли какой законъ считать себя достаточно прогрессивнымъ въ видахъ такой литературы?

Все это не показываетъ ли напротивъ, что законъ, съ которымъ имѣла тутъ дѣло литература, былъ слишкомъ скупъ для того, чтобы перевести центръ тяжести нашей литературы и народнаго хозяйства въ ту сторону, въ которую требовалось.

№ 10. Спб. 9 апрѣля.

Недавно мы говорили о томъ, что помѣщичьи запашки должны уменьшиться. Обстоятельству этому приписываютъ вообще весьма важныя послѣдствія: говорятъ черезъ это самое производство земледѣльческаго продукта должно уменьшиться, а всѣ убѣждены, что въ земледѣліи богатство Россіи. И такъ, Россія будетъ менѣе сбывать за границу сырья и за привозимые товары доплачивать все болѣе звонкой монетой; мало того—самый привозъ иностранныхъ товаровъ, въ числѣ которыхъ фигурируютъ передовыми статьями виноградное вино, шелковыя матеріи, долженъ будетъ сократиться, такъ какъ продукты эти потреблялись исключительно достаточными классами, а достаточные классы, вслѣдствіе сокращенія ихъ доходовъ, не будутъ имѣть тѣхъ средствъ на покупку предметовъ иностраннаго ввоза, какія имѣли прежде. Черезъ это, наконецъ, должна потерять и казна, такъ какъ отъ сокращенія количества ввозимыхъ товаровъ сократится и количество пошлинъ. Всѣ эти соображенія какъ нельзя болѣе послѣдовательны, пока они держатся въ извѣстныхъ предѣлахъ, т. е., касаются достатка или выгоды нашихъ прежнихъ хлѣбныхъ производителей. Но не всегда все то, что можетъ быть выгодно или невыгодно для крупныхъ землевладѣльцевъ, представляетъ одни и тѣже послѣд-

ствія для общества во всей его совокупности. Точно также и уменьшеніе ввоза такихъ товаровъ, какъ фрукты, шелковыя матеріи, виноградное вино и т. д. не можетъ быть не сопряжено съ нѣкоторой непріятностью и стѣсненіемъ для тѣхъ, кто привыкъ пользоваться этими продуктами. Но эти невыгоды не заслуживаютъ особаго вниманія.

Съ этой стороны обмѣнъ, на сокращеніе котораго приносятся жалобы, какъ мы имѣли случай говорить, уже не можетъ назваться вообще выгоднымъ въ государственномъ смыслѣ. Торговыя спекуляціи, основанныя на производствѣ и вывозѣ сельскаго продукта на сторону, основаны вмѣстѣ съ тѣмъ на истощеніи почвы и слѣдовательно на затратѣ впередъ производительныхъ силъ страны. А потому-то сокращеніе помѣщичьихъ запашекъ или, что тоже, сокращеніе денежныхъ средствъ помѣщиковъ или, что еще тоже, сокращеніе вывоза за границу хлѣба и звонкой монеты и ввоза шелка и фруктовъ не можетъ еще назваться потерей для государства, а едва ли ни представитъ нѣкоторыя выгоды. Во-первыхъ, количество хлѣба, сбираемое съ земель, будетъ менѣе и потому въ затратѣ плодородныхъ свойствъ земли будетъ нѣкоторая пріостановка, нѣкоторое сокращеніе; во-вторыхъ, чѣмъ менѣе будетъ свободнаго хлѣба, тѣмъ менѣе его пойдетъ и внутри имперіи на такія производства, какъ винное, тѣмъ дороже должна стать водка и тѣмъ меньше ея потребленіе; въ третьихъ, крестьянинъ, имѣя въ запасѣ свободное время, въ состояніи будетъ употребить его на промыслы, а это вѣдь и есть та истинная цѣль, отъ достиженія которой зависитъ все наше будущее хозяйственное благополучіе, весь исходъ нашъ изъ настоящаго хозяйственнаго кризиса. Оставляя поэтому въ сторонѣ вопросъ о сокращеніи запашекъ, мы должны заняться вопросомъ объ устройствѣ крестьянскихъ промысловъ и вопросъ этотъ, по нашему мнѣнію, столь важенъ, что мы должны будемъ обращаться къ нему не разъ. Важенъ же этотъ вопросъ потому, что если бы онъ могъ привести къ дѣйствительному развитію въ крестьянскомъ быту мануфактурной и промышленной обстановки, то черезъ это самое указываемый кризисъ въ земледѣльческихъ хозяйствахъ могъ бы обратиться всецѣло въ пользу страны.

Мы говоримъ здѣсь не о той промышленности и мануфактурахъ, которыя позволяли бы крестьянину выдѣлывать ліонскіе бархаты или саксонскій фарфоръ. Все это дешевле можетъ быть въ самомъ дѣлѣ выписываемо изъ за границы; наконецъ на такую промышленность не сыщется спроса на томъ же самомъ основаніи, на которомъ, какъ

разсчитываютъ, долженъ сократиться вообще спросъ на иностранные товары. Мы разумѣемъ такую мануфактурную промышленность, которой не замѣнитъ заграничный ввозъ и которая одѣвала, обувала, освѣщала и помѣщала бы самаго крестьянина нѣсколько лучше, чѣмъ это происходитъ теперь. Мы разумѣемъ, словомъ, промышленность, которая соотвѣтствовала бы уровню потребностей массы и не требовала бы ни слишкомъ крупныхъ капиталовъ, ни слишкомъ обширныхъ и сложныхъ операцій, а могла бы производиться каждой мѣстностью для себя и черезъ обработку тѣхъ сырыхъ продуктовъ, которые представляетъ само мѣстное земледѣліе. Крестьянинъ нашъ, высылая, напримѣръ, ежегодно за границу столько то кожъ, получаетъ взамѣнъ разноцвѣтные бумажные ситцы московскаго издѣлія изъ американскаго хлопка. Отюда выходитъ довольно странная вещь, что, имѣя разноцвѣтные платки и ситцы, онъ отказываетъ себѣ въ такой необходимой вещи, какъ сапоги. Не лучше ли было бы, спрашивается, наоборотъ, если бы онъ отказалъ себѣ въ бумажныхъ платкахъ, но зато вволю былъ снабженъ сапогами? Точно также онъ отправляетъ за границу столько то сала, столько то льна, пеньки и шерсти; но онъ не имѣетъ ни сносной телѣги, не имѣетъ сноснаго освѣщенія; о помѣщеніи и говорить нечего, а имѣетъ въ избыткѣ водку. Опять ни лучше ли было бы имѣть меньше водки и имѣть лучшія орудія для хозяйствъ, имѣть хоть сальныя свѣчи и сукно? Всѣхъ этихъ первыхъ и нужнѣйшихъ удобствъ мануфактурныхъ онъ теперь не имѣетъ, хотя имѣетъ весь сырой матерьялъ, изъ котораго приготовляются эти удобства. Не имѣетъ онъ этихъ удобствъ потому, говорится, что они обходятся слишкомъ дорого. Странное дѣло, когда нужный для производства вещи матерьялъ можетъ быть полученъ не иначе какъ изъ далекихъ рукъ, то можно понять, что такая вещь можетъ составлять предметъ дороговизны: но когда нужный для производства этихъ вещей матерьялъ находится въ нашихъ рукахъ и отъ насъ зависитъ произвести его, а вещи оказываются дорогими только потому, что матерьялъ этотъ увозится отъ насъ за границу, откуда взамѣнъ намъ отплатятъ цвѣтными тряпками, то такая дороговизна указываетъ уже, какъ будто, на наше собственное неумѣнье пользоваться тѣми производительными средствами, которыя у насъ есть подъ рукой, на нашу собственную хозяйственную простоту.

Вѣдь въ сущности и тѣ, которые оправдываютъ такой порядокъ считаютъ дальнѣйшей цѣлью то, чтобы крестьянинъ могъ имѣть и сапоги, и свѣчи, и все прочее; только неизвѣстно, почему имъ ка-

жется, что все это дешевле и прямымъ путемъ придетъ къ крестьянину тогда, когда онъ продастъ, напримѣръ, свое сало за сотню или тысячу верстъ, а не тутъ же произведетъ все это на мѣстѣ, у себя дома, внутри своего села или общества. Понятно, что такой способъ разсужденія страдаетъ нѣкоторой экономической наивностью, а самый способъ развитія промышленности этимъ путемъ совершенной фальшью и неестественностью.

Для того, чтобы промышленность избрала такой сложный и неестественный путь, оставляя въ сторонѣ болѣе дешевый, который мы указываемъ, вѣроятно должны были существовать какія либо особыя причины. За этими причинами ходить далеко нечего. Всѣ онѣ заключались въ томъ, что крестьянинъ принужденъ былъ производить вовсе не то, что ему было нужно, а то, что заставлялъ его производить землевладѣлецъ на основаніи крѣпостного права. Въ такомъ же положеніи находится и всякій батракъ или работникъ, отправляющійся въ заработки: онъ вырабатываетъ не то, что ему самому нужно, а то, что его заставляетъ вырабатывать хозяинъ. Если само сельское общество производитъ, напримѣръ, для себя водку, то оно произведетъ именно столько водки, сколько ему нужно для своего потребленія, а не столько, чтобы это потребленіе перешло въ пьянство и будетъ имѣть при томъ не разбавленную водку. Напротивъ, посторонній производитель будетъ стараться только о возможности сбыть наибольшее количество водки и сбыть ее наиболѣе дешевле только на счетъ ея качества, ибо, собственно говоря, сбыть ее дешевле, чѣмъ она ему самому стоитъ, онъ не можетъ, а производство постороннему производителю, работающему наймомъ, во всякомъ случаѣ должно обойтись дороже, чѣмъ производителю, работающему на себя. Онъ долженъ неизбѣжно заплатить рабочему за время, которое тотъ потратитъ, чтобы придти на мѣсто заработка; долженъ подумать о томъ, чтобы имѣть рабочихъ во время — словомъ, подчиниться излишнимъ и совершенно непроизводительнымъ тратамъ, которыя сами собой устраняются, когда работа совершается на мѣстѣ и общество работаетъ на себя. Это признали и поняли очень хорошо наши землевладѣльцы теперь, относительно невозможности для нихъ бороться съ крестьяниномъ въ земледѣльческой промышленности. Есть по этому поводъ думать, что и остальные промышленники должны будутъ придти неминуемо къ тому же сознанію, если только для крестьянина станетъ на столько же, по крайней мѣрѣ возможна промышленность, на сколько возможно для него хлѣбопашество. Поэтому-то мы

и должны обсудить теперь, какія есть существенныя затрудненія, препятствующія нашему крестьянину производить мѣстную обработку продуктовъ, сообразно его первымъ потребностямъ и удобствамъ.

Можно положительнымъ разсчетомъ доказать, что существующая рабочая земледѣльческая сила можетъ обработать почти вдвое большее пространство земель, чѣмъ она обрабатывала при крѣпостномъ правѣ, а теперь помѣщичьи запашки, какъ говорятъ, должны еще уменьшиться. Кромѣ того у земледѣльческаго крестьянина остаются свободными зимніе мѣсяцы; и такъ, за временемъ промышленнаго труда, кажется, не можетъ стоять дѣло.

Далѣе самая техника тѣхъ производствъ, о которыхъ идетъ рѣчь, какъ напримѣръ: свѣчного, кожевеннаго, сапожнаго, кирпичнаго, ткацкаго не слишкомъ сложна и вполнѣ усвоена крестьянами различныхъ мѣстностей. Въ отдѣльности, стало быть, и съ этой стороны дѣло не представляетъ затрудненія; наконецъ весь матерьялъ, нужный на производство всѣхъ означенныхъ удобствъ, составляетъ почти всюду предметъ мѣстнаго производства, а не добывается изъ за моря. Спрашивается—почему же обработка сырыхъ продуктовъ не могла бы составить предметъ мѣстной промышленности насколько это нужно для собственнаго потребленія?

Весь отвѣтъ въ томъ, что одно крестьянское тягло или хозяйство не можетъ само по себѣ удовлетворить всѣмъ означеннымъ требованіямъ, а всякое тягло тянетъ врозь отъ другого, ищетъ обогащенія на счетъ другого.

Весь отвѣтъ, стало быть, въ томъ, что если бы крестьянскія общества составляли сколько нибудь связанныя внутри хозяйственныя единицы, то дѣло, которое не подъ силу отдѣльному хозяйству, могло бы быть выполнено рядомъ хозяйствъ. Вѣдь есть же и теперь села, занимающіяся извѣстными промыслами, и усвоившія ихъ въ довольно совершенной степени; въ этихъ селахъ существуетъ даже первая степень къ коллективному фабричному труду—раздѣленіе труда; что же мѣшаетъ крестьянскимъ обществамъ развиваться далѣе въ томъ же смыслѣ? Вѣдь для того, наконецъ, законъ и далъ мѣсто понятію «крестьянское общество», чтобы эта коллективная форма быта удовлетворяла чему нибудь и удовлетворяла въ тѣхъ случахъ, когда она нужна; иначе законъ никогда и не говорилъ бы о сельскихъ обществахъ, а говорилъ бы прямо о лицахъ, о Петрѣ, Иванѣ и пр. .

Почему же вмѣсто того чтобы пользоваться всѣми удобствами, не двигаясь съ мѣста, крестьянскія семьи предпочитаютъ усылать ра-

ботниковъ въ кочевые заработки и получать за то деньги, которыя всетаки не дають тѣхъ удобствъ и той обезпеченности, которыя могло бы дать хозяйственное устройство промышленнаго дѣла внутри самихъ обществъ?

На это есть два рода причинъ: однѣ, повидимому, падаютъ на самого крестьянина, другія отъ него не зависятъ. Главное дѣло, говорится тутъ, въ томъ, что, несмотря на внѣшній признакъ иной формы, всякое тягло, даже въ великороссійскихъ селахъ, тянетъ врозь.

Крестьяне, говорятъ, не понимаютъ тѣхъ выгодъ, которыя они могли бы извлечь изъ взаимной помощи въ промышленномъ отношеніи. Но прежде, чѣмъ прямо признавать справедливость обвиненія, не лишнее поискать, нѣтъ ли причинъ, мѣшающихъ крестьянину надоумиться на нововведеніе, и заставляющихъ тягла тянуть врозь?

Во-первыхъ, если мы возьмемъ тягла въ ихъ валовомъ составѣ, то въ рукахъ и времени не окажется недостатка у крестьянъ; но если мы возьмемъ лишь то время въ разсчетъ, которымъ крестьянское хозяйство можетъ располагать въ свою пользу, которое оно, слѣдовательно, за выдѣлкой хлѣба, могло бы употребить на выдѣлку кожъ и т. д., то времени этого окажется немного. Кромѣ того, чтобы произвести хлѣбъ для своего продовольствія, крестьянинъ долженъ отправить натуральную повинность въ казну, которая стоитъ не мало, да отправить еще денежный оброкъ помѣщику и денежную повинность въ казну. Натуральная повинность тяжела, но средства ея въ рукахъ крестьянина—это его трудъ, его рабочая сила. Относительно же денежной повинности вопросъ усложняется; здѣсь онъ не можетъ придти и сказать; вотъ мой трудъ — получите. Относительно натуральной повинности общество можетъ согласиться между собой и общими силами отправить ее съ нѣкоторымъ облегченіемъ. Относительно денегъ—другое дѣло; тутъ каждый добывай деньги за себя и добывай ихъ врозь. И денегъ добыть уже нѣтъ другого средства, какъ разославъ половину работниковъ въ заработки за сотни и тысячи верстъ, или продавая тотъ сырой матерьялъ, который могъ бы идти на обработку для собственнаго употребленія, скупщику, который продастъ его, Богъ вѣсть, куда; скупить же пріѣдетъ въ самую минуту уплаты податей за безцѣнокъ. Такимъ образомъ иному крестьянину можетъ быть удастся пріобрѣсти и болѣе денегъ, чѣмъ сколько нужно для уплаты оброковъ и повинностей и затѣмъ имѣть въ теченіи года извѣстный остатокъ для собственнаго употребленія.

Но на такой остатокъ онъ уже не пріобрѣтетъ того, что собственно нужно для удобства жизни и что онъ могъ бы имѣть; ибо сырой продуктъ, какой былъ въ качествѣ лишняго проданъ на сторону и ушелъ для полученія денегъ на уплату оброковъ и т. д. да и промысловъ для выдѣлки продуктовъ крестьянскаго комфорта не заведено; стало быть на лишнія деньги остается удовлетворить себя тѣмъ, что предлагается, а предлагается водка, да кумачныя юбки. Такимъ образомъ лишнія деньги идутъ цаловальнику и московскому фабриканту, который часть ихъ отсылаетъ за границу, въ благодарность за то вѣроятно, что Европа сдѣлала милость взяла сырые продукты, въ которыхъ лишила русскаго крестьянина первыхъ условій комфорта. При такихъ условіяхъ нечего, кажется и думать о сочетаніи труда для промышленнаго производства; можно только думать объ общемъ добываніи лишней копѣйки при посредствѣ заработковъ, то есть, о рабочихъ артеляхъ.

Эти то артели мы и увидимъ на дѣлѣ и присутствіе ихъ насъ еще болѣе убѣждаетъ, что если тягла тянуть врозь, то это не за недостаткомъ пониманія той пользы, которая могла бы выйти изъ взаимной помощи; не за недостаткомъ хозяйственной сообразительности, а вслѣдствіе нарушенія свободнаго развитія денежными уплатами, которыя падаютъ на крестьянина.

И такъ, бичъ крестьянина—это деньги. Свое довольство онъ могъ бы устроить безъ денегъ. Изъ того, что онъ потребляетъ, значительная часть и безъ того достается ему безъ денежныхъ знаковъ. Онъ покупаетъ соль; говядины почти не ѣстъ; но онъ могъ бы имѣть ее и безъ помощи гуртовщиковъ. Онъ самъ ткетъ теперь свою рабочую одежду, и потому, въ этомъ отношеніи, стоитъ на дорогѣ правильнаго экономическаго хозяйства. Кожу и земледѣльческія орудія онъ покупаетъ; но также нельзя сказать, чтобы онъ не могъ самъ приготовлять того и другого. Точно также нельзя сказать, чтобы сельскія общества не могли устроить своихъ кирпичныхъ заводовъ, имѣть своихъ печниковъ и строить дома, не прибѣгая къ найму, а собственными экономическими средствами. Точно также нельзя сказать, чтобы они не могли топить сало и выдѣлывать кожъ. Нельзя сказать, чтобы они были неспособны развить у себя дома и дальнѣйшую мануфактурную и фабричную промышленность и нельзя сказать — вотъ почему. Потому что въ то же время мы считаемъ крестьянъ способными выполнять вещи несравненно болѣе сложныя и трудныя. Вѣдь хотятъ же учить крестьянъ учреждать взаимное стра-

хованіе, школы, больницы, суды и управленіе, заставляютъ ихъ имѣть дѣло съ печатной и писанной грамотой, съ бумагами, отношеніями— словомъ съ вещами, которыя гораздо далѣе отъ ихъ понятій, чѣмъ какое нибудь кирпичное производство, разведеніе собственныхъ табуновъ и т. д. Мы полагаемъ, что если бы похлопотали сперва объ устройствѣ крестьянскими обществами общественныхъ заведеній для выдѣлки сырыхъ продуктовъ, то и школы и страхованія пришли бы затѣмъ сами собой, или по крайней мѣрѣ крестьянскія общества, обладающія своими ткацкими, имѣющія средство строить, вмѣсто теперешнихъ шатровъ, дома, ближе тѣмъ самымъ стали бы къ такимъ отвлеченнымъ для нихъ вещамъ, какъ школа, страхованіе, больница и т. д. Только тогда эти безспорно полезныя учрежденія устроились бы немного инымъ путемъ и, сколько намъ кажется, болѣе надежнымъ, чѣмъ теперь. На устройство ихъ не потребовались бы отягощенія общества лишними денежными сборами, которыя всегда составляютъ важную задачу для крестьянина. Умѣя строить дома, они могли бы устроить хорошія помѣщенія для больницъ и школъ.

Точно также они не будутъ принуждены, какъ теперь, нанимать на сторонѣ докторовъ и учителей, а познакомившись съ большимъ достаткомъ, пошлютъ скорѣе людей изъ своей собственной среды для обученія въ учителя и въ медики.

Всѣ наблюдаютъ и указываютъ на какой то непреодолимый провалъ между народомъ и такъ называемымъ образованнымъ сословіемъ, объясняя его болѣе или менѣе мистическими причинами. Но мистическаго тутъ въ сущности ничего нѣтъ, хотя существованіе провала до извѣстной степени и справедливо. Отнимите у образованнаго сословія ту обстановку, которую ему даетъ и давала промышленность и оно никогда не было бы образованнымъ, и поймите, что лучшее жилье, одежда и пища составляютъ такія же образовывающія и цивилизующія средства, какъ и букварь. Никакія формы благоустройства и цивилизаціи не могутъ привиться къ народу помимо тѣхъ условій, которыя занимаютъ промежуточное мѣсто, переходную ступень отъ грубости къ дѣйствительному просвѣщенію, помимо той матеріальной обстановки, на которую мы указываемъ. Между такими учрежденіями какъ школы, судъ и народнымъ бытомъ будетъ постоянная пропасть до тѣхъ поръ, пока ее не замѣнитъ эта обстановка, которую можетъ дать промышленность,—пока народъ ни будетъ жить въ дѣйствительныхъ домахъ, одѣваться, освѣщаться и пр. Трудно ему этого достичь розничнымъ порядкомъ—онъ можетъ это

выполнить совокупными силами, сообща. Но пока онъ этого не достигнетъ, только до тѣхъ поръ всѣ порожденія болѣе утонченной цивилизаціи будутъ строиться для него на воздухѣ, и только изобразятся лишней цифрой поборовъ, которая помѣшаетъ народу достичь того, что ему именно нужно. Но кромѣ денежныхъ уплатъ есть другое условіе, задерживающее рѣшеніе вопроса о хозяйственномъ устройствѣ въ томъ смыслѣ, какъ это мы предполагаемъ.

Крестьянскія земли, часто будучи слишкомъ недостаточны для того, чтобы занять на свою обработку весь крестьянскій трудъ, еще менѣе достаточны для того, чтобы покрыть уплату оброковъ и денежныхъ повинностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для того, чтобы служить источникомъ сырыхъ продуктовъ, которые бы могли идти на промышленную обработку. Земли эти—не забудемъ этого—будутъ становиться еще недостаточнѣе впредь, вслѣдствіе увеличенія населенія.

Чему же приписать еще такое неудобство? Неужели земли у насъ оказывается вообще слишкомъ мало? Мы знаемъ, что нѣтъ, что земли у насъ очень и очень достаточно. И такъ, экономическіе интересы, взятыя въ ихъ совокупности, терпятъ и съ этой стороны безъ достаточныхъ основаній.

Таковы-то вотъ условія, задерживающія правильное экономическое развитіе и благоустройство крестьянъ. Еслибы въ такомъ дѣлѣ заключался вопросъ чисто сословный, то личныя симпатіи каждаго могли придавать ему болѣе или менѣе важности, но вопросъ этотъ очевидно касается совокупности экономическихъ интересовъ всего государства, всей страны. Тутъ вопросъ о развитіи и силѣ общества, тутъ запросъ личному патріотизму тѣхъ, которые болѣе всего интересуются на словахъ національнымъ дѣломъ, и которые, какъ оказывается, на повѣрку, или ничего ровно не смыслятъ въ дѣйствительныхъ интересахъ національнаго дѣла или разумѣютъ при этомъ только свои личные гроши.

№ 11. Спб. 12 апрѣля.

Изъ всѣхъ разсужденій, которыя читатель встрѣчалъ до сихъ поръ въ нашихъ передовыхъ статьяхъ, онъ могъ вывести то общее заключеніе, что для того, чтобы понимать кой что въ общественныхъ потребностяхъ и способахъ ихъ разрѣшенія, для того, чтобы имѣть въ рукахъ отчетливую систему воззрѣнія въ теченіе дѣлъ, требуется отъ читателя гораздо болѣе честности намѣреній, чѣмъ глубокой учености или головоломныхъ изслѣдованій. Самые запутанные государ-

ственные вопросы становятся только тогда запутанными, когда они заранѣе запутаны и сдѣланы невозможными для разрѣшенія вслѣдствіе такой ихъ постановки, которая проистекаетъ вовсе не отъ недостатка добросовѣстности въ ихъ постановкѣ. Когда нибудь люди будутъ удивляться простотѣ тѣхъ формулъ, которыя лягутъ въ основаніе рѣшенія нашихъ общественныхъ задачъ и имъ будетъ жаль и стыдно своихъ прошлыхъ дѣяній; жаль, что они волочили подъ различными предлогами такъ долго дѣла и затрудняли преобразованія къ лучшему безъ достаточныхъ основаній и къ своему собственному вреду. Какъ древній средневѣковой баронъ долго боролся за крѣпостное невѣжество, не подозрѣвая, что это крѣпостное невѣжество обусловливаетъ бѣдность его же собственной жизни, лишаетъ его самыхъ первыхъ условій комфорта, заставляетъ носить грубыя латы на голомъ тѣлѣ и не отличаетъ его жизни ничѣмъ отъ жизни его слугъ и лакеевъ, кромѣ праздности и пьянства. И какъ понялъ тотъ же баронъ послѣ, что только благодаря разложенію прежней зависимости, расширились удобства жизни достаточныхъ классовъ въ сравненіи съ простолюдиномъ, также точно когда нибудь поймётъ нынѣшній баронъ, что онъ напрасно вѣрилъ въ свой грошевой теперешній комфортъ, только подъ условіемъ недостаточности съ другой стороны простолюдина. И ему будетъ жаль, что онъ не торопился, не способствовалъ всѣми средствами развитію тѣхъ удобствъ жизни, которыя имѣютъ развиться, опираясь на достатокъ простонародія вслѣдствіе перемѣщенія центра тяжести культуры въ среду низшихъ классовъ и въ сравненіи съ которыми нашъ настоящій комфортъ долженъ будетъ показаться всякому столь же грошевымъ и ничтожнымъ, какимъ предоставляется намъ теперь комфортъ современнаго филистера. Людямъ, говоримъ мы, будетъ жаль и стыдно, что они потратили столько труда на сооруженіе препятствій своему собственному благу; стыдно за всѣ гоненія, которыя они заставили при этомъ вытерпѣть тѣхъ, которые тогда уже хотѣли вести ихъ по прямой дорогѣ къ добру.

Недавно Франція похоронила одного изъ такихъ людей, человѣка, который посвятилъ общему благу все свое счастіе и который ничего не встрѣтилъ въ теченіи своей жизни за это, кромѣ клеветы и гоненій. Въ настоящее время у насъ дома приносится поздняя дань уваженія человѣку, положившему начало нашей умственной культурѣ, который даже при жизни своей былъ жертвой всякихъ преслѣдованій. Нужны ли этимъ людямъ эти позднія жертвоприношенія, не

скрывается ли здѣсь только свидѣтельство о нашемъ варварствѣ и дикости, о неумѣньи относиться честно къ людямъ иначе, какъ по прошествіи ста лѣтъ, и послѣ того, что мы сами загубили для себя то добро, которое могли получить отъ этихъ людей?

Не говоря о томъ, вознаграждаютъ ли эти овапіи мертвой памяти истлѣвшимъ костямъ, хотя за малѣйшую долю испытаній, вынесенныхъ борцами просвѣщенія при ихъ жизни,—вознаграждаютъ ли они насъ самихъ за тѣ потери, которыя потерпѣли мы сами. благодаря тупому преслѣдованію людей намъ преданныхъ? — Нѣтъ, все это потери неисправимыя никакими торжествами, пожертвованіями и пр. имъ, слѣдовательно, едва ли и есть причина приписывать какое-либо значеніе.

Но есть дань несравненно болѣе серьезная, которую мы могли бы принести памяти этихъ людей.--Эта дань можетъ состоять только въ доказательствѣ, что тѣ лишенія, которыя они вынесли изъ за насъ, не вынесены ими совершенно даромъ, безъ урока и назиданія для насъ; что эти примѣры научили насъ впередъ становиться сколько нибудь осмотрительнѣе къ людямъ, и не съ такой жестокой тупостью обращаться съ тѣми, которые, въ свою очередь, захотѣли бы честно служить намъ. Мы полагаемъ поэтому, что лучшимъ средствомъ почтить память тѣхъ, которые благодаря намъ, довольно таки вытерпѣли, было-бы, еслибы мы доказали, что умѣемъ лучше глядѣть на наше настоящее и зорко слѣдить, не продолжаетъ ли между нами господствовать тотъ же старый духъ преслѣдованія и неблагодарности къ самымъ честнымъ людямъ, и вслѣдствіе этого, — стали бы сами лучше и способнѣе цѣнить добрыя намѣренія всѣхъ стоящихъ за наше благо, старались бы оградить и облегчить имъ путь, и безъ того во всякомъ случаѣ трудный, и сдѣлать его благодарнѣе. Если бы могла возбудиться въ читателѣ такого рода осмотрительность въ его отношеніяхъ къ современнымъ ему людямъ, по поводу празднуемыхъ имъ въ настоящую минуту воспоминаній, то это была бы лучшая, какъ намъ кажется, дань, которую мы могли бы принести памяти нашихъ прошлыхъ общественныхъ дѣятелей.

Итакъ, да проникнется читатель такой осмотрительностью, да вглядится онъ кругомъ и научится беречь людей ему полезныхъ и нужныхъ, лучше чѣмъ онъ умѣлъ это дѣлать до сихъ поръ: да цѣнитъ онъ выше всего честность намѣреній въ своихъ дѣятеляхъ, ибо для общественнаго преуспѣянія эта честность намѣреній выше и драгоцѣннѣе талантовъ, дарованій и учености, драгоцѣннѣе уже потому,

что она встрѣчается рѣже талантовъ и знаній; да проникнется онъ самъ тѣми же качествами, ибо они одни только собственно и нужны для того, чтобы умѣть цѣнить людей дѣйствительно дорогихъ для цивилизаціи. Тогда только сами таланты и дарованія, поддерживаемые общественнымъ мнѣніемъ, примутъ неизбѣжно тотъ путь и то направленіе, которые дороги для цивилизаціи, направленіе неподкупное,—а вмѣстѣ съ тѣмъ, облегчится тернистый путь честной дѣятельности. Вотъ чувства, въ которыхъ мы прежде всего желали бы видѣть воспитывающимся наше общество.

Изъ записокъ Современника.

I.

Пѣтухъ пропѣлъ свою пѣсню надъ русской печатью. Подъ эту пѣсню «Современникъ» начинаетъ свой разговоръ о текущихъ дѣлахъ.

Читатель стоитъ и ждетъ отвѣта, что думать ему объ этой пѣснѣ, какъ гадать, дастъ ли она ему дѣйствительно свободное слово, разовьетъ ли истину въ книгахъ, освѣтитъ ли яснымъ лучемъ его совѣсть и его взглядъ на свои бытовыя дѣла? И правду сказать, такое желаніе просвѣтлѣнія литературы весьма естественно.

Люди, читатель, конечно, хотятъ быть свободны. Но они хотятъ этого четыре тысячи лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы о нихъ кое-что знаемъ, и все еще хотятъ, и все еще будутъ вѣроятно хотѣть,—такъ что слушая эти постоянные толки объ этой свободѣ, невольно спрашиваешь, не болѣе ли они хотятъ быть рабами. Они не разъ и пріобрѣтали различнаго вида свободы, даже временныя свободы очень широкія. Почему же человѣчество стоитъ до сихъ поръ за порогомъ свободы, и дѣло свободы вообще топчется на одномъ мѣстѣ тысячелѣтія, почему, едва пріобрѣтя малѣйшую свободу въ чемъ либо, они ее тотчасъ же утрачивали?

Если бы человѣчество успѣло хотя разъ отступить отъ этого правила, еслибъ оно успѣвало удержать въ своемъ карманѣ тѣ пріобрѣтенія на пути къ свободѣ, которыми обогащалось только, чтобы такъ же скоро продать ихъ; тогда свобода нарощалась бы въ историческій капиталъ и не оставалась бы постоянно одними грошами, урываемыми только для того, чтобы также скоро упустить ихъ изъ рукъ;—тогда бы не приходилось каждый разъ начинать строить дѣло свободы съ самаго начала и не приходилось бы до сихъ поръ еще выбирать средствъ и не знать, за которое взяться для построенія этой свободы, и тогда она наростала бы въ капиталъ сама собою. Между тѣмъ въ настоящее время, послѣ четырехъ-тысячелѣтнихъ изысканій, вопросъ все еще стоитъ именно на этой почвѣ. И наши философы

разсуждаютъ не о томъ, какія у нихъ есть свободы и какихъ недостаетъ, а о томъ, какимъ способомъ, какимъ путемъ пріобрѣсти бы хотя первую ступень свободы, но такой свободы, которая была бы невозвратима, которая бы могла назваться дѣйствительнымъ шагомъ впередъ, историческимъ пріобрѣтеніемъ, за которымъ не могло бы быть отступленія или шага назадъ, возвращенія опять старыхъ временъ и временъ варварства. Нашимъ философамъ все еще кажется, что мы не напали на тотъ настоящій методъ, которымъ пріобрѣтается неприкосновенная свобода, и они ищутъ этой прочности свободы не въ самомъ содержаніи пріобрѣтаемой свободы, не въ ея собственныхъ качествахъ и свойствахъ, а въ томъ, какимъ порядкомъ и въ какой формѣ она пріобрѣтается. Они полагаютъ, что прочной свободѣ должны соотвѣтствовать какіе нибудь свои особенные пути, а непрочной — другіе, и выводятъ отсюда, что пріобрѣтавшаяся донынѣ свобода оказывалась потому именно непрочной, что она пріобрѣталась не тѣмъ порядкомъ, какимъ слѣдуетъ.

Но дѣло здѣсь вовсе не въ томъ, какимъ порядкомъ пріобрѣтается свобода, приходитъ она, какъ выражаются, сверху или снизу, путемъ реформы или революціи, а въ томъ, что одна формальная свобода еще не заключаетъ въ себѣ условій для реальной свободы.

Дѣло просто въ томъ, что внѣшнюю форму стѣсненія мы принимаемъ за самое стѣсненіе, и устраненіе этой формы сплошь и рядомъ готовы принять за устраненіе самаго зла, за истинную свободу и пріобрѣтеніе; а между тѣмъ, вслѣдствіе такой перемѣны измѣняется только эта внѣшняя форма стѣсненія въ новую, и зло продолжаетъ вырастать, облекаясь въ новую форму. И такимъ образомъ, мы постоянно обманываемся съ нашими пріобрѣтеніями и дѣло пріобрѣтенія топчется на одномъ мѣстѣ; и это будетъ до тѣхъ поръ, пока мы не научимся искать корня зла нѣсколько глубже его внѣшнихъ признаковъ и проявленій.

Такъ и въ настоящемъ случаѣ, если мы не ошибаемся, читатель склоненъ понимать вопросъ о свободѣ снова совершенно въ томъ же смыслѣ.

Что собственно такого произошло въ сущности, что заставило ободриться читателя: печать освободилась отъ предварительной цензуры. Итакъ, повидимому, читатель долженъ думать, что эти злыя силы сидѣли ни въ чемъ другомъ, какъ въ этой цензурѣ, во внѣшнемъ побочномъ фактѣ, что причина всей лжи, переполнявшей печать, заключалась ни въ чемъ иномъ, какъ въ этой цензурѣ, что цен-

зура была и источникомъ всей этой лжи и что, уничтожая цензуру, мы уничтожаемъ самую ложь. Въ этомъ смыслѣ читатель обращается теперь къ карательной цензурѣ и ждетъ и спрашиваетъ: не просвѣтлѣетъ ли въ силу ея одной вся тьма въ нашей печати, не перекреститъ ли она всѣ адскія темныя силы, не разлетятся ли злые духи, и не наступитъ ли само собою по ея звуку, точно въ сказкѣ, ясное утро. Одна такая постановка вопроса со стороны читателя, одни такія надежды, направленныя исключительно на постороннюю помощь отъ формальнаго освобожденія, заставляютъ сомнѣваться, чтобы самому читателю ясно были видны темныя силы, порождающія умственное затмѣніе въ его литературѣ, и чтобы онъ зналъ, гдѣ собственно искать присутствія этихъ темныхъ силъ, унижающихъ печать.

Найдемъ же эти темныя силы и покажемъ ихъ читателю, если ни онъ самъ ихъ не видитъ, какъ слѣдуетъ, ни другіе, для того, чтобы онъ могъ узнать, гдѣ искать настоящей точки опоры для политической правды и дѣйствительнаго просвѣтлѣнія общественной мысли, а вмѣстѣ чтобы могло рѣшиться и его недоумѣніе, чего онъ можетъ въ этомъ отношеніи ждать отъ новаго цензурнаго положенія.

Такъ какъ мы ищемъ корня той лжи, въ которую облекается мысль и пресса, то обратимся же къ этой самой лжи по русскимъ дѣламъ, которую такъ краснорѣчиво описываютъ намъ московскіе публицисты, и займемся ею: откуда взялась она, въ чемъ состоитъ, вокругъ чего ходила и какое носила платье, во имя чего ходила? Задавшись такими вопросными пунктами, мы, можетъ быть, доберемся и до ея происхожденія.

Ложь эта конечно происходила въ литературѣ, но что же, доказываетъ ли это, что она дѣйствительно была исключительно литературнаго происхожденія, исключительнымъ достояніемъ или продуктомъ литературы? Есть на свѣтѣ дѣятели и есть автоматы, есть двигатели и есть орудія; есть господа и есть илоты; есть покупатели и есть торгующіе. Не примѣнялось ли такое раздѣленіе здѣсь; не было ли и здѣсь чего подобнаго? Есть кой какія указанія на то, что сама литературная среда той лжи, о которой рѣчь, понимала свое положеніе именно въ этомъ смыслѣ, и если мы только что употребили слово *илотъ*, то потому только, что на него указала намъ сама литература и такъ сказать сама обзывала имъ себя ранѣе, чѣмъ мы объ этомъ думали.

„Чему вы такъ обрадовались? Развѣ отмѣна цензуры можетъ оказать на ваши убѣжденія такое вліяніе, что вы, при новомъ порядкѣ вещей, начнете писать противное тому,

что выходило прежде изъ-подъ пера? „Такими словами, пишетъ фельетонистъ „Голоса“— отвѣтилъ намъ редакторъ на привѣтствіе по случаю внесенія имъ залога на безцензурное изданіе газеты Все это очень хорошо и справедливо, мы замѣтили ему въ свою очередь. Убѣжденія—убѣженіями, а радость—радостью, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ намъ. Теперь, по крайней мѣрѣ, есть надежда, что послѣ большаго простора, который должна получить наша пресса, выйдутъ на сцену болѣе талантливые дѣятели и обратятъ вниманіе публики на предметы, болѣе заслуживающіе интереса, причемъ сама собою изчезнетъ эта мелюзга, игравшая въ глазахъ общества роль жалкихъ илотовъ“.

Итакъ, по собственному сознанію этой лжи, мы узнаемъ, что она играла въ глазахъ общества только роль жалкихъ илотовъ.

Посмотримъ, не обратится ли это случайное признаніе въ илотствѣ въ нѣчто болѣе серьезное, чѣмъ можетъ казаться, при нѣкоторомъ разслѣдованіи той самой лжи, о которой идетъ рѣчь, со стороны ея содержанія. Что это была за ложь, вокругъ чего она ходила, въ какомъ ходила платьѣ, спросили мы выше. и теперь отвѣчаемъ. Наблюдая ее отъ самаго начала и до конца, мы кажется можемъ охарактеризовать ее однимъ словомъ,—до того въ ней все было ясно и незатѣйливо. Все ея содержаніе исчерпывалось, говоря просто, «*западаніемъ мужицкаго хлѣба*» въ той или другой формѣ. Крестьянскія нивы—вотъ тотъ заколдованный кладъ, вокругъ котораго бродила эта ложь отъ конца и до начала. Что это было такъ въ настоящемъ данномъ случаѣ относительно нашей литературной лжи — на это должно быть много свѣжихъ фактовъ въ памяти каждаго. Но едва ли не было оно такъ относительно всякой публицистики и научной лжи, повсемѣстно и споконъ вѣка, едва ли не всегда кусокъ хлѣба работника составлялъ причину всей лжи и всѣхъ такъ называемыхъ недоразумѣній, которыми переполнялась политическая наука и печать вообще—и причину тѣхъ «подобій», какъ выражается «День», которыми переполнялась самая жизнь.

Кому же были нужны эти крестьянскія нивы? Будто бы ужъ они были нужны въ самомъ дѣлѣ литературѣ и притомъ одной литературѣ; будто ужъ ты не былъ въ нихъ заинтересованъ лично, читатель!

И будто ужь литературная ложь, ходившая мимо мужицкаго хлѣба, нужна была сама по себѣ самой литературѣ. Если сказать правду, литература и наука изготовили только платье, въ которое одѣвалась эта ложь, а мѣркой, по которой она выкраивала эту ложь, служилъ никто иной, какъ самъ читатель, его личные интересы, стремленья и выгоды. Итакъ, видишь ли, читатель, есть причины сомнѣваться, не заключаются ли тѣ темныя силы, которыхъ мы ищемъ то во внѣшнихъ отношеніяхъ, то въ злоумышленности писателей, — въ

тебѣ самомъ, и есть причины сомнѣваться далѣе, не были ли самыя формальныя стѣсненія, лежавшія надъ печатью, только личнымъ отраженіемъ самого читателя, продуктомъ силъ, скрывавшихся въ самомъ читателѣ. Обращаясь въ частности къ нашей литературной лжи, мы можемъ помнить, что двѣ теоріи были поставлены ею въ угоду читателя, два платья выкроено для прикрытія наготы. То было говорено, и говорено безъ конца, что мужицкій хлѣбъ мѣшаетъ праву собственности, главному основанію государственнаго спокойствія, и вслѣдствіе этого защитники мужицкаго хлѣба были объявлены посягателями на общее спокойствіе. То было придумано потомъ, что для того, чтобы мужикъ могъ ѣсть этотъ хлѣбъ, нужна постепенность, потому, видите ли, что мужицкій хлѣбъ равняется демократизму, а демократія,—можетъ быть, ей принадлежитъ будущность, но для того, чтобы она была сама благодарна впослѣдствіи и могла выучиться ѣсть этотъ хлѣбъ, она должна какъ можно долѣе оставаться подъ руководствомъ болѣе образованнаго сословія, которому должна быть дана возможность распоряжаться болѣе или менѣе постепенно этимъ хлѣбомъ.

Кому нужны были всѣ эти софизмы и скажетъ ли кто нибудь, что если бы литература творила свои теоріи сама изъ себя совершенно независимо, она стала бы сочинять когда либо что нибудь подобное. А между тѣмъ этими двумя теоріями, теоріей, по которой мужицкій хлѣбъ мѣшаетъ праву собственности, и теоріей политической осторожности въ предоставленіи мужику этого хлѣба, исчерпывается вся сфера политической литературной лжи и мужицкій хлѣбъ заѣдается этими теоріями съ двухъ сторонъ: со стороны экономической и политической, или вѣрнѣе, изъ двухъ основаній. И въ этомъ дѣлѣ очевидно литературѣ принадлежитъ одна только, и притомъ малая и побочная часть дѣла. Главная же часть его принадлежитъ самому читателю—въ немъ кроются орудующія этимъ дѣломъ силы и слѣдовательно корень всѣхъ внѣшнихъ, то есть, цензурныхъ стѣсненій, лежащихъ надъ литературой, и корень всѣхъ софизмовъ, которыми наполнялось когда либо самое содержаніе литературы. Если мы хотимъ поэтому избавленія литературы отъ неправдъ, если этого хочетъ дѣйствительно самъ читатель и хочетъ свободнаго слова не только со стороны закона, но и по его содержанію, то все это въ его собственной власти и ни въ чьей другой. Для этого нужно только ему самому избавиться отъ склонности искать и желать именно такихъ софизмовъ,—а для этого убѣдиться только, что за-

ѣданіе чужаго хлѣба или вообще вмѣшиванье своего личнаго расчета въ ущербъ общимъ интересамъ не составляетъ вовсе похвальнаго дѣла, а даже такое дѣло, сознаваться въ которомъ публично и теперь стыдится сколько нибудь развитой и порядочный человѣкъ, но котораго къ несчастью еще не стыдится большинство такъ называющагося образованнаго общества, а слѣдовательно не стыдится и общественное мнѣніе. Когда же цивилизованное общество доживетъ до того, что оно пойметъ стыдъ, тутъ скрывающійся, тогда и общественное мнѣніе станетъ само собою воздерживать каждаго отъ подобныхъ заявленій, отзывающихся крѣпостнымъ характеромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ имъ станетъ труднѣе появляться въ литературѣ. Пока эта закупленность литературы и недобросовѣстность, ея илотство, объясняется ничѣмъ, какъ несвободностью личнаго мнѣнія каждаго отъ постыдныхъ посягательствъ на чужое добро и рабство и взяточничество литературной мысли есть ни что иное, какъ результатъ такого же илотства и взяточничества мысли въ самомъ читателѣ или общественномъ мнѣніи. И оно будетъ существовать въ литературѣ всегда, при какихъ хотите широкихъ законодательныхъ границахъ, пока будетъ существовать въ читателѣ; и оно, и ничто другое, будетъ вліять на самыя законодательныя и административныя границы литературнаго положенія и съуживать эти границы на сколько ему нужно.

Всякій пойметъ, что наши разсужденія состояли въ развитіи и примѣненіи къ дѣлу очень простой и пошлой мысли—что литература не есть сама по себѣ, а только отраженіе мыслей и тенденцій общества.—Но не смотря на всю банальность ея—каждый день приходится сознаваться, что мы еще пока плохо ее понимаемъ. На нашихъ глазахъ продолжается до сихъ поръ между двумя газетами споръ по вопросу о литературныхъ субсидіяхъ, подтверждающій такую непонятливость. Одна газета упрекаетъ другую въ томъ, что она беретъ тайно субсидіи отъ правительства, и споръ длится только благодаря не совсѣмъ осязательной ясности употребляемыхъ терминовъ, благодаря несчастной спеціализаціи, понятной тамъ, гдѣ эта спеціализація ведетъ только къ запутыванію дѣла. Московскіе публицисты нашли терминъ *субсидія*, и полагаютъ укрыть за этимъ терминомъ всякіе другіе, въ сущности выражающіе то же самое понятіе. «Голосъ» получаетъ субсидіи, говорятъ они, а я не получаю ихъ потому, что субсидія дается правительствомъ—вотъ какой молодецъ стало быть я, независимая газета.

«Московскія Вѣдомости» разсуждаютъ, точно и взаправду мужику не все равно, заѣдается ли его хлѣбъ за его же деньги, взятыя изъ казначейства, или отъ барина, и точно мужики уже не вправѣ требовать отъ «Московскихъ Вѣдомостей», чтобы они не заѣдали ихъ хлѣба на счетъ денегъ, которыя баринъ заплатилъ имъ изъ оброка.

Но послѣ такой непонятливости самихъ передовыхъ публицистовъ неудивительно, что тѣхъ же вещей не понимаетъ и читатель, и неудивительно, если читатель затѣмъ не видитъ, что любопытная сторона здѣсь вовсе не та, что существуютъ илоты, получающіе субсидіи, и откуда они ее получаютъ, ибо они на то и илоты, а въ томъ, что такое должны представлять собою эти илоты, и то заключеніе, которое отсюда слѣдуетъ. Любопытная сторона въ томъ, что эти илоты должны представлять изъ себя общественное мнѣніе, служить такъ сказать отраженіемъ читателя во всѣхъ его категоріяхъ, а слѣдовательно, если литература дѣлится на получающую и неполучающую субсидіи, то это только служитъ доказательствомъ раздѣленія самого читателя на тѣ же категоріи: на читателя, получающаго и неполучающаго субсидій, и общественное мнѣніе, получающее и неполучающее субсидій. Корень субсидіи оказывается такимъ образомъ не въ илотахъ, а въ самомъ читателѣ, и послѣ этого слѣдуетъ разсуждать уже не о томъ, какое право имѣетъ существовать литература, получающая субсидіи, а о томъ, можетъ ли быть нуженъ и имѣетъ ли право существовать читатель или общественное мнѣніе, содержимые субсидіями. И невольно возникаетъ вопросъ, почему, зачѣмъ можетъ быть нуженъ на свѣтѣ читатель, получающій субсидію, и еще общественное мнѣніе, содержимое субсидіями. Все, говорятъ, въ благоустроенномъ обществѣ совершается не иначе, какъ въ видахъ общественной пользы,—какая польза кому отъ общественнаго мнѣнія, содержимаго субсидіею? Что илотъ получаетъ субсидію—это я понимаю отчасти, онъ за то и пишетъ то, что ему прикажутъ, но за что платить субсидію общественному мнѣнію? Точно въ самомъ дѣлѣ это трудъ какой—имѣть образъ мыслей, какой Богъ послалъ, точно въ благонамѣренномъ обществѣ гражданинъ не можетъ иначе благонамѣренно думать, какъ за гривенникъ, точно не обязанъ онъ думать благонамѣренно совершенно даромъ.

А между тѣмъ, чѣмъ больше я вдумываюсь въ вопросъ, тѣмъ болѣе мнѣ кажется, что не будь эта субсидія въ предметѣ читателя, его мнѣнія пріобрѣли бы быстро ту желанную благонамѣренность,

которой имъ недостаетъ вслѣдствіе такой ихъ субсидіозности и которой онъ ждетъ въ литературѣ отъ освобожденія печати. Не имѣй въ предметѣ читатель возможность обладать всякаго рода Ваньками и не имѣй онъ въ предметѣ и теперь, — когда этотъ Ванька сталъ крайне грубъ и несговорчивъ, — что Ванька можетъ замотаться и придти поклониться ему въ ноги; не имѣй онъ въ предметѣ заѣсть этого самаго Ваньку штрафами за потраву или досадить ему оброкомъ, не являйся передъ нимъ субсидія въ постоянно обновляющейся формѣ,—и мы увѣрены, что мысли его стали бы крайне либеральны, до того либеральны, что сами московскіе публицисты перестали бы печатать статьи г. Бланка и доказывать, что отъ крупной поземельной собственности возблагоденствуетъ мужикъ.

Весь вопросъ субсидій и продажности литературы держится такимъ образомъ на томъ, что читатель не отвыкъ выворачивать наружу всего умственнаго сора, который заваляла въ немъ привычка смотрѣть на чужой хлѣбъ какъ на свое правое достояніе, и что онъ не стыдится до сихъ поръ выворачивать наружу передъ своими собратьями этого сора, какъ чего то совершенно законнаго, и полагаетъ, что если этотъ соръ пропечатаетъ ему какой либо илотъ, то отсюда выйдетъ что либо кромѣ сраму. Это намъ доказываетъ, что въ самомъ читателѣ недостаетъ той свободы мнѣнія, которая во власти каждаго лично, и которая состоитъ въ томъ, чтобы стыдиться мѣшать свой исключительно личный разсчетъ въ свои разсужденія о публичныхъ дѣлахъ; это доказываетъ, что въ немъ царитъ то взяточничество мысли, которое будетъ постоянно мѣшать образоваться такому общественному мнѣнію, на днѣ котораго не окажется своего рода задней мысли и умственной плутни; словомъ, что иниціатива и корень тѣхъ законодательныхъ условій, среди которыхъ существуетъ печать—заключается въ томъ же самомъ образованномъ читателѣ.

Послѣ этого нечего, кажется, было бы и спрашивать тебѣ, читатель, просвѣтлѣетъ или не просвѣтлѣетъ твоя литература отъ новаго цензурнаго положенія, достаточны ли предоставляемыя имъ льготы для такого просвѣтлѣнія. Это ты самъ знаешь и долженъ знать лучше насъ. И вотъ отвѣчай намъ теперь столь же простосердечно, какъ мы тебѣ отвѣтили на твой вопросъ. Мы ждемъ отвѣта. Хочешь ли ты дѣйствительнаго просвѣтлѣнія русской мысли и свободнаго слова, свободнаго не только по формѣ, но и свободнаго отъ всякаго вмѣшательства въ него всякихъ цѣпей совершенно?

Для того, чтобы ты могъ точнѣе отвѣчать на этотъ вопросъ, мы

разовьемъ сказанное еще далѣе и покажемъ его справедливость въ иной формѣ, болѣе осязательной и оживленной текущими фактами. Неужели читатель въ самомъ дѣлѣ не понимаетъ, что теоріями, которыя онъ заставляетъ выдумывать своихъ илотовъ, можно оправдывать и скрыть все, что угодно? Неужели не видитъ онъ, какіе случаи скрываются теперь за ними и къ чему ведутъ теперь эти теоріи?

Въ газетѣ «День» напримѣръ пишутъ: «На дняхъ мы получили подробное документальное описаніе одного случая, бывшаго, съ мѣсяцъ или меньше назадъ, въ одной изъ нашихъ губерній. Дѣло въ томъ, что въ этой губерніи одно оффиціальное лицо катается часто въ имѣніе свое въ сосѣдней губерніи, и не только само это лицо, но и супруга лица. Для этой надобности выставляются; не смотря на лѣтнюю рабочую пору, обывательскія лошади, и крестьянамъ приходиться иногда, при исправленіи этой новой повинности, терять въ ожиданіи по нѣскольку (даже по 12) дней. Особенный ропотъ возбуждали въ крестьянахъ поѣздки не столько оффиціальнаго лица, которому они считаютъ себя обязанными дѣлать, какъ намъ пишутъ, «всякое уваженіе», но его домашнихъ. Волостной старшина одной пограничной волости, побуждаемый настояніями общества, и видя, что эти поѣздки совершаются за границу губерніи, слѣдовательно, не по дѣламъ службы, какъ-то запоздалъ выставкою лошадей, которыхъ хотя и выставилъ, но не за нѣсколько сутокъ, а чрезъ полчаса по пріѣздѣ оффиціальнаго лица. За это былъ онъ оффиціальнымъ лицомъ собственноручно прибитъ, и когда битый осмѣлился доложить, что, по положенію 19-го февраля, волостные старшины избавлены отъ тѣлесныхъ наказаній, то былъ прибитъ еще больше».

Не будь въ предметѣ у должностнаго лица этихъ обывательскихъ лошадей и способъ разсужденія его, вѣроятно, былъ бы такого рода, что онъ не привелъ бы его къ такому гнусному дѣлу, какъ побіеніе старшины. Между тѣмъ, какъ же должно разсуждать должностное лицо, пока у него есть въ предметѣ обывательскія лошади? а должно оно разсуждать такъ: «эти обывательскія лошади, вы думаете, просто лошади и притомъ чужія, на которыхъ я однако хочу кататься. Нѣтъ, это лошади, положимъ, чужія, но это еще не доказываетъ, чтобы они могли обойтись безъ того, чтобы я на нихъ не ѣздилъ. Это не просто лошади, а, какъ очень хорошо объясняютъ публицисты, демократическій элементъ. Положимъ, хозяинъ ихъ получилъ теперь права гражданства; но если предоставить ему ѣздить на этихъ лошадяхъ какъ ему вздумается, то онъ, какъ ч еловѣкъ не

образованный, не съумѣетъ на нихъ ѣздить куда слѣдуетъ, — это значило бы тоже, что предоставить демократическій элементъ въ настоящее уже время самому себѣ. Ну, а вы знаете, что значитъ предоставить самой себѣ необразованную массу. Положимъ, я не отрицаю, что ему «принадлежитъ будущность» и что въ будущемъ демократическій элементъ будетъ ѣздить на своихъ лошадяхъ только за собственными надобностями, но въ настоящее время его нельзя оставить безъ руководства и мое вліяніе на этотъ демократическій элементъ составляетъ не только право, но необходимость, какъ руководство человѣка, болѣе образованнаго. Итакъ, его же мужицкая польза требуетъ, чтобы я ѣздилъ на этихъ лошадяхъ. Несправедливость! я согласенъ на это, но государственная польза и политическій тактъ—это важнѣе справедливости и имъ-то приходится жертвовать справедливостью, потому что, только ѣздя на его лошадяхъ, я приготовлю демократическій элементъ къ умѣнью пользоваться свободой. А если я имѣю право пользоваться обывательскими лошадьми, то что же прикажете дѣлать, если демократическій элементъ самъ не понимаетъ той услуги, которую я ему оказываю, и не выставляетъ въ срокъ этихъ лошадей?»

И пошло и пошло, и пришло наконецъ къ праву побить старшину, вѣроятно въ тѣхъ же видахъ образованія демократическаго элемента. И пожалуй должностное лицо остается и въ концѣ концовъ того убѣжденія, что литература должна поддержать его поступокъ, на томъ основаніи, что въ немъ не заключается ничего кромѣ необходимаго вліянія образованнаго сословія на необразованное, и лицо было бы радо, если бы нашелся жалкій илотъ, который бы подвелъ систему доказательствъ необходимости образовывать предварительно необразованное сословіе, ѣздя на его лошадяхъ, раскладывая за него налоги на него, разсуждая за него о его нуждахъ. Да нечего вѣдь собственно и искать такихъ илотовъ, потому что то, что можетъ быть не примѣняется къ оправданію частныхъ случаевъ, весьма исправно изготовляется какъ общій матеріалъ для оправданія всей суммы частныхъ случаевъ. И на частныхъ примѣрахъ только рѣзче выступаетъ отличительная характеристическая черта этихъ разсужденій. Изъѣданіе мужицкаго хлѣба пропагандируется давно «Московскими Вѣдомостями», подъ балдахиномъ такой именно теоріи, о необходимости пріуготовить сперва демократовъ для того, чтобы они могли питаться.

«Вообще, — пишетъ, напримѣръ, тотъ же «День», — мысль «Мо-

сковскихъ Вѣдомостей» о крупныхъ собственникахъ не осталась безъ слѣда и проникла въ уѣздныя собранія нѣкоторыхъ губерній. Холмское уѣздное земское собраніе, напримѣръ, постановило: «ходатайствовать предъ высшимъ правительствомъ о предоставленіи права каждому крупному землевладѣльцу, цензъ котораго, напримѣръ, въ 5 разъ больше ценза, дающаго право на избраніе, быть гласнымъ безъ избранія». Точно также и Остерское уѣздное собраніе (Черниговской губерніи) въ виду того, что лица, платящія самую значительную часть повинностей и наибольшую сумму денегъ на нужды земства, нынѣ имѣютъ весьма мало своихъ представителей, и легко можетъ быть, что на будущее время большинствомъ съѣзда мелкихъ собственниковъ будутъ вовсе отстранены отъ представительства, постановило: «ходатайствовать предъ высшимъ правительствомъ объ измѣненіи числа гласныхъ, опредѣливъ его, на будущее время, въ относительномъ равенствѣ съ мелкими собственниками, такъ чтобы число представителей было сообразно съ количествомъ поземельной собственности и чтобы крупные землевладѣльцы безъ выборовъ имѣли право участія въ уѣздныхъ собраніяхъ, а представительство мелкихъ собственниковъ уравнено было съ этимъ числомъ и никогда не превышало числительностію крупныхъ землевладѣльцевъ, на отвѣтственность коихъ падаетъ большая часть обязанностей и налоговъ». Постановленіе это даромъ не прошло, 5 человѣкъ казаковъ подали каждый по мнѣнію, въ которыхъ объяснили, что съ заключеніемъ собранія, какъ не сходнымъ съ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ, они не согласны. Изъ протестовъ этихъ мы, между прочимъ, узнаемъ, что подъ именемъ крупныхъ собственниковъ Остерское собраніе разумѣло лицъ, владѣющихъ только 250 и болѣе десятинами земли! Такимъ порядкомъ вышло бы то, что исключая крестьянъ, казаковъ, да еще кое-кого, всѣ бы почти засѣли въ гласные безъ выборовъ: это, что называется, соображено ловко»!

Тутъ уже, кажется, не требуется никакихъ коментаріевъ для того, чтобы понять, для какихъ цѣлей служатъ опорой подобныя благовидныя теоріи, кому въ угоду стряпаются двѣ теоріи, и что въ сущности за ними скрывается. Ничего, кромѣ твоего собственнаго, читатель, срама, не скрывается за ними и если тебѣ нравится эта срамота, то не говоря о томъ, что ты найдешь для распространенія ея всегда готовыхъ илотовъ, мы можемъ тебя порадовать лишнимъ срамомъ, появившимся въ русской литературѣ. Вотъ вскрылась еще одна пахучая склянка, закупорившаяся было на 8 мѣсяцевъ, — возобновила

свой голосъ газета «Вѣсть» и осквернила рабскимъ подражаніемъ шрифтъ и форматъ и вообще внѣшній видъ бывшей «Народной Лѣтописи» и уже подвизгиваетъ.

«Большинство нашихъ журналистовъ отнеслось враждебно къ предложенію усилить въ земскихъ учрежденіяхъ охранительный элементъ, допущеніемъ крупныхъ собственниковъ безъ выбора. И мы понимаемъ ихъ! Они отстаиваютъ преобладаніе той среды, на которую вышеозначенная теоретическая демократія можетъ имѣть наибольшее вліяніе.

«Мы знаемъ очень хорошо, да и всѣ это знаютъ, что безъ представительства обойтись невозможно. Но представительство представительству рознь! Полагаемъ, что въ эпоху, подобную переживаемой нами, при возбужденномъ состояніи умовъ, относиться легко къ представительству значитъ играть въ опасную игру...

«Давно уже сказано, что будущее принадлежитъ демократіи, однакожь, было бы, кажется, полезно отдалить на сколько возможно время этого будущаго царства демократіи; полезно не только въ интересахъ государства, но и въ интересахъ самой демократіи. Слѣдуетъ отдалить по возможности преобладаніе демократіи до тѣхъ поръ, пока она воспитается и сдѣлается способною пользоваться властію. Наконецъ, нельзя безъ крайнихъ опасеній взирать на то обстоятельство, что даже оффиціальныя газеты наши — о частныхъ и говорить нечего — дѣлаются защитниками такихъ началъ, кои — и государственными людьми и авторитетами науки — признаны за существенно-демократическія».

Хочешь ли ты, читатель, я тебѣ на этомъ основаніи докажу, что ты можешь съѣсть свою жену, засѣчь своего сына, запретить всякую печать въ государствѣ, перевѣшать всѣхъ честныхъ людей и останешься правъ, потому что можешь всегда сказать, что все это сдѣлано тобой потому, что въ переживаемую тобой эпоху при возбужденномъ состояніи умовъ тебѣ казалось полезнымъ на сколько возможно отдалить время будущаго царства демократіи въ интересахъ самой демократіи, пока она не воспитается. Но только вотъ въ чемъ вопросъ, кто же тебѣ сказалъ, что пока ты разсуждаешь такъ—самъ или заставляешь разсуждать такъ за себя твоихъ илотовъ,—кто тебѣ сказалъ, что ты можешь считаться образованнымъ и способнымъ руководить другими? Вѣдь первый признакъ образованности состоитъ именно въ томъ, чтобы научиться разсуждать честно безъ заднихъ мыслей, а у тебя за всѣми хитросплетеніями пока не виднѣется ни-

чего въ предметѣ, кромѣ удержать подолѣе свои права на того же Ваньку, и что толку будетъ отъ того, что Ванька научится разсуждать по твоему, онъ захочетъ только въ концѣ концовъ ѣздить на твоихъ лошадяхъ, на томъ основаніи, что ты самъ нуждаешься въ наукѣ, и захочетъ обучать тебя въ свою очередь. Но если хочешь знать правду, то вопросъ вовсе не въ томъ. кто кого долженъ обучать, кто сказалъ этимъ илотамъ хотя слово о демократизмѣ; ни объ аристократизмѣ, ни о демократизмѣ вовсе не было рѣчи: кто позволилъ имъ подымать эти вопросы и на основаніи ихъ произносить приговоры? Ни о томъ, ни о другомъ никогда не было рѣчи и не могло быть рѣчи. Весь вопросъ шелъ и идетъ пока только о кускѣ хлѣба, о томъ, чтобы признать за каждымъ право на заработокъ его труда и на плоды его сбереженій. Для того, чтобы литература избавилась отъ субсидіозности и илотства, какъ и самый читатель, также ничего въ сущности не нужно, кромѣ того, чтобы читатель призналъ въ принципѣ право мужика, на его хлѣбъ и примирился съ этимъ правомъ. Итакъ, уяснимъ же ему сколько можно нагляднѣе это право и согласнѣе всего съ тѣмъ нравственнымъ принципомъ, который онъ признаетъ по крайней мѣрѣ въ теоріи.

Когда «Современникъ» говорилъ прежде объ этомъ кускѣ хлѣба, тогда въ этомъ хотѣли видѣть посягательство на эти начала или принципы, и прежде всего на принципъ собственности. За этимъ принципомъ, думали, можно укрыть все, что угодно. Итакъ, не хотите ли посмотрѣть, на сколько были согласны эти требованія «Современника» съ принципомъ собственности.

Обыкновенно, когда произносятся такія слова въ пользу матеріальныхъ правъ массы, то въ нихъ хотятъ видѣть болѣе, чѣмъ за ними въ сущности скрывается. Упрекъ въ посягательствѣ на чужую собственность является страшной, пугающей тѣнью только потому, что онъ выпускается людьми, неспособными понять ясно того, что объ этомъ говорится. Не подрывъ собственности скрывается въ этихъ словахъ, а едва ли не приглашеніе произнести ей лучшее признаніе, чѣмъ это дѣлается до сихъ поръ. Возникаетъ общество, масса его даетъ этому обществу своихъ солдатъ; оно своей кровью обезпечиваетъ и утверждаетъ возникшія поземельныя границы этого общества. Нѣтъ клочка земли, который прежде, чѣмъ сталъ обезпеченнымъ отъ внѣшняго вторженія, не былъ бы отбитъ и удобренъ его кровью,— и вы хотите утверждать, что эта масса не имѣетъ никакихъ правъ на эту землю. Далѣе, тотъ же работникъ удобряетъ въ теченіе вѣковъ

эту землю, влагаетъ въ нее свой трудъ, и онъ также не долженъ имѣть никакихъ правъ на эту землю! Та же масса платитъ изъ года въ годъ налоги и своимъ трудомъ содержитъ, во-первыхъ, порядокъ, благодаря которому собственникъ только и пользуется спокойно этой собственностью; во-вторыхъ, на эти налоги содержитъ всю умственную культуру всего общества, содержитъ науку, которая своими открытіями дѣлаетъ трудъ этой массы въ десять разъ успѣшнѣе и благодаря которымъ только и является на свѣтѣ капиталъ и возможность примѣненія его къ дѣлу. И послѣ этого хотятъ отказать этой массѣ въ какомъ-либо правѣ на долю выгодъ въ этихъ открытіяхъ и пріобрѣтеніяхъ! Да на какой же конецъ, спрашивается, оплачивала она и эту массу войскъ и отдавала ей изъ своей среды, лишала себя сыновей и братьевъ? на какой конецъ она оплачивала весь порядокъ, охраняющій въ сущности спокойное пользованіе собственностью? на какой конецъ она оплачивала и содержала на свои кровные гроши всю эту умственную культуру, если она не должна имѣть никакой доли собственности во всемъ этомъ и никакого права, никакой выгоды отъ всѣхъ такихъ лишеній? Если вся его собственность должна быть только въ томъ, что ей заплатитъ фабрикантъ или землевладѣлецъ за его текущій трудъ,—хорошо, положимъ, что ей заплатитъ этотъ фабрикантъ за текущій трудъ; но кто же заплатитъ ей за ту долю ея текущаго труда, которая вѣками отъ начала общества и непрерывно, подобно вѣчному бою часоваго маятника, только все въ возрастающемъ размѣрѣ, вносится ею въ видѣ повинностей и налоговъ въ общій фондъ общества и сберегается въ общественный капиталъ,—кто заплатитъ ей за всѣ эти вѣковыя сбереженія и должна ли она имѣть какое-либо право на эти сбереженія, есть ли причина признать ее за собственника этихъ сбереженій, если всѣ они составлены ея грошами и кровью? Да, если наши общественные теоретики дѣйствительно отправляются отъ той мысли, что капиталъ есть плодъ сбереженій и что право собственности основано на принадлежности человѣку его сбереженій и плодовъ этихъ сбереженій, пусть они укажутъ намъ тогда, въ чемъ пользуется масса правомъ собственности на такіе плоды своихъ сбереженій, если она получаетъ только плату за текущій трудъ отъ фабриканта, изъ которой удѣляетъ все-таки ежегодно новыя и большія доли въ налогъ на новыя сбереженія, обращающіяся въ общественный капиталъ, которымъ она, однако, не пользуется. Пусть отвѣтятъ, если они дѣйствительно признаютъ право собственности, имѣетъ ли рабочая масса послѣ этого какое либо право

собственности на землю, отвоеванную ея кровью, на успѣхи въ производительности ея труда, благодаря наукѣ и культурѣ, на которую она удѣляла постоянно свои сбереженія? Тутъ еще, кажется, не въ революціяхъ какихъ-либо дѣло, тутъ пока рѣчь только о признаніи права, о теоретическомъ, отвлеченномъ рѣшеніи, есть ли право или нѣтъ, и утверждая первое, руководствуемся ли мы отрицаніемъ права собственности, или напротивъ, его признаніемъ на основаніи тѣхъ же началъ, на которыхъ утверждается право собственности самыми близорукими его защитниками.

Пусть не посмѣетъ послѣ этого ни одинъ илотъ утверждать, что требованіе въ улчшеніи рабочей массы основано на чемъ либо другомъ, кромѣ признанія за ней права собственности на то, на что она имѣетъ очсвидное право. Итакъ, повторяемъ вопросъ, кто же заплатитъ рабочему за всѣ эти сбереженія, которыя онъ несетъ изъ своего текущаго труда въ кассу общества? Эти сбереженія онъ несетъ въ пользу государства, стало быть на государствѣ лежитъ прямая обязанность и гарантировать рабочему право собственности на такія сбереженія или плоды этихъ сбереженій. Мы видимъ отсюда, что если государство, освобождая крестьянъ, давало имъ землю, то это не было вовсе отрицаніемъ права собственности, а только признаніемъ за крестьянами неотъемлемаго на нее права, а отрицаніе собственности напротивъ заключалось въ крѣпостномъ правѣ.

Точно также и относительно тѣхъ успѣховъ и пріобрѣтеній, которыя сдѣлала культура въ другой сферѣ. У насъ есть на языкѣ фраза о томъ, что производство становится успѣшнѣе съ приложеніемъ капитала. Кто же далъ возможность явиться этимъ капиталамъ и дѣлать успѣшнѣе самое производство? Сбереженія народа, шедшія въ налогъ, на которыя содержалась вся культура, создавшая науку, въ свою очередь создавшую капиталы. Каждое орудіе, каждая машина, каждый усовершенствованный способъ обработки есть плодъ знанія и умственной культуры. Сколько бы мы ни скопили въ нашихъ сундукахъ монеты, она бы осталась мертвой монетой безъ науки и знанія. Знаніе же это явилось и могло существовать благодаря только тому, что лица, его представлявшія, должны были содержаться на счетъ чужой работы и чужихъ сбереженій. Кто же содержалъ все это на свои сбереженія, какъ не народная масса? Государство, стало быть, содержавшее все это на сбереженія массы или налогъ, должно еще разъ гарантировать этой массѣ пользованіе плодами такихъ сбереженій, и слѣдовательно признать право за массой на плоды этихъ сбе-

реженій. Какъ же произвести такую гарантію? Мы убѣждены, что и тутъ наши болтуны не преминутъ выпустить противъ насъ пугающую тѣнь соціализма; но мы опять перекрестимъ эту плутню правомъ собственности и не спустимъ нашихъ болтуновъ съ этой юридической почвы, отъ которой они не смѣютъ отказываться и которая составляетъ все основаніе нашихъ разсужденій. Мы пойдемъ далѣе и объяснимъ, что всѣ эти разсужденія въ нашихъ глазахъ имѣютъ до сихъ поръ характеръ чисто теоретическихъ разсужденій, изъ которыхъ мы не запрещаемъ дѣлать каждому тѣхъ практическихъ примѣненій, какія ему покажутся лучше. Пусть наши реорганизаторы требуютъ большей или меньшей постепенности, большей или меньшей осторожности и вниманія къ интересамъ постороннимъ, мы ничего не имѣемъ противъ этого. Это уже будетъ вопросъ практическаго осуществленія, но пусть признаютъ теоретически вѣрнымъ и послѣдовательнымъ принципу собственности признаніе за рабочимъ права на пріобрѣтенія и успѣхи общей культуры, которую онъ вскормилъ своими сбереженіями—пусть признаютъ, что если съ успѣхами культуры единица человѣческаго труда или трудъ рабочаго сталъ въ десять разъ производительнѣе, чѣмъ прежде, то это не потому, что въ рукахъ такъ называемыхъ капиталистовъ и банкировъ скопилось ихъ сбереженіями столько-то пудовъ монеты. Эта монета своимъ скопленіемъ не можетъ придать ни на іоту успѣшности текущему труду и производству, а сталъ производительнѣе трудъ потому, что онъ на свои собственныя сбереженія содержалъ вѣками умственную культуру, которая только и обратила эти пуды монеты въ производительные, которая только и дала имъ возможность преобразиться въ машины и орудія. Крестьянинъ, стало быть, плативший налогъ, воспитавшій на этотъ налогъ культуру, одухотворилъ капиталы на свои сбереженія, онъ далъ имъ производительную силу, и слѣдовательно производительная сила капиталовъ есть прямой плодъ ничего другого, какъ сбереженій народной массы. Наши экономисты, разсуждая о производительной силѣ капиталовъ, упустили изъ виду весьма существенное промежуточное звѣно — умственную и административную культуру, которой капиталы только и обязаны своей производительностью и безъ которой они не болѣе, какъ мертвые нули. Пусть признаютъ поэтому теперь, что противно началамъ собственности отказывать работнику въ правѣ на успѣхи и прибыль въ производительности, которую получилъ его трудъ не благодаря скопленію или сбереженію монеты отдѣльными лицами, какъ это обыкновенно утвер-

ждается, а благодаря примѣненію крестьянскихъ сбереженій путемъ налога къ развитію культуры; и пусть сознаются, что возмутительно, глупо и тупоумно признавать право на весь успѣхъ въ производительности за фабрикантомъ, который ничего не сдѣлалъ другого, кромѣ того, что сберегъ нѣсколько пудовъ монеты. И можно ли даже, разсуждая здраво, поставить рядомъ права двухъ такихъ лицъ, какъ работника и капиталиста, изъ которыхъ одинъ производилъ не только вѣковыя сбереженія, но и примѣнялъ ихъ черезъ посредство государства къ такимъ занятіямъ, которыя и удесятерили производительность труда; а второй произвелъ только нѣсколько сбереженій. Крестьянинъ на собственные труды произвелъ умственную культуру: можно ли отдать ее даромъ на пользованіе капиталиста, который ничего не сдѣлалъ, кромѣ нѣсколькихъ сбереженій, да и тѣ только потому сдѣлалъ, что ему слишкомъ дешево доставался крестьянскій трудъ, благодаря крѣпостному праву и другимъ несправедливостямъ.

Пусть поймутъ еще разъ наши наемные болтуны, что тутъ рѣчь не объ отнятіи у капиталистовъ ихъ сбереженій, а въ отвѣтѣ на вопросъ, можетъ ли государство, изображающее въ этомъ случаѣ представителя правъ собственности народа на успѣхи въ культурѣ, дать это право, эту чужую собственность въ безвозмездное пользованіе капиталиста, не посягнувъ на неотъемлемые интересы тѣхъ, кто довѣрялъ ему вѣками свои сбереженія? А если это такъ, то отсюда намъ нуженъ одинъ выводъ для того, чтобы вывести вопросъ на совершенно ясную, практическую дорогу. Во имя правъ собственности и справедливости требуется очевидно, чтобы рабочая плата была связана и поставлена въ прямое отношеніе къ тому, въ чемъ собственно и выражаются дѣйствительные плоды вѣковыхъ крестьянскихъ сбереженій, чтобы она была связана съ общей выработкой, и имѣла свою часть въ возрастаніи этой выработки, возрастающую вмѣстѣ съ ея увеличеніемъ.

Тогда только трудъ будетъ оплачиваться возрастающимъ образомъ, сообразно возрастанію его производительности; достатокъ массы, соразмѣренный съ успѣхами культуры, будетъ неизбѣжно увеличиваться и будетъ доказано, что налоги, которые несъ крестьянинъ вѣками, не были имъ несены даромъ. А если рабочая плата будетъ соразмѣряться съ общей выработкой, то вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ возрастанія ихъ, дѣло свободы будетъ получать все въ большей и большей степени ту реальную точку опоры, которой ему не доставало до сихъ поръ и вслѣдствіе чего эта свобода строилась на воздухѣ.

Пусть только государство признаетъ какое либо право работника на успѣхи общей выработки, пусть выразитъ это право какъ хочетъ умѣренно, съ какою хочетъ постепенностію, и это государство опередитъ всѣ остальныя на дорогѣ признанія права собственности и истиннаго гражданскаго развитія.

И послѣ этого-то есть люди, которые хотятъ отказывать государству въ правѣ блюсти экономическіе интересы массы. Да какъ же ему не блюсти этихъ интересовъ, если масса эта вѣками отдавала ему свои сбереженія, что же прикажете отвѣтить ему этимъ рабочимъ? Я растратило всѣ эти сбереженія?—Это будетъ неправда. Я отдало ихъ въ руки капиталистовъ, каторые ими и пользуются. Вотъ что будетъ принуждено отвѣтить государство, которому отказываютъ въ его прямой обязанности отвѣчать передъ народомъ за неприкосновенность такихъ сбереженій.

Послѣ этого въ настоящее время, когда въ ходу вопросъ объ общинной предпріимчивости, находятся логики, которые отказываютъ государству въ правѣ протекціонировать устройство народной промышленности ссудами изъ налоговъ, вносимыхъ тѣмъ же народомъ; выкупомъ предпріятій изъ рукъ капиталистовъ, заказами на поставку матеріала въ казну.

Ясно, что тѣмъ или другимъ способомъ государство должно обезпечить народу право собственности на долю успѣховъ и выгодъ въ общемъ производствѣ.

Спросятъ о практической формѣ для такого права, но тутъ пока рѣчь не о практической формѣ, а только о признаніи самаго права рабочихъ на эту долю въ принципѣ. Остальное придетъ само собою. Пусть признаетъ только читатель это право и народа и государства, какъ слѣдуетъ, и тогда мы увидимъ, нужны ли еще будутъ ему теоріи, пропагандирующія необходимость его патронатства надъ низшими классами, если это патронатство не будетъ сулить ему никакихъ матеріальныхъ выгодъ. Однимъ такимъ признаніемъ, мы увѣрены, будетъ сдѣлано гораздо болѣе и въ пользу освобожденія мысли, и изгнанія изъ литературы всякаго рода софизмовъ, чѣмъ всѣми формальными льготами. До тѣхъ же поръ самыя формальныя льготы останутся по неволѣ крайне условны, ибо, какъ могъ убѣдить постоянный опытъ, общественное мнѣніе такъ называемаго цивилизованнаго общества имѣетъ положительный вѣсъ и вліяніе на направленіе самаго законодательства. Законодательство платитъ ему неизбѣжную дань, и какъ бы ни были либеральны побужденія, его вызывавшія, въ суммѣ оно

даетъ просто реальныя послѣдствія, опредѣляющіяся общественнымъ мнѣніемъ и тенденціями цивилизованнаго класса. Изъ него выходятъ исполнители этого законодательства, да и самые его составители. Итакъ, еще разъ, на самый законъ, опредѣляющій внѣшнее положеніе печати, съ чисто формальной стороны мы должны смотрѣть не какъ на кодексъ взглядовъ и мнѣній на этотъ предметъ одного правительства, но и кодексъ мнѣній объ этомъ предметѣ самаго читателя. И точно также должны мы смотрѣть и на самыя послѣдствія этого закона на практикѣ. Если читатель проникнется лучшими побужденіями, чѣмъ теперь, то проповѣдь истины, согласной съ этими побужденіями, не встрѣтитъ препятствія; если же она встрѣтитъ эти препятствія, то это отнесется къ нежеланію истины, самимъ читателемъ. И тогда не только не долженъ онъ ждать какого либо улучшенія въ литературѣ, но едва ли не долженъ ждать совершенно противнаго. Если онъ будетъ питать и поддерживать софизмы своими поощреніями, то софизмы эти падутъ чистымъ градомъ на народныя нивы, а съ нимъ вмѣстѣ проростетъ и утратится всякая надежда страны на какой либо гражданскій успѣхъ, какое либо довольство, свободу и правду.

Итакъ книги въ руки теперь читателю, пусть рѣшаетъ теперь, какъ знаетъ.

II.

И такъ, заѣданіе мужицкаго хлѣба — вотъ твой недугъ, читатель. Мужикъ сберегъ землю; онъ сберегъ и одухотворилъ капиталы, которыми мы пользуемся, и мы не признаемъ даже за нимъ никакого права на эти сбереженія, не чувствуемъ, что такому пользованію съ нашей стороны не достаетъ нравственной опоры. Вотъ въ чемъ твое гражданское варварство и безнравственность. Мужикъ, доказали мы, имѣетъ формальное право на землю и капиталы, и мы можемъ для ясности, если не измѣрить это право совершенно точно, то дать, по крайней мѣрѣ, понятіе о размѣрѣ этого права. Мужикъ несетъ въ настоящее время 300 слишкомъ милліоновъ налоговъ, не считая повинностей, которыя на дѣлѣ должны равняться почти той же суммѣ; но мы ограничимся этими 300 милл. Такъ какъ платить 300 милл. изъ ничего нѣтъ возможности, то тѣмъ самымъ, что мы заставляемъ его платить эти 300 милл.—разсуждая изъ коммерческихъ основаній, на которыхъ основываются всѣ текущія экономическія разсужденія—слѣдуетъ думать, что мы предполагаемъ его обладателемъ извѣстнаго

капитала, доходомъ отъ котораго и могутъ увеличиваться эти 300 милл. Они могутъ разсматриваться нами, говоря иначе, только какъ процентъ съ извѣстнаго капитала, который, само собою разумѣется, долженъ находиться въ рукахъ тѣхъ, кто платитъ этотъ процентъ. Какой же процентъ могутъ составить эти 300 милл. и какой процентъ можетъ брать государство въ налогъ или на общія сбереженія, не убивая самихъ размѣровъ производства? Если мы остановимся на 5%, то, капитализируя 300 милл. дохода изъ 5%, получимъ капиталъ въ 6 милліардовъ рублей въ видѣ земли и движимыхъ капиталовъ, которые предполагаются однимъ фактомъ налога за народную принадлежность. Если мы допустимъ затѣмъ устраненіе народа отъ формальнаго права на землю и капиталы, то мы заставимъ платить этотъ народъ налогъ или процентъ изъ такихъ капиталовъ, которыми онъ вовсе не пользуется и которыми пользуется исключительно цивилизованное сословіе,—будетъ ли тутъ какая-нибудь послѣдовательность?

И такъ, самый фактъ налога, налога, лежащаго у насъ даже съ формальной стороны исключительно до сихъ поръ на податныхъ сословіяхъ, равносиленъ признанію въ принципѣ за народомъ права на означенные 6 милліардовъ капитала. И такъ какъ предметомъ налога не можетъ быть исключительно земля, а сумма всѣхъ производствъ и средствъ дохода, то этимъ самымъ объясняется, что означенные 6 милліардовъ, на которые ипотечески простираются права народа, составляютъ одинаково какъ земли, такъ и капиталы всякаго рода, и налогъ не только не устанавливаетъ формальное право народа на землю, но и на капиталы движимые. Сумма всѣхъ нашихъ капиталовъ не опредѣлена, и потому мы не можемъ сказать, въ какомъ отношеніи это право народа находится ко всей суммѣ капиталовъ, имѣющихся въ странѣ; но этого намъ знать не нужно. Достаточно того—самыя историческія основанія устанавливаютъ за народомъ въ суммѣ, даже изъ капитализаціи изъ 5%, право на капиталъ въ 6 милліардовъ, что составитъ по тысячѣ рублей капитала на каждую душу общаго населенія или по двѣ съ половиной тысячи на тягло. Замѣтимъ, что при этомъ вовсе не капитализировали повинность, и вмѣстѣ съ тѣмъ у насъ получается все, что нужно для того, чтобы рѣшить два вопроса: 1) что работникъ, въ силу налога, имѣетъ право фигурировать не въ качествѣ простаго работника въ общей производительности, а въ качествѣ лица съ извѣстнымъ капиталомъ, который въ каждомъ частномъ случаѣ мы можемъ выразить или землей, или деньгами, такъ что если поземельный душевой надѣлъ оцѣнивается въ 120 руб., то эта

сумма составляетъ почти $^1/_9$ часть того рабочаго капитала, на который имѣетъ формальное право работникъ въ силу налога, который онъ несетъ. А отсюда рѣшается и вопросъ, 2) что если намъ казались слишкомъ притязательными тѣ требованія, которыя призывали содѣйствіе государства къ выкупу земли, а въ другихъ мѣстахъ и промышленныхъ предпріятій въ руки народа, то разсуждая строго, обязанность выкупа едва ли ни должна была пасть на цивилизованное сословіе для того, чтобы оно могло считать свой достатокъ утвержденнымъ на совершенно справедливыхъ, легальныхъ основаніяхъ.

Все это говоримъ мы не въ видахъ какихъ-либо прямыхъ посягательствъ на существующія условія. Мы говоримъ все это только отвлеченно въ видахъ принциповъ,—говоримъ не для того, чтобы лишать читателя чего либо, что за нимъ до сихъ поръ признано, а для того, чтобы уяснить только его собственный взглядъ на его statu quo,—для того, чтобы примирить его съ той мыслью, что въ принципѣ крестьянинъ имѣетъ формальное право фигурировать вездѣ не въ качествѣ пролетарія, а лица имущаго, лица съ извѣстнымъ капиталомъ, который, если не оказывается въ его рукахъ, то виною въ этомъ не онъ самъ, не его лѣнь и бездѣйствіе, или даже не фатальныя какія-либо силы, лежащія въ природѣ вещей, какъ это говорится сплошь и рядомъ, а силы весьма осязательныя и условныя, которыя не трудно указать совершенно точно и дать почувствовать, что эти силы совершенно въ нашей власти.

Если крестьянинъ въ историческомъ результатѣ не является передъ нами на дѣлѣ съ извѣстнымъ капиталомъ въ рукахъ, то виноваты въ этомъ тѣ прямыя стѣсненія, которыя налагалъ законъ къ тому, чтобы онъ въ концѣ концовъ могъ оказаться на дѣлѣ съ такимъ капиталомъ.

Виновато прежде всего крѣпостное право, въ силу котораго крестьянинъ несъ два налога,—одинъ болѣе или менѣе опредѣленный въ казну и другой безпредѣльный въ пользу помѣщика или землевладѣльца. Послѣдній бралъ весь его избытокъ, т. е. именно тѣ средства, изъ которыхъ долженъ былъ составиться тотъ народный капиталъ, о которомъ идетъ рѣчь, бралъ весь его трудъ и потреблялъ его прямо или непосредственно на производство своей роскоши и тѣмъ лишалъ крестьянина возможности развить промышленность, ему именно соотвѣтствующую, гдѣ бы самъ крестьянинъ былъ хозяиномъ. Черезъ это наша промышленность удержалась вообще на земледѣльческой ступени и только обогащала на счетъ русскаго му-

жика иностраннаго фабриканта роскоши. Далѣе, точно также какъ земледѣліе, были нашему крестьянину прямо заказаны нѣкоторые и самые прибыльные виды промышленности, какъ-то винокуреніе, и удержано было винокуреніе исключительно за дворянствомъ. Что же касается вообще нашей торговли и промышленности, то она разсчитана была опять-таки на крохи, иногда и крупныя, переходившія черезъ дворянскія руки купцамъ, ремесленникамъ изъ иностранцевъ, и стягивавшіяся отъ тѣхъ же крестьянъ въ силу крѣпостного права. Такимъ-то вотъ образомъ составились всѣ наши капиталы, какъ землевладѣльческіе, такъ и промышленные и торговые — путемъ крѣпостной зависимости и налога, а часто и прямо казнокрадства. Такимъ-то путемъ мужикъ былъ лишенъ того капитала, который составляетъ его формальное право, не виною какихъ либо невидимыхъ силъ, а виною прямого, но вреднаго закона о крѣпостной власти. И понятно, что роль, которую при этомъ игралъ въ силу этого закона, составитель капиталовъ, землевладѣлецъ, чиновникъ или купецъ, была одинаково анти-патріотическая, анти-соціальная, анти-справедливая и анти-честная. И такимъ-то образомъ въ результатѣ народъ оказался платящимъ налогъ съ капиталовъ, которыми онъ не пользуется, но на которые онъ имѣетъ формальное право, если мы только взыскиваемъ съ него этотъ налогъ. Это противорѣчіе создалъ положительный законъ, онъ же долженъ поэтому и исправить его. *Народъ имѣетъ право фигурировать въ общей производительности съ извѣстнымъ капиталомъ* — и законъ долженъ признать это право и осуществить его. Это право, представлявшееся намъ вообще до сихъ поръ смутнымъ требованіемъ экономической необходимости всеобщей пользы, имѣетъ, какъ мы видимъ теперь, совершенно легальныя, категорическія основанія въ комерческихъ понятіяхъ, которыя всѣми признаются за легальныя. Оно не нарушаетъ экономическихъ принциповъ, всѣми признаваемыхъ, и опирается вовсе уже не на соціалистическія разсужденія, а даетъ намъ все, что нужно для того, чтобы работникъ не считался пролетаріемъ, а хозяиномъ производства, и работалъ не на другихъ, а самъ на себя. Народный основной капиталъ въ 6 милліардовъ, — вотъ фондъ, кажется, совершенно достаточный для устройства народной промышленности, для перенесенія центра тяжести культуры въ крестьянскую среду, для начала истинно народной цивилизаціи и рѣшенія вопроса между трудомъ и капиталомъ, по крайней мѣрѣ въ принципѣ. Для того, чтобы дѣйствовать къ этой цѣли, законъ имѣетъ теперь не общее основаніе общей пользы только, а фор-

мальное основаніе, составленное изъ тѣхъ же понятій, которыя признаются за справедливыя самимъ цивилизованнымъ обществомъ. Никакая наука, никакой честный владѣлецъ не можетъ защищать, послѣ сказаннаго, свои права съ формальной стороны на лишеніе крестьянства капиталовъ, служащихъ всѣмъ основаніемъ крестьянскихъ налоговъ. Онъ можетъ сказать только, что выкупъ тѣхъ капиталовъ, на которые имѣетъ право крестьянинъ, былъ бы для него слишкомъ тяжелымъ и раззорительнымъ; но онъ не можетъ считаться чистымъ и безупречнымъ отъ заѣданія мужицкаго хлѣба — пока за крестьяниномъ не утверждено право на эти капиталы, на которые послѣдній имѣетъ въ строгомъ смыслѣ право, т. е. пока владѣлецъ не выкупилъ у крестьянъ этихъ капиталовъ или пока крестьянинъ не утвержденъ на дѣлѣ участникомъ въ прибыляхъ отъ промышленности и земледѣльческихъ предпріятій, и пока рабочая плата не связана съ извѣстнымъ доходомъ съ капитала, на который имѣетъ право крестьянство. И если капиталистъ и видѣлъ еще недавно, что законъ возлагалъ обязанность поземельнаго выкупа на крестьянъ, то послѣ сказаннаго онъ можетъ смотрѣть на эту мѣру, какъ на крайнюю уступку въ свою пользу, и никакъ не терять изъ вида, что въ принципѣ можно было идти гораздо далѣе и разсуждать немного иначе, что въ принципѣ само законодательство должно было по самой справедливости идти гораздо далѣе.

Этимъ рѣшается въ принципѣ главная экономическая теорема объ отношеніи труда къ капиталу. Съ ней то долженъ освоиться и примириться прежде всего, читатель, для того, чтобы быть честнымъ и справедливымъ въ своихъ экономическихъ взглядахъ и ясно понимать удѣльную справедливость своего настоящаго положенія—своихъ достатковъ. Онъ долженъ понимать, что пока народу не возвращено право на капиталы и народъ не является капиталистомъ въ предпріятіяхъ землевладѣльческихъ и промышленныхъ, до тѣхъ поръ положеніе цивилизованнаго читателя находится въ переходномъ состояніи по дорогѣ къ справедливости; до тѣхъ поръ пока онъ не уплатилъ своего долга народу, онъ долженъ болѣе или менѣе считать себя заѣдателемъ народнаго хлѣба и въ долгу у народа. Въ общемъ счетѣ такая уплата можетъ быть плодомъ времени и общихъ усилій. Пока она не совершена, цивилизованный читатель не можетъ себя считать честнымъ и безукоризненнымъ въ своемъ частномъ хозяйствѣ и частномъ быту. Но онъ можетъ направить свою внѣшнюю дѣятельность въ томъ смыслѣ, чтобы способствовать утвердиться положенію

нынѣшнихъ цивилизованныхъ классовъ на болѣе справедливыхъ и не связанныхъ съ заѣданіемъ чужаго хлѣба основаніяхъ. Кажется, что дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, онъ только и будетъ дѣйствовать честно. Въ этихъ то видахъ отъ него требуется признаніе въ принципѣ справедливости такой уплаты долга народу цивилизованныхъ классовъ и содѣйствіе общимъ усиліямъ къ такому результату, и я не думаю, чтобы послѣ сказаннаго намъ нужно было прибавить, что заѣданіе чужаго хлѣба, въ которомъ повиненъ почти каждый, составило для кого нибудь предметъ сомнѣнія.

Но въ томъ-то и дѣло, говорятъ намъ со всѣхъ сторонъ что цивилизованные классы вездѣ до того лишены энергіи въ силу долгой привычки жить на чужой счетъ, что они никогда не будутъ способны, во первыхъ, признать въ принципѣ то, что для нихъ невыгодно, и во вторыхъ, еще менѣе будутъ способны дѣйствовать въ смыслѣ справедливости наперекоръ своимъ интересамъ. Этотъ-то новый вопросъ до того серьезенъ, что мы намѣрены имъ заняться.

Чтобы видѣть, какъ относятся къ этому вопросу другіе, приведемъ здѣсь слова одного изъ самыхъ честныхъ и даровитыхъ защитниковъ народныхъ интересовъ, къ несчастью слишкомъ рано похищеннаго смертью—Лассаля.

«Уже съ давнихъ поръ, пишетъ Лассаль, развитіе народовъ, дыханіе исторіи идетъ все къ большей и большей отмѣнѣ привилегій, которыя гарантируютъ высшимъ сословіямъ ихъ положеніе, какъ высшихъ и господствующихъ сословій. Поэтому желаніе сохранить эти привилегіи и дальше, или *личный интересъ*, побуждаетъ каждаго члена высшихъ сословій, который не сталъ одинъ разъ навсегда выше этого, посредствомъ широкаго пониманія всего своего личнаго существованія (и понятно, что такіе случаи всегда будутъ только немногочисленными исключеніями), этотъ личный интересъ тѣмъ самымъ побуждаетъ члена высшихъ сословій становиться во враждебныя по принципу отношенія къ развитію народа, къ распространенію образованія и науки, къ успѣхамъ культуры, ко всѣмъ стремленіямъ и побѣдамъ исторической жизни».

«Эта самая противуположность личнаго интереса высшихъ сословій и культурнаго развитія націи и вызываетъ сильную и необходимую безнравственность высшихъ классовъ. Стоитъ только представить себѣ ежедневныя условія этой жизни, чтобы почувствовать глубокій внутренній упадокъ, къ которому она должна вести. Быть вынуждену каждый день сопротивляться всему великому и доброму, озабочиваться

его удачей, радоваться его неудачамъ, задерживать его дальнѣйшіе успѣхи, ворочать назадъ или проклинать успѣхи уже сдѣланные. Это вѣчно жизнь—какъ будто во вражеской странѣ—и этотъ врагъ есть нравственное общеніе съ собственнымъ народомъ, общеніе, въ которомъ должна идти жизнь, и трудиться для котораго и есть вся истинная нравственность. Это вѣчно, говорю я, жизнь какъ будто во вражеской странѣ, этотъ врагъ есть собственный народъ, и что этотъ народъ считаютъ врагомъ и поступаютъ съ нимъ, какъ съ врагомъ—это надо хитро скрывать, по крайней мѣрѣ, сколько возможно дольше, и эту враждебность надо маскировать болѣе или менѣе искусными уловками».

«Къ этому присоединяется еще необходимость или дѣлать все это противъ голоса собственной совѣсти и понятій, данныхъ образованіемъ, или же, по обычаю, истребить въ себѣ этотъ голосъ, какъ скучную помѣху, или, наконецъ, никогда не знать этого голоса, никогда не знать ничего другого, и ничего лучше, кромѣ религіи собственной выгоды».

«Такимъ образомъ, эта жизнь необходимо ведетъ съ собой совершенное пренебреженіе и презрѣніе ко всякому идеальному стремленію, вызываетъ сострадательную усмѣшку, какъ только произносится великое имя идеи, ведетъ съ собой глубокое безчувствіе и отвращеніе ко всему прекрасному и великому, полную гибель всѣхъ живущихъ въ насъ нравственныхъ элементовъ, гибель ихъ въ одной страсти себялюбивой корысти и наслажденія».

«Этой-то противуположности личнаго интереса и культурнаго развитія націи и нѣтъ, къ счастію ихъ, у низшихъ классовъ общества».

Но мы отвѣчаемъ, что въ такомъ приговорѣ заключается только вина истины, что утверждать безнадежную испорченность цивилизованныхъ классовъ значитъ тоже, что утверждать, что прямо заинтересованное въ несправедливости чисто-цивилизованное сословіе неспособно не только само гнушаться вообще того, что можетъ считаться противнымъ честности, но даже способно бравировать понятіе о честномъ и безчестномъ той доли цивилизованнаго класса, которая вовсе не заинтересована земными выгодами, чтобы бѣжать справедливыхъ идей, и которая составляетъ всегда и вездѣ извѣстную долю цивилизованнаго общества. Что касается прямо этого испорченнаго сословія, то испорченность его не избавляетъ его всетаки отъ дисциплины общественнаго мнѣнія и трусости передъ тѣмъ, что считается вообще безчестнымъ въ кругу людей, съ которыми имъ прихо-

дится жить и дѣйствовать, такъ что это равнодушіе ихъ съ другой стороны къ образу дѣйствія совершенно безчестному и постыдному въ гражданскомъ отношеніи можетъ быть столько же легко объяснено просто непониманіемъ общественнымъ мнѣніемъ того, что въ сущности совершенно безчестно—неразвитостью понятій этого цивилизованнаго общества. Что касается вліянія дисциплины общественнаго мнѣнія на этихъ людей, то для доказательства ея у насъ подъ рукой есть текущіе факты. Не далѣе какъ нѣсколько дней тому назадъ, «День» опубликовалъ подробности о поддѣлкѣ фальшивой монеты, открытой между помѣщиками Харьковской губерніи. Какой то полякъ Шипшинскій завелъ на одномъ хуторѣ фабрику серій въ большомъ размѣрѣ, по всѣмъ правиламъ монетнаго искусства, и въ дѣло оказались замѣшанными два предводителя дворянства и вообще лица высшаго сословія. «Это все добрыя дворянскія имена», пишетъ «День», людей съ этими именами вы можете не однажды встрѣтить въ такъ называемомъ «лучшемъ обществѣ»; эти фамильныя имена имѣютъ многочисленное родство въ свѣтскомъ кругу, окружены болѣе или менѣе, своего рода аристократическимъ блескомъ, по крайней мѣрѣ на мѣстахъ ихъ жительства. Это люди нѣкогда блиставшіе въ свѣтѣ, «вполнѣ джентельмены», какъ любятъ выражаться на свѣтскомъ жаргонѣ; люди съ изящными свѣтскими манерами, получившіе общее всѣмъ дворянское воспитаніе и образованіе, владѣющіе иностранными, или французскимъ языкомъ не хуже, если не лучше, чѣмъ своимъ собственнымъ. Мало того: это люди, имѣющіе значительное и почетное общественное положеніе въ своихъ губерніяхъ. Кто живалъ въ Курской и Харьковской губерніяхъ, тотъ знаетъ, какимъ авторитетомъ въ кругу дворянъ и даже въ народѣ пользовались эти люди, напр., хоть несчастный Солнцевъ—мѣстный аристократъ по современному, ходячему въ дворянствѣ опредѣленію, или «столбовый русскій баринъ», по понятію купцовъ и мѣщанъ. Мало этого: изъ этихъ людей одинъ занималъ еще недавно, въ прошломъ году, а другой занимаетъ еще и въ настоящее время—самую почетнѣйшую, по мнѣнію нѣкоторыхъ, должность предводителя дворянства; и тотъ и другой вполнѣ законные представители благороднаго россійскаго сословія, по свободному уполномочію дворянъ — свободно, по собственному вкусу и разсмотрѣнію, примѣнившихъ къ нимъ «выборное начало». Можно правительство винить за многое, но ужъ никакъ не приходится винить ни правительство, ни чиновниковъ, ни бюрократію за то, что дворянство избираетъ своими представителями

людей, способныхъ войти въ связь съ дѣлателями фальшивыхъ ассигнацій».

Такъ описываетъ «День» этихъ фальшивыхъ монетчиковъ, и затѣмъ вдается въ разныя пространныя размышленія на счетъ нравственной мякоти русской цивилизованной души, не способной стоять противъ соблазна.

Но сила не въ самомъ происшествіи, не въ томъ, что въ дѣло замѣшались предводители дворянства, а въ томъ, что по этому поводу возникъ въ нашихъ газетахъ разговоръ о томъ, принадлежитъ ли поддѣлка монеты вообще къ дворянскимъ преступленіямъ и какія преступленія свойственны дворянской чести—возникъ этотъ вопросъ и подалъ поводъ къ разнорѣчіямъ. «День» стоитъ на томъ, что дворянское преступленіе скорѣе убійство, а всякаго рода воровство скорѣе мужицкое преступленіе. «Голосъ» съ своей стороны намекаетъ, что дворянское преступленіе бунтъ и тутъ же приводитъ особое мнѣніе какого то спеціальнаго органа «столбовыхъ» о дворянской чести, который выразился по этому поводу, будто бы слѣдующимъ образомъ: «что чѣмъ крупнѣе воровство, тѣмъ преступленіе требуетъ больше тонкости, искусства, тѣмъ утвердительнѣе можно сказать, что преступники принадлежатъ къ высшему слою общества. Шулера всѣхъ сортовъ и видовъ выходятъ обыкновенно изъ этой среды. Но эта, столь презираемая, «дворянская честь» часто вынуждаетъ стрѣляться и вѣшаться (какъ это и слѣдовало въ настоящемъ случаѣ) людей, опозоренныхъ преступленіемъ. Они считаютъ невозможнымъ жить, они сами себя казнятъ смертью. Но есть другая среда, которой такая добровольная казнь не приходитъ въ голову».

Изъ всѣхъ этихъ судей самый компетентный защитникъ «столбовыхъ», какъ его называетъ «Голосъ» долженъ быть самый безпристрастный. Ему то мы и вѣримъ, потому что это все, что намъ нужно въ настоящемъ случаѣ. Есть же вотъ значитъ вещи, безчестность которыхъ способны чувствовать эти развращенные и безнравственные цивилизованные люди; есть поступки, изъ за которыхъ они способны застрѣливаться; и если они застрѣливаются въ случаѣ открытія за ними такихъ поступковъ, то конечно слѣдуетъ предположить, что и тѣ даже изъ этихъ людей, которые шли наперекоръ понятіямъ о честности, во что нибудь считали при этомъ общественное мнѣніе, ибо до тѣхъ поръ, пока они шулерствовали шито и крыто, одно угрызеніе совѣсти не доводило ихъ до самоубійства. Обращаясь же въ частности къ харьковскому дѣлу, не трудно и на этомъ примѣрѣ показать, какія условія должны были способствовать здѣсь притупленію совѣстей.

Мы не спросимъ, почему Солнцевъ оказался въ дѣлѣ рядомъ съ бахмутскимъ предводителемъ, третьимъ лицемъ, съ щегольскими руками и благородными дамами, а спросимъ, была ли бы причина удивляться, если бы даже цѣлое, такъ сказать, общество цивилизованныхъ лицъ оказалось тамъ, гдѣ оказались, для закваски, г. Солнцевъ и предводители дворянства. Намъ кажется, что всего рискованнѣе было здѣсь оказаться кому нибудь первому и изъ гг. Солнцевыхъ и компаніи. Для бахмутскаго предводителя дворянства было уже гораздо менѣе риска оказаться въ той же компаніи — разъ въ ней было нѣсколько Солнцевыхъ; и такъ чѣмъ дальше, тѣмъ легче. Тамъ, гдѣ были представители 22 тысячъ десятинъ земли, т. е. самая вліятельная часть мѣстнаго общества, тамъ увлечь въ дѣло нѣсколько отдѣльныхъ мелкихъ лицъ было уже вовсе не трудно. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше дѣло, завязавшееся между нѣсколькими лицами, какъ Солнцевы и проч., имѣло шанса увлечь въ свою исторію все большее число людей на томъ простомъ соображеніи, что каждый, которому предлагалось принять участіе, долженъ ъбылъ разсуждать очень здраво—разсуждать такъ: «Если бы я былъ здѣсь одинъ, то на меня могъ бы обрушиться и законъ и общественное мнѣніе; теперь же общественное мнѣніе все тутъ сопричастно и Солнцевъ, и бахмутскій предводитель, и свѣтскія дамы, стало быть вся мѣстная знать повинна въ одномъ и томъ же и никто не можетъ упрекнуть другого въ безчестіи; стало быть съ этой стороны вступить въ дѣло не предстоитъ ни малѣйшей опасности».

Тоже было бы, если завелся на землѣ такой уголъ, гдѣ бы все общество оказалось шулерами,—попадайся ири этомъ кто нибудь или не попадайся въ шулерствѣ,—стыдить другъ друга тутъ было бы некому и тѣмъ легче всякое новое лицо могло оказаться шулеромъ. И войди въ такомъ обществѣ въ привычку такое дѣло, общественное мнѣніе кончило бы тѣмъ, что стало бы смотрѣть на шулерство, какъ на самое обыкновенное дѣло. Мало того, изобрѣло бы оно и своего рода теорію для объясненія этого дѣла, какъ похвальнаго. Это война, стало бы, быть можетъ, объяснять такое общество—такая же война, какъ всякая спекуляція и торговля; кто ловчѣе, кто усерднѣе, кто прилежнѣе и усидчивѣе, тотъ и побѣдитель, и кончилось бы тѣмъ, что общество въ самомъ дѣлѣ убѣдилось бы, что это дѣло вовсе не безчестное и эта война или борьба между лицами дѣло законное и даже полезное, возбуждающее личную энергію и духъ предпріимчивости въ обществѣ, и шулерство получило бы этимъ путемъ совер-

шенное право гражданства, и тогда, попадаясь въ немъ, никто не сталъ бы и стрѣляться болѣе. Точно также и въ Харьковскомъ дѣлѣ. Окажись въ немъ достаточное число Солнцевыхъ и всякаго рода столбовыхъ, имѣющихъ вѣсъ и вліяніе, продлись это дѣло удачно, войди оно, такъ сказать, въ обычай, и нѣтъ сомнѣнія, что сама харьковская коробочка, лицо, какъ извѣстно изъ «Мертвыхъ душъ»,—самое недовѣрчивое во всемъ составѣ дворянъ, которыхъ объѣзжалъ Чичиковъ,—повѣрила бы, наконецъ, что бахмутскій предводитель завелъ все это съ разрѣшенія, и что поддѣлка серій не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго; а г. Ноздревъ, изображающій мѣстную науку, доказалъ бы нѣсколькими публичными лекціями благородство и правоту поддѣлывателей фальшивой монеты на томъ спеціальномъ основаніи, что люди, занимающіеся поддѣлкой, ничего другаго не дѣлаютъ, какъ только ведутъ войну, отстаиваютъ право личности, блюсти о своемъ благосостояніи, попранное государственнымъ вмѣшательствомъ, что поддерживаетъ духъ спекуляціи и проч. Этимъ путемъ простой прикосновенности къ шулерству или поддѣлкѣ фальшивыхъ ассигнацій цѣлаго общества изгладился бы въ общественномъ мнѣніи всякій слѣдъ представленія о безчестности этихъ поступковъ, и общественная совѣсть и нравственность столь же легко и скоро утратила бы ту ступень развитія во взглядахъ на честныя и безчестныя дѣянія, какую имѣетъ теперь, и общество стало бы вдвое безчестнѣе и развращеннѣе, чѣмъ оно теперь. Если же сохраняется въ настоящее время представленіе о шулерствѣ, какъ о чемъ-то безчестномъ, то сдѣдуетъ думать, 1) что кто-нибудь таки заботился о томъ, чтобы учить это общество видѣть въ этомъ шулерствѣ нѣчто не безразличное, а прямо предосудительное, и 2) кто-нибудь заботился о томъ, чтобы это шулерство стало не общимъ, а исключительнымъ явленіемъ. Заботились объ этомъ литература, образованіе и законъ. Образованіе научило видѣть въ шулерствѣ нѣчто безчестное, законъ преслѣдовалъ его съ своей стороны и такимъ путемъ составилось общественное мнѣніе, которое, въ виду частной выгоды, которую могъ бы извлечь игрокъ изъ передергиванія, противопоставило ему большія невыгоды—это остракизмъ изъ общества силой и презрѣніе со стороны общественнаго мнѣнія.

Обращаемся теперь отъ этихъ общихъ соображеній къ заѣданію *чужаго хлѣба* и спрашиваемъ, во-первыхъ, честное ли это явленіе само по себѣ? Нѣтъ, уровень нашего развитія, кажется, позволяетъ уже сообразить, разсуждая отвлеченно, что это явленіе не совсѣмъ чест-

ное, пожалуй, еще менѣе честное, чѣмъ всѣ дѣла нами взятыя для примѣра. Не нужно много сообразительности, чтобы понять, что лишеніе другаго плодовъ его труда есть самая безчестная изъ всѣхъ спекуляцій, самая грубая по формѣ, самая насильственная,—что она въ концѣ концовъ есть ничто иное, какъ заѣданіе чужой личности, что она равняется праву на личную зависимость, на холопство другаго лица, что заѣдая чужой хлѣбъ, мы заѣдаемъ личное достоинство, личную честь въ другомъ человѣкѣ. Почему же мы выучились протестовать противъ шулерства, составляющаго только одинъ изъ видовъ посягательства на чужое добро и такъ сказать только каплю въ морѣ такого рода посягательствъ. Почему намъ кажется, что мы унижаемъ свое личное достоинство шулерствуя, и не кажется, что мы унижаемъ это достоинство, заѣдая чужую личность, заставляя другихъ собой илотствовать. Почему это цивилизованное общество, способное всетаки чувствовать, какъ видите, унизительность того же шулерства, кажется до того развращеннымъ большинству соціальныхъ философовъ, что они отрицаютъ всякую надежду на то, что это общество сознаетъ когда-нибудь безчестность всякаго посягательства на чужой трудъ? Можетъ быть причина вовсе не въ испорченности. Не всякое ли общество представляется тѣмъ испорченнѣе, чѣмъ оно менѣе развито,—а слѣдуетъ ли отсюда, что всякое дикое общество не способно къ развитію? Намъ вообще плохо вѣрится въ общества испорченныя, и мы гораздо болѣе вѣримъ въ общества недоразвитыя. Такъ и тутъ мы не рѣшимся бросить камня въ это цивилизованное общество, въ которомъ нѣкоторые соціальные философы отчаиваются подобно нашимъ славянофиламъ, убѣжденнымъ въ окончательной порчѣ Европы. А спросимъ лучше, что сдѣлано было для того, чтобы убѣдить это цивилизованное общество въ томъ, что заѣданіе чужаго хлѣба, чужое униженіе противорѣчитъ личной чести, личному достоинству?

Ничего ровно въ этомъ смыслѣ не было сдѣлано для просвѣщенія цивилизованныхъ классовъ и развитія въ нихъ общественнаго мнѣнія, противодѣйствующаго такому заѣданію. Даже, если хотите, никто не указалъ серьезно на это заѣданіе, какъ на поступокъ явно безчестный и однородный съ тѣми, изъ-за которыхъ дворянская честь, какъ утверждаютъ столбовые, учитъ застрѣливаться. Законъ прямо допускалъ и оправдывалъ такое заѣданіе и училъ ему въ теченіе всѣхъ крѣпостныхъ вѣковъ. Заѣданіе чужаго хлѣба и составленіе капиталовъ на счетъ чужаго труда, заѣданіе чужой личности стало та-

кимъ всеобщимъ дѣломъ цивилизованнаго класса, такимъ обычаемъ, что никому стыдить другаго въ этомъ смыслѣ не приходилось. Гдѣ затѣмъ въ Европѣ законъ, освобождая лица отъ крѣпостной зависимости, вспомнилъ о томъ, что эта рабочая масса, содержавшая въ теченіе вѣковъ государство и культуру своими налогами, имѣла право на кой-какія сбереженія—что эти сбереженія отнимались у нее вѣками насильственно и перешли крѣпостнымъ, насильственнымъ отношеніемъ въ руки частныхъ спекуляторовъ? Гдѣ въ Европѣ, хотя въ принципѣ, законодательство напомнило этому цивилизованному обществу о несправедливости такого исхода и противорѣчіи его праву собственности? Гдѣ въ Европѣ, если не законодательство, то образованіе и *школьная* наука или присяжные просвѣтители этого общества напомнили о чемъ либо подобномъ и законодательству и этому цивилизованному обществу? Ни поддерживала ли, напротивъ, наука это цивилизованное общество въ его равнодушіи къ заѣданію чужаго хлѣба, ни учила ли она его видѣть въ немъ оплотъ личнаго достоинства и личной чести; ни учила ли она это образованное общество, что только духъ стяжанія поддерживаетъ въ немъ индивидуальную энергію и начало личности, и—вмѣсто того, чтобы направлять эту индивидуальную энергію на протестъ противъ стяжаній, роняющихъ личность, вмѣсто того, чтобы создавать въ общественномъ мнѣніи силу, противодѣйствующую заѣданія лица лицомъ,—ни учила ли она напротивъ видѣть достоинство личности въ стремленіи къ такому заѣданію лица лицомъ; ни пускалась ли она при этомъ въ игру словъ для того, чтобы успокоить и примирить совѣсть съ духомъ спекуляціи и возвести спекуляцію въ принципъ этого общества? Говоря постоянно и назойливо о вліяніи историческаго прошедшаго на настоящее, ни укрывала ли наука постоянно, что это историческое прошедшее собрало плоды чужаго труда въ цивилизованныя руки, что если народъ былъ устраняемъ въ теченіе вѣковъ въ пользу нѣсколькихъ частныхъ лицъ, то прежде чѣмъ водить этотъ народъ на состязаніе съ цивилизованными классами, честность требовала подумать о томъ, чтобы возвратить народу то, чего онъ былъ лишенъ насильственно крѣпостнымъ правомъ—или не говорить вовсе о состязаніи?

А народъ былъ лишенъ вѣками не только своихъ сбереженій, но и всякаго просвѣщенія, всякой цивилизаціи, на которую, однако, онъ несъ налоги,—словомъ, всего того, что даетъ силу лицу надъ лицомъ во всякомъ состязаніи. Какая нравственность, какая совѣсть могла быть въ самомъ дѣлѣ въ томъ, чтобы выводить на борьбу до нага

раздѣтаго человѣка, насильственно лишеннаго исторически выработанной имъ собственности, умственной культуры и цивилизаціи, и ставить рядомъ съ другимъ, у котораго былъ и туго набитый карманъ и средства цивилизаціи? Какая могла хотя на минуту быть тутъ рѣчь о соревнованіи, когда одинъ былъ вооруженъ съ головы до ногъ, другой совершенно обезоруженъ? Понятно, что рѣчь о соревнованіи могла имѣть мѣсто только въ такомъ случаѣ, если бы каждый выступалъ въ жизнь съ одинакими средствами, а какія же одинакія средства могли оказаться въ рукахъ людей, прожившихъ нѣсколько столѣтій сряду среди крѣпостнаго права отнятія плодовъ труда одной частью людей у другой, и которымъ послѣ сказали: соревнуйте.

Было ли это хотя сколько нибудь похоже на соревнованіе, или было болѣе похоже на признаніе личности въ человѣкѣ, или было это скорѣе похоже на то, когда охотникъ выпускаетъ птицу изъ клѣтки для того, чтобы доставить себѣ удовольствіе подстрѣлить ее въ лётъ. Ну и подстрѣлили западные цивилизованные классы своихъ освобожденныхъ. Выводить при такихъ условіяхъ на состязаніе народъ съ цивилизованными классами не значило ли тоже, что выводить европейцевъ на состязаніе съ американскимъ дикаремъ и еще сомнѣваться, кто тутъ останется побѣдителемъ. Ни значило ли это проповѣдывать на новый ладъ право грубой силы, новое завоеваніе просвѣщенными не просвѣщенныхъ, проповѣдывать убіеніе личности? И состязаніе ли требовала проповѣдывать послѣ этого честность, или нѣчто другое? А между тѣмъ, что кромѣ похвалы и защиты такому состязанію слышалъ цивилизованный классъ въ Европѣ отъ своей науки и образованія? Какъ же онъ могъ понять безчестность заѣданія чужаго хлѣба, если ему проповѣдывали личную спекуляцію, какъ личную доблесть, какъ стремленіе, облагораживающее его личность, а не роняющее ее, какъ это есть на самомъ дѣлѣ. И всего забавнѣе еще то, что все это проповѣдывалось во имя личности, во имя ея права. Какой взглядъ лежалъ въ основѣ такого ученія на человѣческую личность? Этотъ взглядъ ужасенъ, если только показать его во всей его наготѣ. Тутъ предполагалось не болѣе, не менѣе, какъ то, что въ человѣкѣ можетъ поддерживаться личность только до тѣхъ поръ, пока онъ имѣетъ въ виду заѣданіе или униженіе чужой личности, и разъ исчезаетъ такая канибальская приманка, онъ перестаетъ быть человѣкомъ и обращается въ тряпку. Но въ такомъ случаѣ этой нравственной философіи уже не слѣдовало говорить, что она оруДуетъ во имя личности, а прямо называя вещи по имени, сказать, что

она орудуетъ во имя угнетенія; орудуетъ потому, что такое угнетеніе составляетъ психическій законъ, отъ котораго не можетъ отдѣлаться природа человѣка.

И такъ, какъ видите, всѣ нравственныя начала этой науки, просвѣщавшей цивилизованныя сословія, сводились къ тому, чтобы признать закономъ природы и единственнымъ двигателемъ, которымъ только и можетъ побуждаться человѣкъ къ работѣ и дѣятельности, это чужое униженіе, а слѣдовательно и полезнымъ результатомъ всей цивилизаціи считать вѣчное рабство, униженіе и поруганіе человѣческой личности. Такой взглядъ на человѣческую природу, конечно, весьма идеаленъ, но если такому взгляду на человѣческую природу учили цивилизованное сословіе его наука и просвѣтители, если заѣданіе чужаго хлѣба становилось въ нравственный принципъ жизни самой наукой, то какже мы хотимъ, чтобы это цивилизованное общество видѣло въ этомъ нѣчто безчестное?

Не состязанію съ народомъ слѣдовало учить цивилизованные классы, а ликвидаціи долга ихъ народу, долга, накопившагося черезъ цѣлые вѣка; не справедливость въ порядкѣ, которымъ пріобрѣтены тѣ блага, которыми пользуется цивилизованное сословіе, должна была учить видѣть наука эти классы, а напротивъ, его явную несправедливость. Вотъ отсюда только они могли узнать, что они не совсѣмъ чисты и правы передъ народомъ, что состязаніе съ народомъ съ ихъ стороны равнялось заѣданію народнаго хлѣба и личности въ народѣ— вещь также безчестная и роняющая нравственно эти классы, какъ и всякое другое посягательство на чужую собственность. Учить: «что признать право личности въ народѣ, значитъ тоже, что признать за нимъ право на историческое наслѣдство въ земляхъ и капиталахъ,— а не признать послѣдняго значитъ не признать за народомъ личности». Честные люди давно это поняли; они поняли, что всякій, кто заѣдаетъ чужой хлѣбъ, заѣдаетъ и чужую личность и человѣческое достоинство и путь къ цивилизаціи и развитію личности. Для того, чтобы предупредить это, для того, чтобы обезпечить за лицемъ вообще право на плоды тѣхъ средствъ и сбереженій, которыя, какъ мы видѣли, выработаны народомъ вѣками, и только для этого они предлагали сдѣлать хранителемъ личныхъ интересовъ каждаго не отдѣльныя лица, а само общество.

Они думали, что если разсуждать о правѣ каждаго не во имя личнаго интереса, а во имя общаго блага, то такимъ только путемъ и оградится личное право каждаго, и каждый рождающійся не ста-

новился бы въ обществѣ работникомъ на другое лицо, а становился бы дѣйствительнымъ лицомъ, равноправнымъ съ другими, всѣ вступали бы въ жизнь съ одинаковыми средствами, и тогда можно было бы говорить о томъ, что большой достатокъ и большая независимость каждаго зависѣла бы отъ степени его прилежанія и трудолюбія.

Между тѣмъ по какому то странному недоразумѣнію и тутъ именно то средство, которое было предложено во имя признанія за личностью ея достоинства для избавленія ея отъ того униженія, въ которомъ она находилась—то, что предлагалось во имя личности, то именно и послужило предлогомъ къ самымъ жестокимъ и постояннымъ упрекамъ въ угнетеніи личности.

Общество было выставляемо его близорукими противниками не какъ противоядіе угнетенію личности, для чего оно собственно и предлагалось, а какъ установленіе убивающее личность. Точно и взаправду въ концѣ-концовъ человѣческія общества могутъ имѣть какую либо цѣль, кромѣ личной выгоды лицъ, составляющихъ общество; точно и въ самомъ дѣлѣ общество можетъ быть цѣлью само по себѣ и можно строить общество ради общества, а не ради интересовъ лицъ, составляющихъ это общество; точно въ концѣ-концовъ, какія бы то ни было общественныя теоріи могутъ имѣть въ виду что либо другое, кромѣ человѣческой личности, и какъ будто не ради ея именно, въ защиту правъ и быта этой личности развивался и развивается всякій критицизмъ, указываются недостатки въ текущемъ порядкѣ вещей и предлагается общинная солидарность. Точно взаправду читатель былъ до того недогадливъ, что не могъ разобрать, въ какомъ положеніи болѣе угнетается и оскорбляется личность—тамъ ли, гдѣ эта личность обязывается наниматься и работать на другое лицо, или тамъ, гдѣ эта личность находитъ готовое право на землю и капиталы, находитъ готовыя средства работать сама по себѣ и не зависѣть отъ личнаго каприза нанимателя. И можно ли хотя на минуту говорить о личности въ защиту такого порядка, который, по своей сущности, исключаетъ право на личность для массы людей и предоставляетъ это право только болѣе счастливому. Точно мы можемъ и въ правду предложить порядокъ наиболѣе подавляющій личность, наиболѣе приближающій эту личность къ илотству, которое мы сами признаемъ за ниспроверженіе личности,—какъ порядокъ частной работы лица на лицо и личной спекуляціи. Такимъ образомъ понятіе о личной чести, благодаря просвѣтителямъ, поощрявшимъ въ человѣкѣ не чувство долга, а животные инстинкты спекуляціи, осталось въ западномъ

обществѣ весьма несовершенно, и сама наука и образованіе ничего не сдѣлали для того, чтобы развить насколько нибудь эти понятія дальше безчестности шулерства; а напротивъ сдѣлали все, чтобы эти понятія не могли развиться далѣе. Сама наука учила это цивилизованное сословіе не долгу относительно другихъ лицъ и народа, а спекуляціи надъ этимъ народомъ; само нравственное ученіе говорило образованному лицу, что такова уже природа человѣка, что она не можетъ поощряться къ дѣятельности иными мотивами, какъ спекуляціей и посягательствомъ на личное достоинство массы. Ученіе это было въ корнѣ испорченное, подлое и безнравственное. Какъ же мы хотимъ послѣ этого, чтобы цивилизованное общество смотрѣло на заѣданіе чужой личности, на заѣданіе чужаго хлѣба, какъ на дѣло безчестное? Нечего стало быть и винить это общество и объявлять его отпѣтымъ, пока его не учили другой нравственности, не учили, что дѣятельность его не только можетъ, но и должна возбуждаться ничѣмъ инымъ, какъ *чувствомъ долга*, а не обращеніемъ въ рабство другаго лица.

Пока въ основѣ нравственной философіи, которой обучала это общество школьная наука, лежалъ такой канибальскій взглядъ на человѣческую природу, до тѣхъ поръ слава Богу еще, если это общество выучилось кой какимъ представленіямъ о безчестности шулерства,—ибо то, что оправдывала только что на нашихъ глазахъ нравственная философія, поучавшая это общество, могло при случаѣ годиться и для оправданія всего, чего угодно.

Въ суммѣ взглядъ этого цивилизованнаго общества на личную честь остался очевидно очень мелокъ. Европейскій человѣкъ прошелъ, такъ сказать, только половину дороги относительно развитія понятія о личной чести. Онъ узналъ, что подло и безчестно унижаться лично, но подло или нѣтъ унижать другихъ, онъ этого еще не узналъ хорошенько. Вотъ почему онъ остается при томъ понятіи, что его личная энергія должна возбуждаться духомъ спекуляціи, и сомнѣвается еще въ томъ, можетъ ли его энергія возбуждаться чѣмъ либо инымъ,—тогда какъ она ничѣмъ инымъ и не должна возбуждаться согласно честному взгляду на вещи, кромѣ чувства долга и обезпечиваться общественнымъ мнѣніемъ.

Европейскій человѣкъ съ своей наукой смотритъ поэтому на себя, какъ на совершенное животное, и остается до сихъ поръ такимъ, и все потому, что въ корнѣ его общественнаго образованія положена была грубая безнравственность и самый грубый изъ всѣхъ матеріализмовъ.

Мы съ тобой, читатель, получили наши понятія о личной чести съ того же запада и дошли въ нашемъ цивилизованномъ обществѣ до того же духа спекуляціи—выѣзжая на томъ же конькѣ или принципѣ, на томъ же ученіи о *личности.*

Насъ когда-то пробуждали ото сна этимъ словомъ, указывая на отсутствіе личнаго начала въ нашей исторіи, на поглощеніе у насъ личности государствомъ или общиной, задавленность индивидуумовъ и отсутствіе всякаго сознанія личнаго достоинства. Насъ стыдили этими признаками, какъ характеристическими признаками азіятства. Русскій кнутъ и китайская бамбуковая палка были общими педагогами, которые одинаково стерли и убили личность и въ русской и въ азіятской исторіи. Личность въ этомъ смыслѣ противуполагалась лакейству, холопству въ частномъ и общественномъ быту. Научила насъ этому пониманію личности идеалистическая философія, которая видѣла въ европейской исторіи политическую борьбу личности за свои права и свое достоинство. И мы научились, кажется, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, на столько понимать личность и развитіе личности, на сколько понятію о личности противуполагается холопство. Антихолопство — вотъ идеалъ личнаго развитія, которому учила насъ лучшая часть литературы первой половины девятнадцатаго вѣка. Вотъ тема, на которую слагались наши герои въ нашихъ романахъ. Все было удобопонятно и ясно въ этихъ идеалахъ; самый живой типъ этихъ идеаловъ рисовался для насъ въ людяхъ западнаго общества, воспитанныхъ гуманизмомъ, и слагался для насъ изъ отрицательныхъ качествъ. Для того, чтобы быть честнымъ человѣкомъ того времени, нужно было блюсти начало личности въ частныхъ отношеніяхъ, не льстить, не низкопоклонничать, не брать взятокъ; а такъ какъ вся окружающая дѣятельность слагалась изъ низкопоклонничества и лести и не терпѣла въ человѣкѣ противуположныхъ качествъ, то протестантомъ и героемъ уже казался намъ тотъ, кто отказывался льстить и холопствовать и осуждалъ себя поэтому на личное бездѣйствіе и праздность, кто не бралъ картъ въ этой общей служебной игрѣ, въ которой заключалась почти вся дѣятельность нашего образованнаго сословія.

Уважался человѣкъ, который праздно бродилъ по поднебесной подъ предлогомъ невозможности практическаго дѣла, не требующаго уступокъ, роняющихъ личность. Личность, замкнувшаяся въ свою раковину, недоступная внѣшнему упреку, личность, не погрѣшающая ни одной складкой противъ своего достоинства, — вотъ что мы лю-

били и уважали тогда въ людяхъ. Вотъ въ чемъ заключался шикъ идеаловъ того времени. Такой взглядъ на личное достоинство былъ чисто эстетическій; личность не дѣйствовала передъ нами, а позировала; вся она переходила въ одинъ моментъ въ картину. Мы, казалось были бы довольны, если бы все наше цивилизованное общество составилось изъ такихъ людей, которые бы не позволяли бы никому, при какихъ бы то ни было столкновеніяхъ, наступить себѣ на ногу, заставить подать платокъ, или позволить протянуть одинъ палецъ, вмѣсто руки, при свиданіи — привычка, которую практиковали наши генералы. Далѣе этого нашъ анализъ не шелъ и какую массу зла терпѣло все-таки остальное общество отъ этихъ идеальныхъ, по нашимъ понятіямъ, людей, мы этого видѣть не умѣли, не умѣли видѣть во что обходилось народу содержаніе этихъ идеаловъ. Чацкій, представитель такихъ понятій о личномъ достоинствѣ, могъ ѣздить всю жизнь по Европѣ на мужицкія деньги и не замѣтить, что онъ соблюдаетъ свое личное достоинство, унижая сотни крестьянъ, и могъ все-таки честить подлецами всю Москву. Отсюда видно, что мы кое какъ выучились понимать, что унижаться самому лично подло; но подло или нѣтъ унижать другихъ при этомъ, до этого вопроса еще не доходило дѣло; мы выучились, словомъ, въ девятнадцатомъ вѣкѣ съ грѣхомъ пополамъ феодальному взгляду на личность, и выучились понимать одну сторону дѣла, одну половину вопроса о личности. На вопросъ, можемъ ли мы унижаться, не роняя въ себѣ личности, мы умѣли кое-какъ бормотать—нѣтъ. На вопросъ, въ правѣ ли мы простирать наши личныя притязанія относительно другихъ безгранично, или даже просто до униженія чужой личности, и если допустить такое простирательство, то не обратится ли оно тѣмъ самымъ противъ насъ самихъ, не будетъ ли это значить рисковать самимъ попасть въ такое невыгодное положеніе и уничтожить то самое признаніе личности, о которомъ мы хлопочемъ, — на этотъ вопросъ у насъ не было отвѣта, и такъ мы жили, полагая все личное достоинство въ томъ, чтобы насъ не унижали другіе, не думая о томъ на сколько мы сами позволяли себѣ при этомъ унижать другихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, кто же могъ соблюсти свою личность въ этомъ первоначальномъ и ограниченномъ смыслѣ,—разъ всякое личное пріобрѣтеніе хлѣба обусловливалось непремѣннымъ принижеченіемъ передъ чужой личностью и всякій трудъ принималъ крѣпостной характеръ, и это условіе одинаково являлось закономъ для всѣхъ видовъ труда, отъ самаго грубаго и мужицкаго труда до самаго дворянскаго?

Могъ соблюсти свою личность по тогдашнимъ понятіямъ только человѣкъ матеріально обезпеченный и не обязанный вновь пріобрѣтать куска хлѣба. Но кто же могъ считаться матеріально обезпеченнымъ?—Тотъ только, кто имѣлъ въ своемъ распоряженіи достаточное число работниковъ, обязанныхъ на него постояннымъ униженіемъ; или тотъ, въ рукахъ котораго было достаточное количество денегъ, т. е. долговыхъ обязательствъ со стороны общества, дававшихъ ему право на нужное количество такой же униженной чужой работы. Личность, которая имѣла въ своемъ распоряженіи достаточное число крѣпостныхъ работниковъ, могла бравировать всякую власть и зависимость въ феодальной Европѣ; она ее бравировала. Личность, туго набившая карманъ деньгами, могла дѣлать тоже самое въ новой Европѣ. Право на чужую работу и чужое униженіе выражалось въ одномъ случаѣ однимъ образомъ; непосредственнымъ угнетеніемъ на основаніи крѣпостной власти, въ другомъ — угнетеніемъ косвеннымъ черезъ посредство денегъ; но сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣнялась; и даже объемъ угнетенія оставался тотъ же.

Спрашивается послѣ этого, могла ли личность считать себя при такомъ положеніи въ сторонѣ отъ упрека, — личность, которая держится на заѣданіи чужихъ личностей? Что же это такое, какъ ни самое униженіе той же личности, какъ ни самое открытое противорѣчіе, какъ ни самый абсурдъ?

Абсурдъ ли это былъ въ самомъ дѣлѣ, читатель, говорить при такихъ условіяхъ о личности?... На этотъ то вопросъ намъ отвѣтила наука западныхъ нравственныхъ философовъ, экономистовъ и юристовъ, боготворившихъ спекуляцію, разсуждавшихъ надъ вопросомъ о *личности*: что унижать слѣдуетъ, потому что человѣческая природа такъ устроена, что иначе не будетъ она чувствовать никакого побужденія къ дѣятельности и работѣ, если въ результатѣ всего этого она не будетъ имѣть въ виду чужое илотство. Всякая работа и дѣятельность прекратится, говорили они, если только мы отымемъ эту приманку—поставимъ какой либо предѣлъ развитію личнымъ притязаніямъ и не дадимъ свободы личности одной жить на счетъ другой, принижать одну въ пользу другой. Приниженіе личности было такимъ образомъ для этихъ философовъ физическихъ закономъ человѣческой природы. И хотя отсюда не трудно было въ сущности видѣть, что такое ученіе равнялось въ концѣ концовъ ниспровержимой личности, узнать, что унижаться самому и унижать другихъ равнялось одинакому отрицанію личности; но выраженія были до того перепу-

таны и злоупотребленіе личности, приниженіе личности столь усердно проповѣдывалось во имя огражденія личности, что вмѣстѣ съ тѣмъ перепутаны были и самыя понятія, и перепутаны до того, что сами философы вообразили. наконецъ, что они проповѣдуютъ все это ради признанія правъ человѣческой личности, а не во имя ея уничтоженія, что они проповѣдуютъ личность, а не ея угнететніе.

Такимъ образомъ наши цивилизованные классы воспитались, какъ мы видимъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же нравственныхъ понятій, какъ и западные, воспитались такой наукой, которая возводила въ нравственный принципъ спекуляцію и стало быть полное презрѣніе къ личности. Вотъ почему, понимая безчестность личнаго униженія для себя, они не понимаютъ его для другихъ. Вотъ почему для нихъ можетъ казаться, что они достаточно уважали чужую личность, утративъ право прямаго тѣлеснаго или вообще физическаго наказанія надъ ней и проч.

Ихъ никто не училъ, что дать право такъ называемой личной свободы человѣку, значитъ признать въ немъ лицо только физическое, непосредственное или дикое, какимъ это лицо вышло изъ рукъ природы, и не признать еще вовсе лица нравственнаго. Объ этомъ-то нравственномъ лицѣ никто не повѣствовалъ имъ и не показалъ, въ чемъ оно заключается, и это-то вотъ слѣдуетъ прежде всего сказать цивилизованному обществу для того, чтобы оно могло знать, что слѣдуетъ разумѣть подъ человѣческую личностью. Слѣдуетъ напомнить, что для того только и была исторія у человѣчества, затѣмъ только люди и соединялись въ общества, чтобы личность человѣка не оставалась тѣмъ, чѣмъ она вышла изъ рукъ природы. Слѣдуетъ думать, что это была между прочимъ та существенная цѣль, съ которою народъ отвоевывалъ себѣ территорію. платилъ налоги и вообще искалъ цивилизацію. Человѣческая личность поэтому, слѣдуетъ думать, не есть только физическая личность; а и то, что прибавила къ этой первобытной личности цивилизація въ видѣ матеріальнаго капитала интеллигенціи, принадлежитъ къ этой личности. Самое понятіе личности не есть поэтому данное разъ навсегда, а развивающееся, нарастающее съ развитіемъ культуры, оно обнимаетъ для каждаго времени не только одни природныя данныя, но данныя нравственныя, пріобрѣтенныя. Для каждаго времени и мѣста сфера личности имѣетъ поэтому свой измѣняющійся объемъ, но объемъ этотъ опредѣляется всегда тѣми предѣлами, до которыхъ достигла культура даннаго времени и мѣста. И если во времена догостомысловскія можно было понимать подъ

личностью извѣстнаго рода живой организмъ, способный къ устройству себѣ достатка и цивилизаціи, но ничего подобнаго еще не устроившій, то въ настоящую пору слѣдуетъ помнить, что этотъ организмъ долженъ былъ не даромъ же нести свою лепту на успѣхи цивилизаціи и что отъ понятія о немъ, какъ о лицѣ, нельзя отдѣлить этой цивилизаціи, то есть, нельзя отдѣлить ни территоріи, ни матерьяльныхъ, нравственныхъ и интеллектуальныхъ пріобрѣтѣній, которыя выработало это общество лицъ, конечно не для кого другого, какъ само для себя. И что сли вещи устроились такъ, что на самомъ дѣлѣ народъ оказывается устраненнымъ отъ этихъ пріобрѣтеній, то онъ, стало быть, и не разсматривается нами какъ личность, или покрайней мѣрѣ у насъ является тогда два представленія, которыя должны равняться понятію о человѣческой личности въ періодъ гостомысловскаго быта, это-то представленіе по нашему и должно быть годно для народа; а другое, это—представленіе о личности, обогащенной всѣми благами послѣдующей культуры, которое мы беремъ себѣ: т. е. за народомъ признаемъ право на одну только физическую личность, право безгранично признанное во всемъ царствѣ животныхъ, а себѣ улѣляемъ всѣ преимущества на личность нравственную. Но тогда не слѣдуетъ уже злоупотреблять словами и крестить однимъ и тѣмъ же названіемъ двухъ вещей, между смысломъ, которыхъ лежитъ цѣлая бездна. Или не слѣдуетъ называть *личностью* сумму физическихъ правъ лица, или слѣдуетъ отъискать другой терминъ для означенія того, что можетъ соотвѣтствовать понятію о личности, соотвѣтствующему достатку и культурѣ нашего времени. Тогда бы никто и не заблуждался, и не кому бы не пришло въ голову, что лишаясь правъ тѣлесно наказывать мужика, онъ признаетъ въ немъ такую же личность, какъ онъ самъ, и всякій цивилизованный человѣкъ понялъ бы, что признать въ народѣ личность въ смыслѣ, соотвѣтствующемъ нашей культурѣ и достатку, значитъ дать народу не только его руки и ноги, на землю, и достатокъ, и интеллигенцію, сообразную съ уровнемъ нашего положенія.

Отсюда видимъ, что нравственная теорема признанія личности, личной чести и достоинства въ человѣкѣ равна признанію за нимъ права на общія пріобрѣтенія культуры, т. е. нравственная теорема равна экономической.

Эта-то теорема, какъ основа нравственнаго ученія о человѣческой личности, должна смѣнить собою прежнюю дикую теорему въ наукѣ, по которой признаніе личности равняется признанію права на спе-

куляцію и на которой опирается до сихъ поръ все право, экономія и политика, т. е. вся система наукъ, называемыхъ общимъ терминомъ наукъ нравственныхъ. Указанный нами взглядъ на человѣческую личность долженъ прежде всего лечь въ основаніе школьной науки и перевоспитать цивилизованное общество. И тогда только мы будемъ въ состояніи судить, на сколько это общество въ самомъ дѣлѣ неисправимо испорчено для того, чтобы честнѣе мыслить, чувствовать и дѣйствовать. А пока это общество училось только спекуляціи, до тѣхъ поръ нечего удивляться, если оно не видитъ настоящаго безчестія ни въ заѣданіи чужаго хлѣба, ни въ заѣданіи чужой личности.

Вопросъ молодаго поколѣнія.

I.

Есть два способа удовлетворять раждающимся въ обществѣ потребностямъ. Первый способъ состоитъ въ томъ, чтобы обсудить и понять эти нужды, и затѣмъ признавъ ихъ основательность, рѣшиться удовлетворить раждающейся потребности. Это способъ простой, мирный, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ оказывается на повѣрку, и самый трудный. Но есть и другой способъ. Онъ состоитъ именно въ томъ, чтобы останавливать разсужденіе на полдорогѣ, и удерживая сознаніе отъ убѣжденія въ неотступности извѣстныхъ потребностей, принимать всѣ признаки выражающейся потребности за притязательность и предоставлять этой притязательности самой, собственными силами искать того, что ей нужно. Въ такомъ случаѣ вопросъ сводится на политическую почву—на борьбу партій, одной—предъявляющей извѣстныя потребности, и другой—ихъ отвергающей. Предполагается, что въ такой формѣ вопросъ дебатируется и выясняется лучше самой жизнью и что если потребность, о которой идетъ рѣчь, есть дѣйствительная потребность—то она проложитъ себѣ путь во что бы то ни стало и одержитъ побѣду. Но въ дѣйствительности дѣло выходитъ нѣсколько иначе и на повѣрку оказывается, что принимая эту послѣднюю форму, вопросъ только затягивается и все придуманное для защиты этого способа представляется придуманнымъ только для того, чтобы отдалять и дѣлать невозможнымъ самое рѣшеніе. Вопросъ становится между двумя противодѣйствующими силами и общество тратитъ только время и силы на маневрированіе въ военную игру, вращающую его около вопроса и не дающую прямо къ нему приступиться. Этотъ способъ составляетъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій въ западной жизни, и если взвѣсить, сколько общества потратили людей и времени на его испытаніе, то придется усумниться въ томъ, чтобы это былъ дѣйствительный способъ рѣщать вопросы, а не способъ уклоняться отъ ихъ рѣшенія.

Намъ, какъ извѣстно, нужно подражать западу, онъ есть для насъ образецъ гражданственности, нужны стало быть намъ и партіи, нужно сведеніе всѣхъ вопросовъ на вопросы партій, на политическую почву. Не разсуждая о томъ, есть ли при этомъ какая выгода, или нѣтъ; не есть ли это скорѣе дурная, вынужденная дорога и извинительная въ томъ лишь случаѣ, когда невозможно идти по прямому пути; не разсуждая о томъ, есть ли у насъ на лицо условія, вынуждающія такой извилистый и дурной путь, мы какъ истинные европейцы должны предварительно стараться запутать всякій вопросъ, обставить его всевозможными затрудненіями, стараться о томъ, чтобы общественное сознаніе не могло вполнѣ проникнуться его серьезностью и основательностью, и сдѣлать изъ него политическую игрушку, яблоко доморощеннаго политическаго препирательства.

Тотъ, кто съ этой стороны наблюдалъ за послѣднее время наши взаимныя отношенія, не затруднится признать, что мы вступили въ рѣшительный фазисъ взаимнаго враждованія, и чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе идемъ по этому пути. И у насъ почти готово уже догматическое признаніе такого порядка вещей. Говорятъ, будто это такъ нужно для того, чтобы человѣческіе инстинкты развивались и всякія искусства могли процвѣтать, чтобы добро преуспѣвало и прочее. Взаимное враждованіе становится просто принципомъ,—плодомъ глубокаго теоретическаго соображенія. Я знаю, что съ тѣхъ поръ, какъ Катковъ прочелъ объ этомъ въ одной нѣмецкой книжкѣ, догма эта стала модной, и наши романисты убѣждены въ этомъ до того, что стали нарочно нахлобучивать своимъ двухаршиннымъ героямъ на лобъ ужасающую шапку и учить ихъ дѣлать до того свирѣпые глаза при встрѣчѣ съ прохожими, что просто гадко. Если все это справедливо, то нѣтъ сомнѣнія, что между нами скоро процвѣтутъ науки, разовьются человѣческіе инстинкты и прочее. Но я знаю, что вслѣдствіе теоретическихъ соображеній того же свойства у насъ совершено было и прежде не мало удачнаго. Полковникъ Кошкаревъ заводилъ у себя контору наблюденія за конторой сельскихъ построекъ и наши земледѣльцы заводили у себя хлопчато-бумажныя плантаціи, а старшины собирали срочныя донесенія о положеніи яровыхъ всходовъ въ январѣ мѣсяцѣ. Я предложилъ бы поэтому сочинить уставъ взаимнаго враждованія или ручную книгу гражданина, которая положила бы предѣлъ рвенію лютой фантазіи, обложить что ли какою податью резонерство, давать промысловыя свидѣтельства на право враждованія, дабы всякій могъ враждовать по открытому билету и въ должныхъ границахъ.

Ибо какія бы тамъ теоретическія мысли мы ни взяли, мы не можемъ не волноваться, не можемъ не напортить нашимъ личнымъ усердіемъ, не можемъ не сдѣлать изъ этихъ мыслей предмета для хвастовства и не довести себя до того, что намъ всякій плюнетъ въ отвѣтъ на наши соображенія и отвернется.

Мнѣ, по крайней мѣрѣ, уже становится тошно отъ этихъ враждованій, я знаю, что мой сосѣдъ поссорился съ сосѣдомъ, что его сосѣдъ поссорился съ своей женой, что сосѣдъ послѣдняго оскорбился дѣтьми и ихъ возненавидѣлъ. Самыя тѣсныя узы разрушаются, самыя тѣсныя дружбы разрываются, самые близкіе друзья другъ другу не кланяются. Всѣ расходятся, всѣ разошлись, уже если хотите и если распросить, почему? Разошлись изъ-за политическихъ убѣжденій. Политическія убѣжденія растутъ, какъ грибы, и если это продолжится, то нѣтъ сомнѣнія, что у насъ разовьются всякаго рода искусства

Я самъ разошелся со всѣми знакомыми и мы болѣе не кланяемся, т. е. не я разошелся, а они разошлись со мною, заподозривъ во мнѣ тоже какія-то политическія убѣжденія. Хуже всего то, что иной бы и радъ мнѣ отдать поклонъ по прежнему, но труситъ, рѣшительно труситъ, потому что боится потерять послѣднія связи, и все это изъза политическихъ убѣжденій. Прежде люди, встрѣчаясь другъ съ другомъ, отворачивались или потому, что одинъ былъ ниже чиномъ другаго, или оттого, что у одного были панталоны разорваны, или потому, что одинъ надулъ въ карты другаго, или продалъ лошадь съ норовомъ, или что нибудь въ этомъ родѣ. Теперь во всемъ виноваты политическія убѣжденія.

Дѣло въ томъ, что разъ ставъ на эту точку зрѣнія, люди, самые серьезные и добросовѣстные, готовы были жертвовать самыми естественными побужденіями, позволять посягать на самыя сердечныя связи, ставить себя въ самое смѣшное и каррикатурное положеніе.

Не было той нелѣпости, въ которую бы человѣкъ не увѣровалъ, не было того лишенія, котораго онъ не согласился бы принять, терроризируемый и морочимый,—одѣваемый врасплохъ во всеоружіе партизана. Я знаю, что это было бы простительно, если бы это была забава для забавы отъ нечего дѣлать; но въ томъ-то и дѣло, что эта точка зрѣнія путается въ серьезные вопросы и рѣшительно мѣшаетъ видѣть и соображать тамъ, гдѣ прежде всего нужно видѣть и соображать, и превращаетъ въ вопросъ бунта вопросы о самыхъ естественныхъ нуждахъ раньше, чѣмъ мы успѣемъ сообразить ихъ естественность.

Я знаю, что не одинъ серьезный вопросъ былъ запутанъ и извращенъ уже такимъ образомъ.

Среди этого-то стремленія къ обращенію всѣхъ вопросовъ въ вопросы партій и взаимному враждованію и былъ обращенъ въ такой политическій вопросъ и вопросъ о нашемъ молодомъ поколѣніи.

Не было ничего прискорбнѣе и жалче этого процесса, *поднятаго противъ молодаго поколѣнія* и ловкой невидимой рукой интриги, какъ выражаются «Московскія Вѣдомости», удерживаемаго до сихъ поръ на политической подкладкѣ, ему вовсе не свойственной. Что было каррикатурнѣе этого раздѣленія общества на отцовъ и дѣтей, этого разложенія семей на политическіе клубы старыхъ и юныхъ, и всевозможныхъ стараній взъерошить однихъ противъ другихъ, оперировать надъ самыми естественными чувствами. Таковы мы были однако въ нашей несообразительности, что позволяли ворочать этими естественными чувствами. Если теперь разбирать тѣ основанія, въ силу которыхъ мы позволяли оперировать надъ этими прямыми чувствами, то всѣ они приводятъ въ сущности къ одному:—преслѣдованію возникающаго въ молодомъ поколѣніи резонерства, отмѣченнаго политическими и соціальными тенденціями. Сюда относится все, что было писано и говорено въ послѣднее время противъ опасныхъ людей и идей; а писано и говорено было много.

Тутъ является передъ нами цѣлая вереница повѣстей, статей и рекламъ, цѣлая вереница писателей и даже органовъ, цѣлая литература, спеціально посвященная враждованію противъ молодого поколѣнія. Тутъ-то именно является передъ нами во всемъ своемъ сказочномъ величіи болванъ петербургскаго нигилизма, ослѣпленный изъ стремленія къ естествознанію, отожествленный со всѣми соціальными и политическими пороками, одѣтый для вящщаго эффекта въ конфедератку польскаго повстанія съ краснымъ пѣтухомъ въ рукахъ; а на помощь ему пристегнуто украйнофильство, бунтовщики изъ «Основы» и сепаратизмъ всякихъ видовъ.

Нельзя сказать, чтобы до всего этого читатель дошелъ самъ собой, все это устроилось цѣною нѣкотораго усилія и литературной работы надъ его умомъ, и вина во всемъ этомъ каррикатурномъ процессѣ молодому поколѣнію лежала конечно на тѣхъ, кто первый поставилъ вопросъ на ту именно почву, на которой онъ находится, и нельзя сказать, чтобы само молодое поколѣніе подало первое поводъ поставить свой вопросъ на эту именно почву.

Если кто далъ почувствовать первый этому резонерству, что ему

приписывается смыслъ и значеніе партіи, то это конечно тѣ политики и руководители общественнаго мнѣнія, которые первые стали инкриминировать это резонерство въ тенденціяхъ ему не свойственныхъ, направили это резонерство на вопросы, въ коихъ ровно ничего не смыслитъ до сихъ поръ это резонерство и старались увлечь это резонерство въ то положеніе, котораго выдержать онъ не можетъ, и потомъ утверждали, что противъ резонеровъ слѣдуетъ вести правильную осаду, вытравить ихъ съ корнемъ, ибо понятія извращаются, нравы разлагаются и общественные узы гибнутъ. И вотъ повели дѣло совершенно по формѣ. Открыли публицистовъ, устроили клубы — и пошла перепалка.

И читателю точно понравилась эта мысль—во что бы то ни стало сочинить нѣчто въ родѣ предлога для открытаго политическаго враждованія съ дѣтьми, точно игра въ политическія карты была шелковичная плантація, которую шутка была попробовать, не принесетъ ли она доходу въ Новоторжскомъ уѣздѣ. Не удивительно послѣ этого, что и между резонерами проявилось своего рода базаровство, которому прежде всего хотѣлось, чтобы всѣ думали, будто оно разлагаетъ нравы и потрясаетъ общественныя основы, которому понравилась мысль, что ихъ считаютъ за общественную сулему.

Несмотря на всѣ поощренія съ этой стороны, это резонерство не представляло до сихъ поръ ничего похожаго на объединеніе, — не указываетъ никакихъ задатковъ на способность походить въ чемъ либо на партію, за которую ее принимаютъ во что бы то ни стало. Не смотря на всѣ усилія московской литературы—смѣшать стремленія и тенденціи всего молодого поколѣнія огуломъ съ этой легендарной фигурой нигилизма, базаровская фигура остается каррикатурнымъ исключеніемъ и отъ нея рѣзко отдѣляется масса молодого поколѣнія съ своими стремленіями и нуждами, съ своимъ вопросомъ, вовсе не вяжущимся съ легендарнымъ образомъ нигилизма, вовсе непонятымъ и необъясненнымъ и только несправедливо открытымъ всеобщему осужденію. И выходитъ только на повѣрку, что въ основаніи нашихъ настоящихъ отношеній къ молодому поколѣнію и его вопросу до сихъ поръ находится только масса фальши и вымысла, фантазіи и политическаго бреда, которая и портитъ все дѣло. Мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что если мы только попробуемъ отнестись съ большимъ довѣріемъ къ стремленіямъ молодого поколѣнія, если отбросимъ легендарное представленіе о немъ, попробуемъ перевести на прозаическій языкъ, передать въ настоящемъ свѣтѣ

настоящія обстоятельства, вызвавшія между нами вопросъ о его тенденціяхъ и стремленіяхъ, если словомъ мы отнесемся къ вопросу сколько нибудь серьезно и потомъ уже рѣшимся инкриминировать, а не прямо начнемъ съ инкриминацій, то можетъ быть мы извлечемъ отсюда нѣчто для себя поучительное, а вмѣстѣ съ тѣмъ избавимся отъ необходимости предаваться роскоши инкриминацій.

А серьезное отношеніе къ дѣлу именно и состоитъ въ опасеніи легкомысленныхъ и преждевременныхъ приговоровъ, въ предварительномъ разъясненіи всѣхъ причинъ, вызвавшихъ какое либо явленіе, причинъ, которыя и могутъ намъ указать настоящій реальный и нравственный смыслъ явленія и спасти отъ вреднаго преувеличенія и ложныхъ страховъ, которымъ весьма легко подчиняется общественное воображеніе, и въ разъясненіи которыхъ болѣе учавствуетъ фантазія и образность, чѣмъ мысль и разсужденіе.

Если мы признаемъ поэтому, что нашъ процессъ молодому поколѣнію имѣлъ въ своемъ основаніи не одинъ вымыселъ фантазіи, а былъ вызванъ какими либо положительными явленіями, а мы кажется въ этомъ не сомнѣваемся; если мы указываемъ обыкновенно на начавшуюся перемѣну въ привычкахъ и нравахъ молодого поколѣнія, противорѣчащихъ тому, что мы привыкли въ немъ видѣть прежде и желали бы и теперь видѣть, то прежде, чѣмъ приписывать все это его разрушительнымъ тенденціямъ и политическому резонерству, возбужденному случайными вліяніями, не было ли основанія взглянуть на дѣло съ иной стороны. Не было ли основанія предположить, что не всегда только наши поступки опредѣляются нашей теоріей, нашими понятіями и резонерствомъ, а наоборотъ, не опредѣляются ли иногда и наши поступки и понятія, а слѣдовательно и наше резонерство обстоятельствами, внѣ насъ находящимися. Общество словомъ по общепринятому заблужденію разсуждало тутъ съ точки зрѣнія той теоріи, которая воображаетъ, что человѣкъ всегда прежде мыслитъ, а потомъ уже поступаетъ. Мнѣ же казалось, насколько я наблюдалъ, что онъ весьма часто сперва поступаетъ, а потомъ уже мыслитъ и это всегда мнѣ казалось особенно справедливымъ относительно массъ. Тутъ самыя мысли казались мнѣ ничѣмъ инымъ, какъ функціей тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится масса—а молодое поколѣніе масса. Я полагалъ поэтому, что если люди начинаютъ расходиться съ ними и въ понятіяхъ, въ самыхъ нравахъ, то на это должна быть своя обстоятельная причина, которой опасно искать въ предвзятыхъ понятіяхъ и резонерствѣ, а слѣдуетъ искать иногда въ тѣхъ условіяхъ, въ

которыхъ кроются реальныя причины, управляющія вообще нашими поступками и понятіями. Я знаю, что молодое поколѣніе не есть мечта, а нѣчто реальное, что я могу всегда осязать и чувствовать, что это есть сама природа; и какъ природа не живетъ даже, а примѣняется къ окружающимъ ее условіямъ, такъ же и молодое поколѣніе. Вотъ все, что я хочу знать о молодомъ поколѣніи, и что нужно было и обществу знать для того, чтобы отнестись къ его дѣлу безъ слѣпого осужденія. Вслѣдствіе этого я сильно сомнѣвался въ томъ, чтобы какое либо ощутительное и быстрое измѣненіе въ стремленіяхъ и нравахъ имѣло своимъ единственнымъ и главнымъ толчкомъ одно резонерство, возбуждаемое щелкоперствомъ, какъ это увѣряли другіе.

И насколько вообще понятія и нравы зависятъ отъ щелкоперства и насколько само щелкоперство зависитъ отъ нравовъ—это вопросъ еще для меня темный.

Отвѣчайте мнѣ, кто создалъ эти нравы, кто связалъ связанное,—щелкоперъ ли это сдѣлалъ какой?.. Сшилъ ли ихъ портной по своей фантазіи и можетъ ихъ снять съ насъ опять, какъ штаны и выкроить новые. Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что нравы мѣняются вовсе не такъ легко, чтобы ихъ могъ снять какой либо щелкоперъ какъ рубашку. Но съ другой стороны не подлежитъ также сомнѣнію и то, что вслѣдъ за снятіемъ рубашки слѣдуетъ и быстрое измѣненіе не только нравовъ, но и самаго образа мыслей. Рубашка есть такимъ образомъ не только ключъ отъ нравовъ, но и отъ самыхъ мыслей, самаго взгляда людей на вещи.

Если привычки, нравы и образъ мыслей остаются прежніе, то мнѣ все это представляется лишь съ той стороны, что нѣтъ настоящей причины имъ измѣняться. Слѣдовательно, говорю я, если юность мѣняетъ привычки и образъ жизни, и самыя мысли, — стало быть, она слушается рубашекъ, стало быть, она расходится съ старымъ образомъ жизни вовсе не изъ-за политическихъ убѣжденій. И если намъ кажется, что нравы юношества направляются въ ложную сторону, то это случается вовсе не потому, что оно резонерствуетъ, а вотъ не резонерствуетъ ли оно потому, что ему приходится ждать не того отъ жизни, чего мы ждали въ свое время.

Если ко мнѣ обращается плоть отъ плоти моей и проситъ хлѣба,—что сдѣлаю я? даю ей кусокъ, и плоть отъ плоти моей умолкаетъ. Но если я вмѣсто того, чтобы дать ребенку хлѣба, нарву ему уши, то плоть моя воетъ; но я даю ей этотъ кусокъ и не допускаю ее до резонерства, потому что я люблю свою плоть; ты же, читатель, не

любишь своей плоти, ибо когда она начинаетъ пищать отъ голода, ты пытаешься надрать ей вихоръ. Но въ такомъ случаѣ такъ и понимай, что ты имѣешь въ предметѣ произвести домашнюю расправу, но не увѣряй меня серьезно, что я нахожусь въ положеніи политической партіи къ своему дѣтищу, когда деру ему уши и деру ихъ изъ-за политическихъ убѣжденій, а не просто произвожу домашнее разбирательство.

Сущность всѣхъ этихъ разсужденій ведетъ къ тому, что наше молодое поколѣніе представляло въ себѣ дѣйствительный и весьма серьезный вопросъ, что этотъ вопросъ молодаго поколѣнія долженъ былъ явиться у насъ на сцену совершенно независимо отъ того политическаго характера, который ему былъ приданъ. Онъ имѣлъ тѣло и содержаніе помимо всѣхъ политическихъ мотивовъ, съ которыми онъ былъ связанъ. Онъ долженъ былъ явиться, и былъ, такъ сказать, созданъ самъ собою, одной силою тѣхъ экономическихъ преобразованій, которыя стали обязательны для общества. А вмѣстѣ съ экономическими преобразованіями должна была измѣниться и нравственная физіономія общества. Отмѣна крѣпостничества мѣняла не только матеріальныя условія жизни, но и нравственныя ея условія. Общественная реформа вызывала словомъ двойственную перемѣну въ нравахъ, и эта перемѣна невольно рождала свой вопросъ для молодаго поколѣнія, которое должно было готовиться жить среди измѣнившихся и нравственныхъ, и матеріальныхъ условій. Самый вопросъ молодаго поколѣнія получалъ вмѣстѣ съ тѣмъ двѣ стороны—экономическую и нравственную,—два основанія, которыя обусловливаютъ неизбѣжную перемѣну и различіе между этимъ молодымъ поколѣніемъ, подроставшимъ среди готовящихся новыхъ условій быта, и тѣмъ, чѣмъ привыкли мы себя помнить во времена нашего прошлаго юношества.

Но въ томъ-то и дѣло, что мы не имѣли никакого представленія о возможности такой связи между положеніемъ остальнаго общества и положеніемъ въ немъ подростающихъ къ дѣятельности людей; въ томъ-то и дѣло, что мы не предполагали вовсе, чтобы положеніе молодаго поколѣнія могло составить своего рода вопросъ въ общемъ вопросѣ преобразованія, и могла идти рѣчь не о субъективномъ отношеніи молодаго поколѣнія къ реформамъ, принимавшемъ въ нашихъ глазахъ окраску политической агитаціи, а объ отношеніи чисто объективномъ, вслѣдствіе котораго и стремленія и поступки нашего юношества должны были принять особый характеръ. Въ томъ-то и дѣло, что мы не предполагали даже, чтобы положеніе нашего молодаго по-

колѣнія могло представлять собою среди нашихъ преобразованій само по себѣ серьезный вопросъ, и вслѣдствіе этого все, что ни замѣчали въ немъ, крестили огуломъ вреднымъ политическимъ резонерствомъ, старались поднять на видъ и подмѣтить въ немъ именно то, чему можно было придать только именно этотъ политическій смыслъ,— вводили въ заблужденіе само это поколѣніе и черезъ это невольно заслоняли и не давали выясниться тѣмъ сторонамъ вопроса, выясненіе которыхъ значительно должно было ослабить ложныя краски, измѣнить и осмыслить то представленіе, которое мы имѣемъ до сихъ поръ о тенденціяхъ нашего юношества.

Обращая вниманіе на эти упущенныя стороны въ процессѣ, который мы ведемъ молодому поколѣнію, мы надѣемся, по крайней мѣрѣ, выдѣлить, отъ слѣпаго нареканія, тѣ нужды и стремленія этого поколѣнія, которыя имѣютъ свое законное основаніе въ строѣ остальнаго общества и показать, что признаніе этихъ нуждъ и серьезное вниманіе къ нимъ можетъ повести не къ извращенію соціальныхъ основъ и нравовъ, какъ это говорится съ-плеча, а къ утвержденію общественной нравственности на болѣе прочныхъ основаніяхъ, и это весьма важно потому, что тутъ-то кроется сущность всего вопроса о воспитаніи.

Итакъ, въ чемъ же заключалась сущность этого неусмотрѣннаго читателемъ дѣтскаго вопроса? Тотъ, кто наблюдалъ до сихъ поръ устройство нашего образованія, долженъ былъ и прежде видѣть, что самымъ яркимъ, бросающимся въ глаза фактомъ въ этомъ устройствѣ, основнымъ его, такъ сказать, фактомъ было отсутствіе настоящей связи и соотношенія между образованіемъ и кускомъ хлѣба. Это была совершенная особенность нашего образованія, спеціальная принадлежность нашей науки играть роль проформы. Люди тратили и время, и средства, и на повѣрку оказывалось, что все это они тратили такъ себѣ, какъ будто не зная, на что болѣе тратиться. И это казалось намъ совершенно естественнымъ. Читая далѣе все, что было писано за послѣднее время по вопросу объ образованіи, мы могли поражаться только полнымъ невниманіемъ къ коренной связи, существующей между самымъ образованіемъ и тѣмъ кускомъ хлѣба, который найдетъ послѣ «образованный». Мы много слышали толковъ о необходимости высшихъ нравственныхъ началъ въ этомъ образованіи, но мы нигдѣ не нашли и признака, чтобы люди, толкующіе объ этихъ нравственныхъ началахъ, подозрѣвали, насколько прочность этихъ нравственныхъ началъ зависитъ отъ указываемой нами связи. Напро-

тивъ, люди, наиболѣе толковавшіе о нравственныхъ началахъ, всего менѣе видѣли эту связь, обусловливающую прочную нравственность, и наперекоръ своей цѣли, дѣлали все, что могли, для того, чтобы противодѣйствовать прочности этихъ самыхъ началъ, и въ этомъ отношеніи пальма несообразительности принадлежала конечно московскимъ публицистамъ.

Между тѣмъ въ этой-то связи между воспитаніемъ и кускомъ хлѣба, который найдетъ воспитавшійся, заключается все основаніе для того, чтобы признать въ вопросѣ молодаго поколѣнія дѣйствительно скрывающійся вопросъ, и чтобы признать въ немъ другія тенденціи, кромѣ политическихъ. Если все человѣчество смотритъ на свои знанія, какъ на капиталы, то имѣетъ ли право смотрѣть точно также каждый въ отдѣльности? Само собой разумѣется, что будемъ ли мы или нѣтъ признавать это право, каждый будетъ смотрѣть на вопросъ знанія какъ на капиталы, и не потому только, что это знаніе даетъ ему обезпеченіе, дѣлаетъ его нравственно свободнѣе, а потому и нравственно лучше. Человѣкъ, который находитъ кусокъ хлѣба въ своихъ знаніяхъ, будетъ менѣе вынужденъ поддаваться вліянію другихъ, надъ нимъ труднѣе всякое нравственное вынужденіе. Напротивъ, человѣкъ, хотя и переполненный знаніями, но не имѣющими цѣны, есть игрушка чужой фантазіи, чужихъ вліяній,—это нравственный батракъ, живая проституція. Человѣкъ невольно будетъ искать поэтому знаній, какъ обезпеченія, невольно будетъ стараться провести эту связь между тѣмъ, чему онъ выучивается и тѣмъ, что дастъ ему эта наука впослѣдствіи; будетъ искать въ этомъ знаніи не только обезпеченія своего желудка, но и обезпеченія своей нравственности, не изъ политическаго вольнодумства, а во избѣжаніе нравственной проституціи.

Эта-то простая, но глубокая истина есть первая и главнѣйшая, которую должны узнать наши педагоги и публицисты, берущіеся судить молодое поколѣніе, потому что въ ней заключается ключъ отъ всего педагогическаго вопроса, какъ соціальнаго вопроса. Только общество людей, обезпеченныхъ помимо своихъ знаній, будетъ смотрѣть на эти знанія какъ на дѣло прихоти или формы,—только такое общество, и то только отчасти, не будетъ ощущать нравственной потребности въ такой связи, потому что независимость его отъ необходимости подчиняться чужимъ нравственнымъ вынужденіямъ обезпечена съ другой стороны готовыми средствами къ жизни.

Наше общество, крѣпостное до сихъ поръ, пользовалось дѣйствительно такимъ даровымъ обезпеченіемъ въ извѣстной своей части, ко-

торое позволило ему смотрѣть на знанія какъ на дилеттантизмъ и дѣло формы. Подъ вліяніемъ такихъ условій, у насъ не существовало вовсе связи между знаніями образованнаго сословія и его жизнью, воспитаніе пріобрѣтало болѣе изящный, чѣмъ дѣловой характеръ, и самая наука составляла дѣло проформы. Подъ вліяніемъ такихъ условій, у насъ не родилось даже вопроса о необходимости такой связи для людей не обезпеченныхъ, о томъ что придетъ когда нибудь время, когда отсутствіе ея въ системѣ воспитанія составитъ серьезное затрудненіе. Но если такое положеніе знанія не составляло по крайней мѣрѣ серьезнаго матеріальнаго вопроса для нашихъ обезпеченныхъ крѣпостнымъ правомъ людей, то и за все это время отсутствія такой связи, должно было оказывать одинаково угнетающее вліяніе и матеріальное и нравственное, на людей не обезпеченныхъ, и потому составляло серьезный вопросъ для послѣднихъ. Положеніе послѣднихъ должно было быть по истинѣ жалко, и такъ какъ необезпеченные и полуобезпеченные составляли все-таки значительный процентъ, то этотъ процентъ и долженъ былъ окрашивать собой хотя отчасти нравственный уровень.

Мнѣ кажется, что чисто формальное значеніе, какое имѣло у насъ знаніе дѣйствительно уже и до сихъ поръ оказывало свое вліяніе на нравственный уровень нашей юности.—Жизнь на чужой счетъ и интрига, ведущая къ пріобрѣтенію обезпеченія въ томъ случаѣ, когда этого обезпеченія не даетъ знаніе, вотъ тѣ неизбѣжныя послѣдствія, которыми должна была характеризоваться жизнь образованнаго человѣка, при томъ формальномъ значеніи, какое имѣли у насъ знанія.— Эта жизнь на чужой счетъ была конечно болѣе или менѣе легка при крѣпостныхъ условіяхъ, она имѣла кромѣ того такъ много общаго съ этими крѣпостными условіями, что нравственная сторона ея ускользала отъ нашего вниманія, но тѣмъ не менѣе, фактъ оставался фактомъ. Мнѣ кажется поэтому, не слишкомъ ли мы увлекаемся вообще когда превозносимъ нравственный характеръ нашей прошедшей юности въ сравненіи съ настоящей, и не происходитъ ли это отъ того только, что мы не хотимъ видѣть многое изъ того, что слѣдовало бы видѣть.

Не въ укоръ этому юношеству конечно, а для докозательства, что отсутствіе готоваго куска хлѣба въ тѣхъ знаніяхъ, которыми владѣла юность, имѣло вліяніе на его нравственное будущее,—я вотъ думаю не лишнимъ бросить легкій взглядъ на ту нравственную школу, которую представляло и до сихъ поръ положеніе нашего золотаго юношества.

Здѣсь мы должны увидѣть, въ какое отсутствіе нравственныхъ началъ ставится жизнь человѣческая ничѣмъ другимъ, какъ отсутствіемъ прямой связи между воспитаніемъ и тѣмъ, что даетъ обезпеченіе и кусокъ хлѣба. Здѣсь-то мы увидимъ, какъ вслѣдствіе отсутствія прямой связи между знаніями и тѣмъ, чего требовала жизнь, личность человѣческая оказывалась безпомощною и необезпеченною, сама по себѣ лишенная возможности выдерживать какія либо нравственныя начала, если у нее были таковыя при вступленіи въ жизнь, обязанную кускомъ хлѣба подчиняться чужому капризу, увидимъ въ результатѣ смѣшанную съ нравственными началами интригу и лизоблюдство и презрѣніе къ чужимъ правамъ, чужому положенію — все это вынужденное тѣмъ безпомощнымъ состояніемъ, въ которомъ чувствуетъ себя человѣкъ, не обезпеченный тѣмъ, что сообщило ему воспитаніе.

Раждалось это неимущее юношество безпомощными головастиками и мало-по-малу превращалось въ настоящихъ жабъ. Но въ томъ-то и дѣло, что это превращеніе въ настоящихъ жабъ, только и дававшее этимъ юношамъ кусокъ хлѣба, совершалось тѣмъ условнымъ путемъ, который диктовали обстоятельства, а вовсе независимо отъ личныхъ достоинствъ.

Жизнь быстро сортировала ихъ на людей смѣтливыхъ и резонеровъ, послѣ чего резонерамъ имущимъ представлялось удалиться въ свои помѣстья, неимущимъ или перестать резонерствовать, или спиться съ кругу. Понятно поэтому, что резонеровъ между ними оказывалось вообще мало, и что неимущій юноша быстро умнѣлъ. Это набираніе ума для юноши состояло въ томъ именно, чтобы сознать свою круглую безпомощность, понять, что если вывести его на рынокъ со всѣми его знаніями, то за нихъ не дадутъ двугривеннаго, и потому стараться пустить въ ходъ то, на что можно пріобрѣсти что либо— пустить въ ходъ внѣшній лоскъ и практическую сметку, и юношество быстро умнѣло въ такомъ смыслѣ и этотъ умъ въ концѣ-концовъ выраждался въ интригу, въ посягательство на чужое положеніе, жизнью на чужой счетъ въ той или другой формѣ, а сама жизнь становилась своего рода искусствомъ со всѣми соціальными признаками искусства, искусствомъ доступнымъ только наиболѣе ловкимъ.

Какъ же въ самомъ дѣлѣ жило золотое юношество?

Представлялся ли въ первый разъ своему начальнику юный коллежскій секретарь, и между его улыбающимися губами уже мелькало нѣчто въ родѣ едва подрастающаго жальца. И чѣмъ смиреннѣе и ограниченнѣе оказывался онъ изъ своихъ разговоровъ съ начальни-

комъ, тѣмъ болѣе такта и провидѣнія усматривалъ я за всѣмъ этимъ въ его фигурѣ, тѣмъ тверже уже начертывался въ немъ зарокъ овладѣть какъ можно скорѣе и этимъ уютнымъ кресломъ, и широкимъ столомъ, и всѣмъ этимъ помѣщеніемъ съ его курьерами, столоначальниками и подстолоначальниками, овладѣть прибавочными, столовыми, квартирными, пособіями и прочее. Только ненабравшіеся ума резонеры пробовали блеснуть своими знаніями и умомъ—и были по истинѣ глупы. Большею частью карьера ихъ порѣшалась первой рекомендаціею и попародировавъ нѣкоторое время своими способностями, они кончали тѣмъ, что вскорѣ удалялись съ носомъ искать себѣ счастья гдѣ нибудь въ другомъ углу. Юноша же, прямо разсчитывавшій на то, чтобы зарекомендовать себя сразу менѣе всего бойкимъ человѣкомъ, а только готовымъ протащить—если понадобится—на своихъ плечахъ зимній возокъ лѣтомъ по адмиралтейской площади, казался верхомъ житейскаго такта и преждевременной смѣтливости. Послѣдняго рода юноши еще въ школахъ выражали свой практическій умъ совершенно опредѣленно. Если и тутъ уже они отдавали предпочтеніе французскимъ романамъ предъ обязательнымъ классицизмомъ, то и это уже было вслѣдствіе смутнаго чутья, что умѣнье разсказать въ приличной формѣ соблазнительный анекдотъ будетъ несомнѣнно дороже цѣниться на рынкѣ цивилизованнаго общества четвертака за часъ, за который продается всякая латынь, и то еще если на нее встрѣтятся охотники. Эту практичность многіе изъ нихъ проводили до невѣроятной тонкости. Такой умный юноша дѣйствительно рано или поздно съѣдалъ по очереди и столоначальника, и начальника отдѣленія, и вицъ-директора и наконецъ кончалъ тѣмъ, что съѣдалъ самого оберъ-начальника. Одной вещью обладалъ онъ плохо—это силою теоретическаго анализа, потому что поступая столь отчетливо всю жизнь, въ смыслѣ слѣпаго посягательства на всякое чужое положеніе и добро, онъ въ то же время, считалъ себя въ принципѣ самой твердой опорой неприкосновенности чужихъ положеній.

И я спрашиваю у тѣхъ, которые болѣе всего привыкли толковать о развивающемся презрѣніи къ чужимъ правамъ, представлялъ ли указываемый порядокъ большіе задатки такого уваженія, или не представлялось ли все здѣсь живымъ выраженіемъ совершеннаго презрѣнія къ чужимъ правамъ? Не начиналась ли здѣсь невольно карьера юношества съ неуваженія и къ чужому положенію, и къ чужому добру? Неуваженія, вынужденнаго разрывомъ воспитанія и обезпеченія, но тѣмъ не менѣе неуваженія несомнѣннаго.

Наука въ школахъ, говорите вы, поучала, однако, это юношество другому; она учила уважать и чужія права, и собственность, она учила уважать и семейныя связи, и гражданскія. Но въ томъ-то и дѣло, что между этой наукой и жизнью не было связи. Въ томъ-то и дѣло, что юноша, прежде чѣмъ достичь такъ называемую практическую суть, долженъ былъ разрѣшить во всякомъ случаѣ противорѣчіе этой сути съ той наукой, которой его поучали въ школѣ. Ему приходилось прямо приходить въ жизнь и широкой рукой черпать въ сокровищницѣ безъ всякаго резонерства, занятаго у науки, и наука и знанія служили ему въ этомъ случаѣ только помѣхой. И образованное юношество, пропитанное этой наукой, ждало на порогѣ жизни какого либо благодѣтеля, который бы сказалъ ему: «другъ, чего ты смущаешься этимъ вздоромъ, именуемымъ наукою. Вижу я насквозь все, что совершается въ твоихъ мысляхъ; вижу, что за соръ давитъ твою голову, но ты не смущайся, выбрось спокойно это резонерство въ помойную яму, ибо это дѣйствительно только соръ настоящій, несомнѣнный соръ, а вовсе не мысли, какъ ты воображаешь. Изъ-за него не стоитъ портить жизнь человѣческую. Но въ томъ-то и дѣло, что всякій, постигшій эту простую тайну, держалъ ее про себя, соображая, что чѣмъ болѣе соблазнившихся, болѣе непонявшихъ сути, тѣмъ больше мѣста на свѣтѣ, тѣмъ шире и легче его собственная дорога. Рай былъ открытъ на землѣ, въ углу этого рая стояло бумажное древо науки съ поддѣльными яблоками. Вступавшему въ рай говорилось: «Видишь,—это красиво—но это фольга поддѣльная, картонъ безвкусный, это сало раскрашенное; не соблазняйся фольгой, не ѣшь сальныхъ свѣчей и все пойдетъ гладко. Но если ты будешь ѣсть сальныя свѣчи, то будешь изверженъ изъ рая, какъ совершенный дуракъ». Не смотря на то, конечно, нѣкоторые ѣли сальныя свѣчи и извергались изъ рая; и въ томъ-то и дѣло, что роль этихъ-то сальныхъ свѣчей играла наука и знаніе и что только не ѣвшіе сальныхъ свѣчей могли надѣяться широкой рукой черпнуть изъ жизненной сокровищницы.

Но это была только одна сторона жизненнаго вопроса, другая состояла въ томъ, что набравшееся ума юношество всетаки не сразу входило на торный путь: былъ извѣстный срокъ, въ теченіе котораго юношество обѣдало Богъ вѣсть чѣмъ, прежде чѣмъ пріобрѣтало прочное положеніе, когда золотой юноша по цѣлымъ часамъ усердно чистилъ гумиластикомъ свои перчатки, или пропадалъ по цѣлымъ днямъ изъ дому, скрываясь отъ кредиторовъ. И тутъ-то еще нагляднѣе вы-

ступало противорѣчіе между добрыми началами, которымъ поучала наука, и тѣмъ, чему поучала сама жизнь. Тутъ умному юношѣ судьба предоставляла слѣдующее: если юноша былъ до извѣстной степени поворотливъ и ловокъ—а онъ долженъ быть до извѣстной степени поворотливъ и ловокъ, то ему открывались дома извѣстнаго количества болѣе достаточныхъ обывателей, гдѣ онъ могъ показывать свою занимательность, свои хореграфическія способности и оказывать разныя мелочныя услуги семейству, прикармливаться. Но дѣло было не въ одномъ прикормѣ: юноша имѣлъ положительную необходимость изъучить и стать извѣстнымъ наибольшему числу лицъ съ болѣе или менѣе твердымъ положеніемъ, знать наибольшее количество исторій и сплетенъ для того, чтобы быть занимательнымъ, быть au courrant всего, такъ сказать, движенія и знать, какъ поступать, на кого разсчитывать. Мало было для юноши положить разъ подъ лавку свое самолюбіе и показать себя глупѣе, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Нужно было постоянно показывать себя дуракомъ, постоянно торчать на глазахъ и заставлять себя помнить. А для этого нужно было быть вхожимъ въ наибольшее число гостиныхъ. Гостиныя служили такимъ образомъ не только мѣстомъ даровaго хлѣба, но и ареной для устройства служебнаго положенія—гостиныя, а вовсе не наука. Нѣтъ, нѣтъ,— а смотришь, этого рода зажиточный обыватель, который стоитъ только на томъ, что у него поваръ получаетъ генеральское жалованье, произведетъ однимъ какимъ нибудь угощеніемъ пригрѣваемаго имъ юношу въ люди и это ему, конечно, лестно. И навѣрное можно сказать, что есть у этого угощающаго обывателя или какой нибудь кровный родственникъ, которому нужно выйти въ люди, или котораго онъ готовитъ себѣ въ зятья. Наконецъ, если у него нѣтъ никого ровно своихъ, то ужъ навѣрно прилѣпилось къ нему цѣлое стадо расцвѣтающихъ юношей и ползетъ впередъ, его объѣдая, точно стадо клоповъ. Дома этого рода обывателей составляли нейтральную почву сближенія юношей съ настоящими людьми.

Во всякомъ случаѣ очевидно, что карьера золотаго юношества такъ или иначе, а начиналась вовсе не съ науки, а съ лизоблюдства; и многіе изъ нихъ до того привыкли къ этому, что даже ставъ людьми не оставляли этой привычки пожрать на чужой кухнѣ, выпить изъ чужой рюмки, затесаться въ чужую постель. И нельзя сказать, что такого рода лизоблюдство давалось цѣною какого либо униженія, особенно юношеству военному. Я самъ видѣлъ, какъ принимали этихъ господъ по городамъ и селамъ, принимали цѣлыми оравами; прихо-

дили они какъ саранча, опивали и объѣдали, обыгрывали—и все оставалось весело. Видѣлъ, какъ принимали ихъ въ столицахъ.

Спустимся еще ниже и мы увидимъ, что зажиточные обыватели не только платили за обѣдъ и ужинъ недостаточнаго юношества, но что обували и одѣвали ихъ и вообще расплачивались за нихъ по всякимъ счетамъ.

Сама коммерція это знала и принаравливалась къ этому порядку какъ нельзя лучше. Въ прежнее время все это было устроено, конечно, грубо и во всей наготѣ представляло нѣчто черезчуръ патріархальное для образованнаго глаза. Приводилъ какой нибудь деревенскій обыватель опредѣлять своего юношу, и кланялся начальству пучкомъ ассигнацій. Приходилъ какой нибудь проситель къ этому юношѣ, и юноша тянулъ съ него также, что могъ, все на томъ основаніи, что нужно же ему, золотому юношѣ, и фракъ, и бѣлье, и перчатки, для того, чтобы дѣлать карьеру; но время и цивилизація устроили все это иначе.

Открывалъ ли французъ трактирное заведеніе, или швальное, и золотое юношество могло находить въ нихъ открытый кредитъ на десятки лѣтъ и дольше. Они были, во-первыхъ, первыми пропагандистами этихъ заведеній. Первые показывали на себѣ прелести всякаго новоизобрѣтенія моды и доставляли ходъ и популярность этимъ заведеніямъ между зажиточными обывателями, на счетъ которыхъ предприниматель могъ всегда одѣвать извѣстное число неимущаго юношества. Ему было уже достаточно и того, если ему платили зажиточные обыватели, да кромѣ того, онъ имѣлъ еще въ виду, что вотъ лѣтъ черезъ десять и этотъ самый юноша, которому онъ нашилъ панталонъ и фраковъ изъ остатковъ отъ панталонъ и фраковъ зажиточныхъ обывателей, самъ пріобрѣтетъ солидное положеніе, и станетъ расплачиваться.

Все шло такимъ образомъ и устроилось совершенно систематически и съ извѣстной послѣдовательностью и несомнѣнной логикой. И если прибавить къ этому извѣстное число игорныхъ домовъ, въ которыхъ можно было всегда пробавляться кой-какими карманными деньгами, то это все, что было нужно для того, чтобы жизнь могла совершаться правильно, и для того, чтобы золотое юношество могло не умереть съ голоду, пока не пріобрѣтетъ само кой-какого положенія.

Выходившій изъ школы начиналъ поэтому съ того, что искалъ знакомства, втирался въ дома нѣсколько открыто жившихъ обывателей, кормился, поился здѣсь, лизоблюдничалъ, знакомился съ влія-

тельными лицами, подмѣчалъ дочекъ съ приданымъ, заручался связями и протекціею и при помощи всего этого съѣдалъ мало-по-малу и своего столоначальника, и начальника отдѣленія, и т. д. Вотъ нравственный профиль человѣка, понявшаго свое безпомощное положеніе въ обществѣ, гдѣ между знаніемъ и обезпеченіемъ не существуетъ прямой связи, гдѣ въ силу ли историческихъ или другихъ обстоятельствъ это условіе упущено изъ виду.

«Дражайшіе и безцѣнные родители! писалъ такой юноша къ празднику. Поздравляю васъ съ наступающимъ новымъ годомъ и желаю вамъ всякаго утѣшенія на старости. Что касается меня, то я дѣлаю все, чтобы доставить вамъ это утѣшеніе. Всего только годъ, какъ я оставилъ школьную скамью; а между тѣмъ успѣлъ уже оставить за собой многихъ товарищей. Во-первыхъ, ни у кого нѣтъ такого избраннаго знакомства.—На первомъ балѣ, на который ввелъ меня родственникъ одного товарища, послѣ мазурки, которой я дерижировалъ, я получилъ приглашеніе въ дома нѣсколькихъ особъ и теперь никогда не обѣдаю дома; служба же моя отъ этого нисколько не страдаетъ, а даже выигрываетъ, потому что сегодня меня поздравилъ начальникъ съ мѣстомъ столоначальника. Эта новость единственный подарокъ, который я могу вамъ по моимъ средствамъ поднести къ празднику, не взыщите за его скромность.

любящій васъ N N»

Вообще такого рода подарки были лучшими, какихъ ждали родители отъ своихъ дѣтей. И тѣ, которые успѣвали преподнести такого рода подарки, благословлялись какъ самые желанныя дѣти—верхъ утѣшенія для родителей.

«Дорогой сынъ мой, отвѣчалъ отецъ: мы старики радуемся за тебя, что лишенія, понесенныя нами на твое образованіе, не пропали даромъ и ты понялъ повидимому ихъ цѣну. Старайся и впредь вести себя такъ, чтобы радовать насъ подобными извѣстіями, за которыя мы можемъ только благословлять Бога» и проч. и проч.

У юноши прошибали слезы умиленія при чтеніи этого отвѣта. «Добрый отецъ, думалъ онъ, онъ ничего не жалѣлъ для меня, какъ же я стану жалѣть для него. Я ничего не пожалѣю для него; я буду съѣдать и начальника отдѣленія и прочее все для его утѣшенія, если не для самого себя».

Вставало солнце и голодное, но изящное юношество, бывало, снуетъ и рыщетъ и все высматриваетъ, гдѣ что лежитъ и гдѣ что можно переложить лучше,

Придетъ бывало лѣто и улетятъ зажиточные обыватели на лоно природы, какъ пчелы труженицы соберутъ медъ съ полей и принесутъ его на зиму въ улей. Юношество все это пропьетъ и съѣстъ. выиграетъ въ карты, возьметъ въ приданое за зиму и затѣмъ опять повторяется тоже.

И чувствуется во всемъ этомъ даже своего рода сердобольность и круговая порука. Сорвется ли какой нибудь юноша среди труднаго пути и шлепнется объ полъ, и тутъ ему даже не дадутъ уйти со срамомъ и взяться за неблагородное занятіе. Его пригрѣютъ свои— онъ прилѣпится тутъ же гдѣ нибудь въ передней и ползкомъ станетъ просасываться опять впередъ, опять впередъ и, смотришь, выползетъ таки и сядетъ за столъ.

Одно меня всегда удивляло—это не то спокойствіе, съ которымъ всякій изъ нихъ садился за чужой столъ; спокойствіе, съ которымъ въѣзжалъ въ квартиру другаго, точно въ свою, точно онъ самъ слѣпилъ всѣ эти стѣны, покрылъ обоями, наставилъ зеркаловъ, надѣлалъ мебели, насотворилъ лакеевъ и курьеровъ и проч.; не спокойствіе, съ которымъ онъ обыгрывалъ въ карты или уплеталъ за обѣ щеки добро зажиточныхъ обывателей,—а то, какъ не могли чувствовать люди сколько нибудь серьезные, что въ такомъ положеніи юношества мало нормальнаго и нравственнаго, и что придетъ время, когда оно должно будетъ измѣниться, когда само юношество должно будетъ понять его ненормальность, если ранѣе его не поймутъ этой ненормальности люди болѣе солидные. По моему, всякій долженъ былъ ощущать всю глубокую жалость такого положенія.

Шли мѣсяцы, годы—и все совершалось въ благополучіи. Золотое юношество трудилось; трудилось, какъ видѣли, въ департаментахъ, трудилось въ гостиныхъ, трудилось наконецъ на улицѣ. Да, это была наука, отъ которой никогда не было отдыха. Выйдешь, бывало, на Невскій проспектъ. Солнце ли свѣтитъ, или тусклая изморозь стелется въ воздухѣ, а все народъ снуетъ, и золотые юноши и тутъ творятъ свое дѣло.

Полдень, почти свободно отъ нихъ на тротуарѣ. Магазинщики бѣгутъ, идетъ разсыльный, плыветъ мать семейства въ лавки, сопровождаемая лакеемъ, бродятъ провинціалы.

Стало едва смеркаться; точно фейерверочный буракъ, пролетѣлъ воинъ на парѣ, перегоняя какую-то красавицу въ бархатной шубѣ и забрызгивая грязью все окружающее, и затѣмъ, какъ по сигналу, высыпало это золотое юношество изъ департаментовъ. Что же, оно

идетъ проминать усталыя кости? Нѣтъ, оно и тутъ трудится. И какихъ тутъ нѣтъ между ними, всякіе, отъ самыхъ начинающихъ до самыхъ кончающихъ. Конечно, самымъ юнымъ и здѣсь приходится играть незавидную роль.

Вотъ они, голубчики, повысыпали, точно пчелы изъ ульевъ; вотъ одинъ изъ нихъ забѣжалъ въ парикмахерскую, другой въ перчаточную. Смотришь, уже тотъ самый молодецъ, пролетѣвшій на парѣ, идетъ имъ на встрѣчу. Одинъ изъ юношей приложилъ руку къ шляпѣ, точно моля о поклонѣ, но не получилъ поклона въ отвѣтъ. Подъѣхали сани; изъ нихъ вышли дамы и пошли впередъ, — идутъ точно показываютъ себя.

Двое изъ юношей отдѣлились, подбѣжали съ разныхъ сторонъ и, приподнявъ шляпы, пошли рядомъ. Попадаются на встрѣчу два солидныхъ обывателя, идутъ важно, о государственныхъ дѣлахъ разговариваютъ. «Не протянутъ ли руки», думаютъ юноши: «не скажутъ ли нѣсколько словъ; а можетъ быть, который нибудь изъ нихъ, взглянувъ на дамъ, не пожелаетъ ли познакомиться. Я познакомлю его съ этою дамою, а она за то можетъ ему замолвить доброе слово при случаѣ обо мнѣ». Но обыватели проходятъ важно, не обращая вниманія на поклоны юношей.

Вотъ бѣжитъ однако на встрѣчу одинъ и вставляетъ лорнетъ. Взглянувъ на дамъ, съ хохотомъ сдѣлалъ полуоборотъ и, точно не замѣчая юношу, идущаго рядомъ, оттопталъ ему ноги и вовсе оттеръ съ позиціи.

Юноша сдѣлалъ скачекъ на мѣстѣ отъ боли и почтительно, хотя и съ болью въ оттоптанныхъ пальцахъ, повернулъ назадъ и пошелъ, пріободряясь снова. Бродитъ у него такая мысль въ головѣ: не попадется ли тутъ, положимъ, дѣйствительная статская совѣтница N, не пригласитъ ли она его пообѣдать, а онъ извинится и скажетъ, что онъ обѣдаетъ сегодня уже у графини такой-то. Черезъ это онъ сейчасъ же возвысится въ ея глазахъ, такъ что она тотчасъ же возьметъ съ него слово обѣдать завтра, да пожалуй найдетъ для него мѣсто въ своей ложѣ сегодня же и скажетъ: «въ такомъ случаѣ, пріѣзжайте къ намъ въ ложу послѣ обѣда». А къ этой ложѣ подойдетъ навѣрное тотъ самый обыватель, который оттопталъ ему ноги, и увидавъ въ ней его, юношу, какъ своего человѣка, обратитъ на это вниманіе.

Но дѣйствительная статская совѣтница N не попадается. Вмѣсто того, юноша встрѣчается лицомъ къ лицу съ своимъ оберъ-начальникомъ и его помощникомъ, ломаетъ шляпу и едва получаетъ ки-

вокъ въ отвѣтъ, и идетъ далѣе, уже думая: «да не попадется ли наконецъ кто нибудь, кто бы позвалъ на щи съ кашей! ибо свиститъ въ карманахъ».

Вотъ какъ жило золотое юношество. Но вѣдь это профиль только самыхъ счастливыхъ и притомъ профиль самый внѣшній и поверхностный. Что должны были бы мы изобразить, если бы спустились глубже въ самый закулисный міръ интриги и лизоблюдства? Каково наконецъ было положеніе тѣхъ, кому недоступно было самое поле интриги и кто сгнивалъ на трехъ рубляхъ въ мѣсяцъ жалованья съ семьей? Могло ли положеніе этихъ совершаться иначе, какъ на чужой счетъ въ тѣсномъ смыслѣ? Была ли для нихъ взятка обязательна? Итакъ, о какой же тутъ могла идти рѣчь нравственности, о какихъ принципахъ?

Можно судить такое положеніе какъ угодно, можно объяснять и оправдывать его какими угодно обстоятельствами, но прежде всего нельзя имъ хвастать; во-вторыхъ, нельзя не признать, что оно обусловливалось ничѣмъ инымъ, какъ отсутствіемъ прямой связи между образованіемъ и кускомъ хлѣба, и въ-третьихъ, наконецъ, нельзя не признать, что самое это положеніе могло держаться присутствіемъ, съ другой стороны, даровыхъ обезпеченій, т. е. крѣпостныхъ доходовъ, на которые жила, прямо или косвенно, вся часть общества, носившаго рубашку въ брюки, — насколько она не жила на счетъ казны. Между тѣмъ число образованныхъ для проформы приливало, а доходы проживались вмѣстѣ съ капиталами. Число алчущихъ стать ближе къ чашѣ усиливалось, а чаша мелѣла, и притомъ мелѣла не только чаша помѣщичья, но и казенная. Должно ли это было дать себя почувствовать сколько нибудь на положеніи людей, не обезпеченныхъ, съ знаніемъ въ рукахъ, не дававшимъ прямо хлѣба?

Наконецъ крѣпостное право прекратилось, помѣщикъ сталъ жаться и проживать выкупныя свидѣтельства. Спрашиваю я, какъ же это должно было отразиться на его дѣтяхъ и должно ли было отразиться какъ нибудь? Существуй дѣйствительная связь между образованіемъ и кускомъ хлѣба, мы бы сказали, что дѣтямъ ровно не было никакого дѣла до измѣнившихся обстоятельствъ. Но развѣ эта связь существовала на самомъ дѣлѣ? развѣ грамотное дворянство безъ душъ и капиталовъ, изготовленное въ чиновничество, не было истиннымъ пролетаріатомъ? Не на то ли, что мы смутно чувствовали, насъ стали поучать собственныя дѣти и мы стали къ нимъ въ оборонительное положеніе? Но развѣ было чего пугаться въ сущности?

Очевидно было; только вмѣстѣ съ крѣпостнымъ вопросомъ рождался и дѣтскій, что обезпечивая крестьянъ, справедливость требовала также подумать о дѣтяхъ не въ томъ смыслѣ, чтобы давать имъ надѣлы, а въ томъ, что образованіе людей, готовившихся жить въ некрѣпостномъ обществѣ, должно было быть нѣсколько иное, не только по своему нравственному, но и матеріальному характеру. Уничтожая крѣпостныя отношенія между мужиками и помѣщиками, обратить вниманіе и на вещи связанныя съ этими отношеніями въ другихъ положеніяхъ. Такая вещь, обусловленная чисто крѣпостными отношеніями, была въ нашемъ образованіи. Это была именно та чисто формальная роль, какую играло въ жизни отсутствіе связи между образованіемъ и обезпеченіемъ. Послѣдствія этого условія всегда отражались дурно на общественной нравственности, но условіе это при крѣпостныхъ отношеніяхъ было по крайней мѣрѣ физически терпимо; теперь обстоятельства измѣнились, человѣкъ, который обязывался самымъ антикрѣпостнымъ началомъ жить не на чужой счетъ, а на свой собственный, имѣлъ всю перспективу пролетарія, если образованіе, на которое онъ тратилъ и время и послѣднія средства, служило только искусствомъ для искусства, пріятнымъ препровожденіемъ времени. Объ этомъ, какъ хотите, а должны были подумать дѣти. Въ этомъ-то заключается ихъ вопросъ.—Нужно было очевидно одновременно съ крестьянскимъ рѣшить и этотъ вопросъ, или по крайней мѣрѣ замѣтить его присутствіе. Нужно было признать существованіе связи между образованіемъ и обезпеченіемъ за нѣчто по крайней мѣрѣ совершенно уже теперь неизбѣжное и въ этомъ смыслѣ, снисходя къ меньшей братіи, не исключать никого изъ нашего сердоболія, обезпечивая крестьянъ, обезпечить и дѣтей.

Но если мы не умѣемъ примѣнять нашей жизни къ обстоятельствамъ, то она сама начнетъ примѣняться къ этимъ обстоятельствамъ; такъ было и здѣсь. Ели мы не видѣли дѣтскаго вопроса, то онъ самъ долженъ былъ указать на себя и указать себя тѣмъ, что сами дѣти стали примѣняться къ новымъ обстоятельствамъ и стараться устроить какъ нибудь отсутствующую связь между кускомъ хлѣба и воспитаніемъ. Эта-то вотъ забота о кускѣ намъ хлѣба показалась съ ихъ стороны матеріализмомъ, а отъ матеріализма во всѣ четыре стороны дорога открытая, въ ней сколько хватитъ краснорѣчія—все вѣроятно.

Я долженъ замѣтить однако читателю, что тутъ съ его стороны была маленькая недобросовѣстность: онъ смѣшалъ и принялъ матеріальное обезпеченіе за матеріализмъ, и на каламбурѣ основалъ весь

свой процессъ дѣтямъ. Постановка своего вопроса дѣтьми не имѣла въ себѣ первоначально ничего такого, что бы оправдывало такое смѣшеніе, она выразилась въ усиленномъ стремленіи къ образованію вообще, не къ такому формальному образованію, какое было въ обыкновеніи прежде, а болѣе серьезному, и между прочимъ въ усиленномъ стремленіи къ образованію реальному, эта-то послѣдняя тенденція и послужила первымъ поводомъ къ подозрѣнію о развитіи въ молодомъ поколѣніи матеріализма. Но мы теперь можемъ догадываться, въ чемъ была тутъ сущность дѣла.

Два рода школъ и факультетовъ существовало у насъ до сихъ поръ—классическія и реальныя.

И то и другое изученіе составляло спеціальности; и то и другое избиралось юношествомъ, смотря не по вкусу и призванію только, а смотря также по куску хлѣба, который даетъ каждое. Люди съ классическимъ образованіемъ имѣли у насъ два пути, педагогику и службу. Реалисты, кромѣ этихъ двухъ путей, могли становиться частными механиками, химиками, инженерами, медиками и проч. Ясное дѣло, что кусокъ хлѣба для послѣднихъ былъ разнообразнѣй,—рынокъ ихъ знаній былъ шире самъ по себѣ. Но за то реальные факультеты требовали болѣе труда, болѣе терпѣнья и усидчивости. Факультетъ медицинскій и математическій были труднѣе факультета юридическаго, административнаго, филологическаго. Они давали между тѣмъ одинакія права службы, и пока служебная конкурренція была не слишкомъ велика, пока существовало крѣпостное право, и слѣдовательно масса дворянства, приливавшая въ университетъ, имѣла въ виду болѣе или менѣе готовое обезпеченіе, до тѣхъ поръ масса учащихся приливала преимущественно въ факультеты наиболѣе легкіе, оставляя насъ безъ техниковъ, химиковъ и проч., доводя служебную конкурренцію до совершенной борьбы изъ-за средствъ существованія.

Но крѣпостное право должно было пасть, средства дворянъ сократиться, число домашнихъ наставниковъ также; значительная часть дворянъ не могла разсчитывать на возможность прожить на собственныя средства за то время службы, пока служба эта не могла ихъ сколько нибудь обезпечить, а извѣстное дѣло, что обыкновенная служба представляла на низшихъ мѣстахъ весьма малое обезпеченіе. Въ то же самое время шло сокращеніе штатовъ.

Понятенъ ли былъ при такихъ условіяхъ отливъ людей къ реальнымъ знаніямъ? Ясно, что этихъ знаній искало само юношество, какъ наиболѣе обезпечивающихъ. Но вотъ съ насмѣшекъ надъ этими-то

стремленіями, съ насмѣшекъ надъ дѣтскимъ кускомъ хлѣба, какъ извѣстно, и началось наше отношеніе къ дѣтскому вопросу. Это и были Базаровскія лягушки. Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на эти простыя въ существѣ обстоятельства, мы сразу ихъ не поняли, и я не знаю, не играло ли въ этомъ непониманіи, кромѣ непониманія, еще застарѣвшее чувство барства.

Не считалъ ли нашъ читатель образованіе для куска хлѣба просто чѣмъ-то унизительнымъ и вслѣдствіе этого унизительными для своихъ дѣтей всѣ познанія, дававшія прямой кусокъ хлѣба. Если, не кончая курса въ одномъ изъ заведеній, изъ которыхъ массами вырабатывались прежніе золотые юноши, сынъ читателя свертывалъ съ дороги и уходилъ въ горшко-обжигатели,—это казалось уже непокорствомъ.

Будь читатель сколько-нибудь разсудительнѣе, онъ сообразилъ бы, что его дѣтище поступаетъ здраво. Но вмѣсто того читатель выгонялъ сына, обругавъ его за такія понятія, а дочь запиралъ на четыре замка и назвалъ все это бунтомъ.

Но сынъ все-таки уходилъ въ горшко-обжигатели, ибо его гнала нужда, а читатель считалъ свою семейную гордость попранною, и воображеніе его стало переполняться косматыми, неумытыми фигурами, о которыхъ пошли толки въ обществѣ, фигурами, выражающими собой дѣтское непокорство. Съ тѣхъ поръ, гдѣ бы онъ ни появлялся въ толпѣ, ему казалось, что его окружаетъ орда косматыхъ фигуръ и съ презрительной усмѣшкой глядитъ на него, и узнаетъ онъ между этими фигурами собственное дѣтище. Отравлены всѣ его успѣхи и наслажденія. Кажется ему, что вездѣ торчатъ эти неумытыя фигуры и всюду преслѣдуютъ его своими взглядами и въ этихъ взглядахъ читаетъ онъ точно укоръ всей своей жизни.

Факта этой косматой фигуры не можетъ переварить читатель, ни разрѣшить: она портитъ ему сонъ и пищу.

Читатель не спрашиваетъ, однако, кто прокормитъ непокорнаго горшко-обжигателя, если даровые обѣды закрываются. Да еслибъ и были даровые обѣды,—портной закрылъ кредитъ, не на что купить фрака. Хореографическія способности не гдѣ показывать также. Занять не у кого, некого даже обыграть въ карты.

Если бы я сказалъ теперь, однако, что все практическое выраженіе опаснаго резонерства, которое мы преслѣдовали вмѣстѣ съ стриженными дѣвками и косматыми нигилистами, состояло въ исканіи труда, дающаго кусокъ хлѣба—въ такихъ занятіяхъ, въ какихъ прежніе отцы

не привыкли видѣть своихъ дѣтей; если бы я прибавилъ, что взглянуть серьезно на дѣтскій вопросъ намъ прежде всего помѣшало собственное барство, то врядъ ли встрѣтилъ бы сознаніе въ этомъ со стороны читателя. А между тѣмъ каждый изъ нихъ долженъ очень хорошо знать, что такое стриженая дѣвка—это дочь—пожелавшая работы,—что такое резонеръ—это юнкеръ, поступившій въ технологи.

Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на самыя простыя въ сущности обстоятельства и облегчить собственнымъ дѣтямъ средства обезпечить свое будущее положеніе, у насъ все это пріобрѣло смыслъ вольнодумства и окрестилось въ нигилизмъ, а образъ благонамѣреннаго юноши слился съ тратой времени на пустыя занятія, которыя судятъ въ будущемъ круглую необезпеченность. Мы точно думали, что общественное спокойствіе болѣе всего будетъ поддерживаться переполненіемъ общества людьми, которые менѣе всего найдутъ въ немъ себѣ обезпеченія. Вотъ въ сущности вещи, которыми били по головѣ, изъ которыхъ старались слѣпить политическую партію, вещи, которыя вздували всѣми силами и старались выдать за агитацію.

Въ нравахъ юношества дѣйствительно начиналась перемѣна, и нельзя сказать, чтобы она начиналась къ худшему, потому что вмѣсто того, чтобы учиться бить стекла въ трактирахъ, наше юнкерство стало учиться чему бы то ни было. Но мы хотѣли во что бы то ни стало, и не удивительно, если достигли отчасти, чтобы нашъ юнкеръ превратился не въ человѣка умѣющаго, по крайней мѣрѣ, хоть слѣпить горшокъ,—а въ философа, который думалъ бы, что если онъ лѣпитъ горшокъ, то онъ не горшокъ лѣпитъ, а производитъ политическую агитацію. Нужно было, чтобы это самое простое само по себѣ явленіе, стремленіе связать кусокъ хлѣба съ образованіемъ—совпадаетъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что у гимназиста Горобца (классика, замѣтьте) попался въ карманѣ запрещенный листокъ, чтобы и то и другое явленіе было принято за одно, и тоже стремленіе къ куску хлѣба объяснено было почти бунтомъ. Нужно было мало того, чтобы тотъ же гимназистъ Горобецъ узналъ изъ устъ публицистовъ, что если онъ хочетъ быть дѣйствительно запрещеннымъ лицемъ въ обществѣ, онъ долженъ изучить естественныя науки, и когда у него отняли запрещенный листокъ, онъ могъ себя успокоить тѣмъ, что продолжаетъ демонстрировать болѣе дешевымъ способомъ, изучая химію. Такимъ образомъ созданъ былъ Горобецъ—болванъ, демонстрирующій тѣмъ, что онъ болтаетъ о реализмѣ.

Что же мы имѣемъ, однако, въ результатѣ такого пренебреженія къ дѣтскому вопросу, какъ вопросу экономическому? Мы имѣемъ двѣ вещи: съ одной стороны извѣстный процентъ ни къ чему не пріуроченнаго и осмѣиваемаго въ самомъ молодомъ поколѣніи базаровства, съ другой стѣсненіе образованія, закрытіе университетовъ для женщинъ и массу праздныхъ каѳедръ и пустоту въ открытыхъ аудиторіяхъ.

Гдѣ твои дѣти теперь, читатель, что они дѣлаютъ, учатся ли чему, и чему—я объ нихъ ровно ничего не знаю и потому-то спрашиваю тебя, учатся ли они чему либо такому, что дастъ имъ прямо кусокъ хлѣба, или перешибленное политическимъ процессомъ стремленіе къ образованію готовитъ въ молодомъ поколѣніи пролетаріевъ?

За что же вся масса юношества, въ которомъ обнаружилась тенденція искать себѣ трудоваго куска въ будущемъ, безъ разсчета на готовое обезпеченіе, интриги и протекцію, подвергалось открытому подозрѣнію всякой инкриминаціи?

Уже процентъ необезпеченнаго образованнаго юношества составляетъ насущный фактъ, и это *юношество голодаетъ*. Такой ли это фактъ, чтобы не стоило обратить на него никакого вниманія. Я осмѣлюсь спросить, знаемъ ли мы, на сколько оно въ самомъ дѣлѣ голодаетъ, и извѣстна ли намъ статистика этого голоданія. Не время ли обратить вниманія на эту сторону дѣла. Не время ли тѣмъ въ особенности, которые такъ много хлопочутъ о нравственности этого поколѣнія, понять, что эта нравственность не будетъ дана ни школьной дисциплиной, ни навязываніемъ одного вида образованія примущественно передъ другимъ, ни лишеніемъ этого юношества куска хлѣба, а именно *этой связью* между кускомъ хлѣба и образованіемъ, въ которой первое начало всей педагогики. Но они-то именно полагаютъ, что лучшая школа нравственности есть голодъ. Это все тѣ же розги, о которыхъ писалъ Добролюбовъ, и которыя разрушали всероссійскія иллюзіи, все та же удачно примѣненная пощечина гатчинскаго наставника, только на политической сковородѣ. Такова сущность вопроса. Въ слѣдующій разъ мы скажемъ спеціально о причинахъ, мѣшающихъ намъ проникнуться до сихъ поръ этой сущностью, о спеціальныхъ заслугахъ въ этомъ случаѣ заплечнаго публициста, принявшаго и въ этомъ случаѣ—роль заплечнаго мастера нашего дѣтства.

II.

Дворянство должно измѣнить свой образъ жизни; оно должно измѣнить вмѣстѣ съ тѣмъ и образъ мыслей и понятій, оно должно измѣнить и систему воспитанія. Въ этомъ оно еще не убѣждено. Оно любитъ однако напоминать о томъ, какія оно принесло жертвы за послѣднее время изъ своего кармана, и если оно въ самомъ дѣлѣ убѣждено въ этихъ жертвахъ, то въ его разсужденіяхъ оказывается противорѣчіе. Разсужденіе слѣдуетъ вести такъ: если были принесены жертвы и притомъ значительныя, то жертвы эти не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ вычитаніемъ изъ дворянскихъ достатковъ. Грошъ, переложенный изъ одного кармана въ другой, есть во всякомъ случаѣ грошъ, отнятый у того кармана, у котораго онъ отнятъ. А если мы сами говоримъ, что у насъ убыли не гроши, а цѣлыя состоянія, то отсюда логически вытекаетъ то заключеніе, что мы не можемъ разсчитывать на тотъ образъ жизни, на который разсчитывали прежде. А если мы мѣняемъ образъ жизни, то должны измѣнить вмѣстѣ съ тѣмъ и наши понятія и систему воспитанія. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ мы разсуждаемъ совершенно обратно. Мы принесли, говоримъ мы, значительныя жертвы, мы отдали чуть не половину нашихъ состояній на общее дѣло обезпеченія крестьянъ — и продолжаемъ разсчитывать на прежній образъ жизни, на прежніе нравы. Пять лѣтъ къ ряду общество представляется защищающимъ свое барство въ различныхъ оттѣнкахъ, подъ различными предлогами и основаніями. Общество протестуетъ противъ осквернения дворянскихъ рукъ не-дворянскимъ трудомъ. Органы, принявшіе на себя защиту нашихъ интересовъ, не скажу — съ возмутительнымъ цинизмомъ, а съ идеальной безтолковостью выставляютъ на видъ нашу прожорливость, нашу способность распоряжаться только такимъ сумасшедшимъ образомъ нашими остатками, за который по закону эти остатки слѣдуетъ брать подъ опеку. Все это для того, чтобы потѣшить барское самолюбіе, спасти отцовскій духъ безпечности и самодурства въ дѣтяхъ.

Аристократическая жилка раздражается, муссируется духъ барской расточительности и вмѣсто того, чтобы думать о работѣ, дающей кусокъ хлѣба, мы разсчитываемъ еще на мѣдныя деньги сыграть роль общественныхъ дѣятелей и покровителей бѣдности, патронизируя учрежденія различныхъ благотворительныхъ обществъ въ новомъ вкусѣ пятью рублями, недоплаченными по этому случаю по счету прачкѣ.

Одно изъ двухъ: или мы въ самомъ дѣлѣ можемъ еще проѣдаться, можемъ содержать на оброки и поземельные доходы по прежнему цѣлый хвостъ цивилизованныхъ пролетаріевъ, не пріуроченныхъ къ дѣлу, можемъ воспитывать изъ нашихъ дѣтей салонную сволочь,—и тогда, значитъ, о какихъ же мы толкуемъ значительныхъ пожертвованіяхъ? Очевидно, что или принесенныя жертвы незначительны для того, чтобы отразиться сколько нибудь на нашихъ нравахъ,—слишкомъ незначительны, чтобы заслуживать названіе жертвъ; или въ самомъ дѣлѣ время нашихъ достатковъ прошло и тогда невозможно болѣе барство, и продолжать воспитаніе дѣтей въ смыслѣ этого барства составляетъ уголовное передъ ними преступленіе и самый нелѣпый обманъ. Таково противорѣчіе, которое жуетъ, пережевываетъ въ послѣднія пять лѣтъ общество, раздраженное грубостью вольноотпущенныхъ, закрытіемъ кредита, ничтожествомъ дохода. И это-то вотъ противорѣчіе стараемся мы выдавать въ нашемъ слабомыслiи за любовь къ отечеству, оправдать пользой. Польза отечества въ нашемъ мотовствѣ — для того, чтобы спасти принципъ барства, служившій опорой порядку. Загадочно! Будемъ же рѣшать эту загадку, будемъ взвѣшивать и самый принципъ мотовства и его аргументацію отечественной пользой; авось узнаемъ этимъ путемъ, о чемъ въ сущности хлопочутъ, сами того не сознавая, наши баричи.

Въ человѣкѣ существуетъ особенное свойство принаравливать свои понятія къ своему положенію, искать въ этомъ положеніи успокоительныхъ и ласкающихъ самолюбіе сторонъ, и онъ находитъ эти стороны во что бы то ни стало и во всякомъ случаѣ. Онъ всегда съумѣетъ освѣтить въ своемъ воображеніи извѣстныя его стороны такъ, чтобы найдти въ нихъ источникъ гордости для себя, несмотря на то, стоятъ ли эти стороны его гордости или нѣтъ. Работникъ, крестьянинъ, лакей, купецъ или баринъ — въ каждомъ положеніи скрыта своя соціальная гордость, въ каждомъ положеніи укрѣпилась и живетъ преемственно чрезъ поколѣнія своя доля презрѣнія къ другимъ положеніямъ и своя гордость, уваженіе и привязанность къ особенностямъ своего собственнаго. Есть такая гордость въ русскомъ крестьянинѣ, направленная противъ всего, что не мужикъ. Она была еще замѣтнѣе въ нашемъ лакействѣ, которое считало для себя обиднымъ возвращеніе къ мужицкому положенію. Эта-то спѣсь особенностями своего положенія существовала въ такъ называемыхъ цивилизованныхъ слояхъ. Не разбирая, хороши или дурны тѣ особенности, которыя намъ принадлежали, мы гордились ими, какъ нашими лич-

ными особенностями. Мы привыкли смотрѣть на эти особенности какъ на нѣчто нравственно цѣнное просто потому, что они соста, вляли особенность нашего положенія, и болѣзненно смотрѣли на ихъ утрату, какъ на ущербъ нашей гордости и оскорбленіе, хотя бы въ сущности наше нравственное положеніе только выигрывало вслѣдствіе такихъ утратъ, хотя бы потеря этихъ-то именно особенностей и давала намъ право гордиться чѣмъ нибудь, а сохраненіе ихъ въ сущности насъ только унижало.

Что безнравственнѣе, въ сущности, жизни на чужой счетъ; а между тѣмъ эта-то жизнь на чужой счетъ составляла всю подкладку барской крѣпостной гордости. На этой подкладкѣ выросли извѣстныя понятія о достойномъ и унизительномъ, выросли и утвердились совершенно однообразно, съ пунктуальной тожественностью — вездѣ, гдѣ люди находились въ одномъ положеніи. Барство вездѣ, гдѣ оно ни существовало, было тѣмъ горделивѣе, чѣмъ шире оно могло распоряжаться чужимъ трудомъ, и видѣло доблесть въ тратахъ на широкую ногу. Между тѣмъ, какъ работникъ утѣшался въ своемъ удрученномъ положеніи и гордился именно тѣмъ, что всѣ его траты оплачиваются его личнымъ трудомъ, барство вездѣ смотрѣло на пропитаніе личнымъ трудомъ, какъ на нѣчто для себя оскорбительное, — въ то время какъ это-то и составляло гордость работника.

Понятно, что въ существѣ дѣла не можетъ же быть вещей, оскорбляющихъ и унижающихъ одного человѣка и не унижающихъ другаго. Не можетъ же быть этого раздѣленія людей на категоріи, изъ которыхъ для одной было бы въ самомъ дѣлѣ достойно то, что для другой оскорбительно. Кто нибудь былъ здѣсь неправъ, или мужикъ, или баринъ. И выбирая между двумя мнѣніями, мы теперь не затруднимся конечно рѣшить, что былъ скорѣе въ правѣ гордиться тотъ, кто гордился личнымъ трудомъ, чѣмъ тотъ, кто гордился личной расточительностью этого труда.

Но такова сила привычки, что не смотря на анализъ, на логическое убѣжденіе, человѣкъ все-таки готовъ хвастать своими дурными сторонами и считать для себя оскорбительными болѣе нравственное положеніе, болѣе достойныя условія.

Органы продолжаютъ хвастать отъ лица нашего цивилизованнаго общества этими именно привычками, въ которыхъ общество уронило свое нравственное значеніе.

Къ чести или не къ чести этого общества, я долженъ однако сказать, что оно никогда не понимало настоящей причины, въ силу

которой оно училось гордиться этой властью надъ чужимъ трудомъ и возможностью расточительности. Оно не понимало, что поддерживая въ немъ эту гордость, думали поддержать въ немъ вовсе не расточительность, а возбудить духъ пріобрѣтенія, который составлялъ дѣйствительный залогъ аристократизма, какъ сословной силы. Оно понимало свое барство грубо и матерьяльно, иначе оно не издерживалось бы и не проматывалось, между тѣмъ какъ теперь всю политическую роль оно полагало въ мотовствѣ. Хорошо это было или дурно, но въ этомъ заключается серьезное условіе, рѣшающее его вопросъ.

Печально повѣсивъ носъ, разсуждая теперь надъ своимъ положеніемъ, оно довольно, когда его тѣшатъ картинами застольнаго пьянства, когда его раздражаютъ противъ людей, пытающихся примѣниться къ новымъ условіямъ и стать на нѣсколько иную точку зрѣнія къ тому, что стоитъ гордости или нѣтъ. Оно довольно, когда его усыпляютъ надеждами на то, что можно еще воскресить растраченные доходы, испортивъ положенія 19 февраля, поддержавъ духъ барства въ школахъ и молодомъ поколѣніи, отнявъ кусокъ хлѣба у дѣтей и женщинъ. Его теперь надоумливаютъ о томъ, что оно должно сплотиться въ корпорацію; учатъ, что въ его прошедшихъ доходахъ заключались не только доходы, а политическая сила, т. е. обезпеченіе на будущее время такихъ же доходовъ, такого же барства, утративъ которые, оно утратило вмѣстѣ съ тѣмъ и въ жизни возможность удержать за собой какія либо привилегіи. Его учатъ съ отчаянія поставить своихъ дѣтей, что называется, въ упоръ къ стѣнѣ, лишивъ ихъ куска хлѣба для того, чтобы масса созрѣвающаго юнкерства, лишенная положительныхъ знаній, масса истинныхъ пролетаріевъ, была вынуждена очертя голову и во что бы то ни стало желать дароваго куска и такимъ образомъ поддерживать принципъ барства. Все это-то вотъ называтся патріотизмомъ. Почему, на какомъ основаніи патріотизмъ можетъ нуждаться въ этомъ барствѣ? знаютъ ли наши философы, настаивающіе на спасеніи барскаго начала, въ чемъ полагалась историческая роль этого барства, въ чемъ заключались его аргументы, которыми оно защищало себя теоретически, какъ политическій принципъ въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣ времена, когда оно считалось необходимымъ элементомъ цивилизаціи?

Я укажу на эти аргументы «противъ себя» для того, чтобы ничего не оставить въ сторонѣ и безъ возраженія. Барство, говорятъ, играло въ политическомъ отношеніи двоякую роль, его оправдывающую

Оно составляло средство, дисциплинирующее массу. Поэтому-то оно и называло себя опорой политическаго единства. Барство съ другой стороны играло роль цивилизующую; оно, живя на готовыя средства, не тратя времени на грубый трудъ, служило тѣмъ укромнымъ угломъ, въ которомъ находила свое помѣщеніе и пріютъ цивилизація. Потому-то, говорятъ, нельзя относиться къ нему съ такой безцеремонностью—ибо, посягая на него, мы посягаемъ и на орудіе централизаціи, посягаемъ и на нашу цивилизацію.

Согласимся; что это барство служило такимъ орудіемъ централизаціи, что при его существованіи могла развиться въ извѣстныхъ предѣлахъ цивилизація, плодами которой оно одно, говоря между прочимъ, и пользовалось только. Остается затѣмъ все-таки вопросъ: какую дисциплину и какую цивилизацію приносило это барство?

Всякое орудіе цѣнится по его результатамъ и по дѣйствію—бываютъ орудія, дающія большіе и меньшіе результаты въ томъ же направленіи; бываютъ орудія грубыя и несовершенныя, съ которыми при всемъ искусствѣ достигаются только весьма недостаточные результаты, влекущіе за собой съ другой стороны страшныя пожертвованія; орудія, при помощи которыхъ можно достичь только весьма условнаго и ограниченнаго успѣха, и нельзя, не смотря ни на какія усилія, достичь большаго успѣха, потому что эта ограниченность заключается въ свойствахъ самаго орудія.—Человѣчество въ своемъ развитіи начинаетъ вообще съ пользованія такими несовершенными и непосредственными орудіями и только опытъ и постепенное развитіе приводитъ его къ пользованію средствами болѣе совершенными и болѣе успѣшными. Никто не станетъ утверждать конечно, чтобы такое орудіе, первобытное и несовершенное, было навсегда самымъ пригоднымъ къ дѣлу человѣчества, потому что въ извѣстный періодъ невѣжества оно служило первымъ средствомъ достиженія извѣстныхъ результатовъ. Но такимъ-то грубымъ орудіемъ дисциплинировать массу и было барство и крѣпостничество. Вопросъ поэтому не въ томъ, служитъ ли барское начало орудіемъ извѣстнымъ цѣлямъ, но какимъ орудіемъ оно было для этихъ цѣлей, достаточно ли пригоднымъ и совершеннымъ для того, чтобы можно было о немъ говорить серьезно, какъ о средствѣ, дающемъ политическое единство и цивилизующемъ. Вотъ тутъ-то именно и оказывается, что это было начало, задерживающее самое объединеніе массъ на весьма грубой и недостаточной степени—задерживающее цивилизацію на извѣстной грубой степени, далѣе которой въ связи съ этимъ началомъ не можетъ развиваться цивили-

зація. Барское начало являлось централизующимъ тогда, когда для объединенія людей вообще было одно средство—война, и не было сознанія ни другихъ связующихъ средствъ, ни сознанія самой выгоды отъ объединенія. Въ это время объединеніе представлялось въ чисто политической военной формѣ и это политическое объединеніе приносила съ собою политическая власть, извнѣ налагавшая его и приносившая чуждую массамъ дисциплину. Понятно, если эта власть искала поэтому сдѣлки съ барскимъ началомъ для дисциплинированія.

Но съ тѣхъ поръ понятіе о централизаціи или дисциплинѣ пережило эту грубую форму, потому что явились и указались сами собою иныя орудія и средства объединенія, иныя причины объединенія, кромѣ посягательства на чужой личный произволъ.

Эти орудія—тѣ выгоды, которыя извлекаютъ люди изъ взаимныхъ дружественныхъ сношеній, изъ взаимнаго подчиненія другъ другу, изъ взаимныхъ связей другъ съ другомъ и дисциплины. Съ помощію такого сознанія люди, нѣтъ сомнѣнія, способны устроить между собою такія связи, провести начало объединенія въ такой формѣ, которымъ конечно уступаетъ грубое начало крѣпостнаго объединенія. Послѣ этого понятно, что барское начало представляетъ собой дисциплину въ грубой формѣ, удерживаетъ народъ отъ болѣе тѣснаго, совершеннаго объединенія. А если въ объединеніи людей ихъ сила, то барство, стало быть, служитъ уже источникомъ политической слабости народа въ сравненіи съ народомъ, дисциплинированнымъ иначе. Формы самобытнаго хозяйства, задатки которой представляетъ народное село съ своей землей, не обязательной работой на землевладѣльца, конечно не менѣе связываютъ, цивилизуютъ и дисциплинируютъ, чѣмъ барскія владѣнія,—несомнѣнно тѣснѣе и раціональнѣе связываютъ людей, чѣмъ крѣпостная община, но они-то упраздняютъ барское начало въ дѣлѣ дисциплины, и потому понятно все нерасположеніе перваго къ этой формѣ народнаго труда.

Съ другой стороны барство вездѣ употребляло всѣ средства для того, чтобы препятствовать этой формѣ объединенія, и потому-то нигдѣ до сихъ поръ дѣло взаимной дисциплины не привилось и не развивалось до той степени, чтобы сплотившіяся корпораціи могли на самомъ дѣлѣ положить предѣлъ всякимъ толкамъ о необходимости барской опеки въ той или другой формѣ надъ народнымъ трудомъ. А потому-то въ концѣ-концовъ мы не можемъ даже сказать, на сколько въ самомъ дѣлѣ барское начало служило опорой политическаго един-

ства и на сколько препятствовало болѣе прочному политическому единству, и не устроилось ли бы это единство въ болѣе прочномъ видѣ помимо помѣхи въ этомъ дѣлѣ барства. Къ чему же мы станемъ поощрять послѣ этого барство? Ясно къ чему,—къ тому, чтобы иные люди раньше насъ вступили на путь свободныхъ корпорацій и оказались лучше объединены и политически сильнѣе насъ.

Что же касается цивилизующей роли барскаго начала, то она слишкомъ очевидно исключительная, слишкомъ условная для того, чтобы стоило на ней останавливаться. Рабочая корпорація представляется не потому только предпочтительною передъ владѣльческой въ ея разнообразныхъ формахъ, что она сильнѣе; но она потому именно сильнѣе, что болѣе оставляетъ въ своихъ рукахъ изъ того, что вырабатываетъ, а потому является и вмѣстѣ съ тѣмъ цивилизованнѣе. Въ одномъ случаѣ мы получаемъ цивилизованную или полуцивилизованную единицу на темную массу, въ другомъ—общую цивилизацію; тутъ выборъ не можетъ быть затруднителенъ. А если цивилизація есть сила, то ясно, что барское начало, уединяющее цивилизацію въ ограниченную часть общества, ослабляетъ политическую силу народа.

И такъ, какія же были бы патріотическія причины поддерживать у насъ это начало? одна причина—дать другимъ опередить насъ еще болѣе въ цивилизаціи.

Такимъ образомъ сохраненіе барскаго начала оказывается политической безтактностью съ двухъ сторонъ, въ смыслѣ развитія тѣсныхъ отношеній между людьми, въ смыслѣ цивилизаціи. Для того, чтобы все это стало наглядно, стоитъ только сравнить тѣ общественныя формы, которыя даетъ это начало въ результатѣ, съ формами имъ противоположными. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ крѣпостныя общины, населенныя привязанными къ ней закономъ рабочими силами, можемъ имѣть въ виду и впредь селенія или фабричныя общины владѣльческія, населенныя наемными людьми или работниками.

Одно то обстоятельство, что люди изъ крѣпостныхъ рабочихъ становятся наемными, не мѣняетъ еще въ существѣ самыхъ результатовъ. Народный трудъ продолжаетъ направляться не на тѣ предметы, которыхъ требуютъ народныя нужды, а на тѣ, пользованіе которыми допускаютъ средства предпринимателя — капиталы скопляются не въ народѣ, а въ рукахъ лицъ, работающихъ батраками. Народъ остается по прежнему бѣденъ и нецивилизованъ, а составляются отдѣльныя состоянія, которыя тратятся и употребляются тѣмъ же порядкомъ,

какъ и въ крѣпостныхъ условіяхъ. Какъ бы ни были значительны эти отдѣльные капиталы, но они никогда не сравняются съ тѣми, которые образуются въ томъ случаѣ, когда состоянія разливаются въ массѣ. Часть единичныхъ капиталовъ уходитъ всегда на роскошь, тратится убыточно и ежегодно вычитается изъ народнаго богатства. Промышленность устраивается въ разсчетѣ на потребителей роскоши и потому направляется всегда ложно и устраивается не для всѣхъ, а для исключительныхъ состояній.

Никогда, въ самыя цвѣтущія времена аристократическихъ состояній, при помощи скопленія огромныхъ богатствъ въ отдѣльныхъ рукахъ не могло быть осуществлено и тѣни тѣхъ предпріятій, которыя могли быть осуществлены въ Европѣ въ послѣднее время. А эти предпріятія были именно осуществлены не на отдѣльные капиталы, а на незначительные мелкіе капиталы, собранные въ среднемъ классѣ. Если же такого ничтожнаго раздѣленія и образованія среднихъ достатковъ въ среднемъ кругу, какое произвело въ Европѣ уничтоженіе крѣпостнаго труда, было достаточно для осуществленія предпріятій, о которыхъ никогда не могли мечтать капиталы аристократической эпохи; то мы едва ли можемъ составить въ настоящую минуту достаточно вѣрное понятіе о громадности той силы, которая окажется въ рукахъ общества, гдѣ такіе средніе достатки станутъ достояніемъ большинства. Такимъ образомъ, если измѣненіе крѣпостнаго труда на наемный и дало Европѣ серьезный перевѣсъ передъ нами относительно успѣховъ во всѣхъ отрасляхъ хозяйственной и умственной культуры, то это не потому, что наемный трудъ способствовалъ къ скопленію отдѣльныхъ громадныхъ состояній, а потому только, что онъ прежде всего далъ возможность развиться до извѣстной степени и массѣ мелкихъ состояній.

Разливъ богатствъ въ массу составляетъ такимъ образомъ настоящій критеріумъ и признакъ народнаго могущества, а вовсе не образованіе отдѣльныхъ огромныхъ состояній. Потому-то осуждается съ политической точки зрѣнія не только крѣпостное барство, но и барство промышленное, ибо если первое не даетъ вовсе развиваться какимъ либо среднимъ достаткамъ, то второе допускаетъ такое развитіе въ слишкомъ ничтожныхъ и ограниченныхъ предѣлахъ. А между тѣмъ слѣдуетъ кажется обратить вниманіе на то, что между народами, какъ политическими единицами, идетъ та же конкуренція изъ-за богатствъ, какъ и между отдѣльными лицами. Никакой стачкой, никакой дипломатической сдѣлкой государство не обяжется не

развивать своего богатства далѣе другаго. Пока возможно было опережать другъ друга въ богатствѣ, опираясь на крѣпостной трудъ, до тѣхъ поръ отдѣльныя лица стояли за крѣпостное право и сами государства держались этой системы. Точно также, пока возможно богатѣніе, опирающееся на наемную систему, пока ни одно государство не вынуждено было искать источниковъ дальнѣйшаго богатѣнія въ дальнѣйшемъ разливѣ богатствъ въ массу, до тѣхъ поръ Европа можетъ держаться условной степени разлива богатствъ въ массу, которую допускаетъ ея батраческая система. Но нѣтъ сомнѣнія, что существующія государства будутъ вести неограниченную войну изъ-за богатствъ, а потому, идя далѣе, будутъ вступать все рѣшительнѣе на путь разлива богатствъ въ массу. И счастливѣйшимъ будетъ то, конечно, которое раньше другихъ вступитъ на этотъ путь. Счастливѣйшимъ потому, что сумма единичныхъ капиталовъ, какъ бы они ни были значительны, всегда составитъ дробь въ сравненіи съ тѣми капиталами, которые могутъ быть во всякое время составлены изъ среднихъ достатковъ массы въ томъ случаѣ, когда масса пользуется этими достатками. *Распространеніе достатка въ массу* составляетъ поэтому *законъ политическаго роста и силы націи*,—законъ, приближаясь къ которому, они только и опережали другъ друга въ своемъ развитіи...

Взаимная конкуренція между народами изъ-за богатствъ — вотъ та движущая сила, которая дѣятельно заставляла ихъ вступать на путь все большаго разлива богатствъ и образованія среднихъ состояній. И какъ бы они ни шли медленно по этому пути, несомнѣнно, что они вынуждены политическимъ интересомъ заходить по этому пути все далѣе и далѣе.

Какъ ограниченное развитіе богатствъ, допускаемое крѣпостными условіями, составляло приговоръ крѣпостной системы, точно также и ограниченное развитіе богатствъ, допускаемое батраческой системой, составитъ и политическій приговоръ на смерть этой системы. Государства Европы, придерживаясь внутри монопольныхъ или аристократическихъ системъ хозяйства — крѣпостной или батраческой, — тѣмъ самымъ останавливали, выражаясь безусловно, развитіе своей силы и своихъ богатствъ. Но между ними самыми отсталыми и несчастными были тѣ, которыя держались монополій въ грубѣйшей формѣ, такъ государства, державшіяся крѣпостной системы, наименѣе допускавшей образованіе среднихъ достатковъ, играли и наиболѣе второстепенную роль относительно цивилизаціи и матеріальнаго богатства. Ни пространныя владѣнія, ни масса зависимаго населенія, не давали Россіи

возможности конкуррировать относительно цивилизаціи и развитія богатствъ съ Европой. И напрасно было бы конечно скрывать тотъ фактъ, что страна наша эксплуатировалась въ матеріальномъ отношеніи европейцами почти какъ колонія. Система монополій, допускавшаяся внутри, отражалась такимъ образомъ совершенно категорически и на внѣшнихъ отношеніяхъ къ другимъ государствамъ, и здѣсь въ результатѣ государство расплачивалось тѣмъ болѣе отсталымъ и зависимымъ положеніемъ, чѣмъ болѣе монопольнымъ оттѣнкамъ отмѣчена была система его внутренняго хозяйства, чѣмъ менѣе способствовала эта система развитію среднихъ достатковъ.

Какъ развитіе высказаннаго закона о томъ, что усиленіе матеріальнаго могущества прямо пропорціонально развитію среднихъ достатковъ, мы можемъ поэтому признать неизбѣжное отраженіе уклоненія отъ этого закона на внѣшнемъ положеніи каждаго государства. Мы утверждаемъ: что хотимъ, «чтобы Россія вышла изъ своего отсталаго положенія относительно Европы, чтобы она догнала ее, и чѣмъ скорѣе, чѣмъ лучше». Но какъ же она достигнетъ этого, какъ не сознавъ, что единственный путь, ведущій къ матеріальному могуществу, есть развитіе среднихъ достатковъ въ массѣ, и выполнивъ это требованіе? О разливѣ богатствъ и образованіи среднихъ достатковъ въ массѣ, о перенесеніи центра тяжести культуры въ массу, заставляетъ насъ хлопотать нашъ собственный политическій интересъ,—а вовсе не о барствѣ.

Защита барства играетъ поэтому, какъ видите, весьма жалкую роль въ вопросѣ патріотизма. И я не знаю большой политической безтактности, которую могло было сдѣлать правительство его поощряя, и точно также не знаю, какъ назвать патріотизмъ, хвастающій своей расточительностью.

Европа, видите ли, будетъ идти къ тому, чтобы богатѣть на счетъ образованія среднихъ достатковъ; она будетъ хлопотать о корпоративномъ трудѣ, о рабочихъ обществахъ; мы будемъ все это называть еще соціализмомъ и занимать европейскій капиталъ на условіяхъ для того, чтобы отдавать ихъ на поощреніе владѣльческихъ хозяйствъ, дающихъ нуль процентовъ, и безкорыстный патріотизмъ будетъ нами руководить при этомъ.

Очевидно, защита барства въ принципѣ врядъ ли не заслуживаетъ названія совершенно противнаго патріотизму, и вопросъ сводится на личный вопросъ поддержать разрушившіяся въ барствѣ состоянія. Въ этой-то формѣ и займемся теперь вопросомъ. Въ

этомъ-то смыслѣ спрашивается, не есть ли пустая иллюзія весь нашъ разсчетъ поддержать эти состоянія, поддерживая барство какъ принципъ, не есть ли это напрасное раздраженіе воображенія, ни въ какомъ случаѣ неосуществимое? И не самое ли раціональное и единственно возможное; о чемъ можетъ идти рѣчь, это—облегченіе, которое могли бы найти землевладѣльцы въ поддержаніи цѣнности земель, у нихъ оставшихся?

Двѣ формы хозяйства поставлены крестьянской реформой рядомъ: старыя помѣщичьи усадьбы съ вольнонаемнымъ трудомъ и крестьянское сельское общество. Одна изъ этихъ формъ должна выгорѣть; двѣ рядомъ процвѣтать не могутъ: или крестьянское хозяйство возьметъ перевѣсъ, или помѣщичье. Если случится послѣднее, то крестьяне превратятся въ батраковъ, а нынѣшніе помѣщики въ конецъ разорятся и сдадутъ земли за безцѣнокъ кулакамъ-промышленникамъ, которые и будутъ настоящими помѣщиками. Если случится первое, то выиграютъ и крестьяне и помѣщики, ибо земля послѣднихъ скорѣе найдетъ выгодныхъ арендаторовъ и покупщиковъ между крестьянскими обществами, чѣмъ между случайными промышленниками изъ кулаковъ, и это тѣмъ скорѣе и выгоднѣе, чѣмъ въ лучшемъ положеніи будутъ находиться крестьяне.

Помѣщики, сколько извѣстно, утверждаютъ, что они не могутъ конкуррировать съ крестьянами и слѣдовательно обработывать сами своихъ земель, и между тѣмъ все-таки продолжаютъ толковать о поземельномъ кредитѣ на поправленіе своихъ хозяйствъ. Получая самый ничтожный процентъ отъ хозяйства, они не могутъ, стало быть, и выплатить процентовъ съ тѣхъ капиталовъ, которые могутъ быть имъ даны взаймы для поддержанія ихъ хозяйствъ. Поддержать ихъ хозяйство есть, стало быть, одно средство, это — зарѣзать крестьянское хозяйство, не хозяйственнымъ, а насильственнымъ путемъ — путемъ привилегій. Если же дать помѣщичьимъ хозяйствамъ только капиталы на поддержку хозяйствъ, т. е. остановиться на полумѣрѣ, то это будетъ значить только растратить капиталы, не поддержавъ помѣщичьихъ хозяйствъ — растратить капиталы, которые съ большею выгодой для самихъ помѣщиковъ могли бы быть употреблены на поддержаніе не помѣщичьихъ, а напротивъ крестьянскихъ хозяйствъ. Если кто нуждается поэтому въ кредитѣ, то это именно крестьянскія общества, для того, чтобы имѣть возможность купить помянутыя земли къ выгодѣ послѣднихъ же, а вовсе не помѣщики.

Такимъ образомъ представляется такая альтернатива: или зарѣ-

зать крестьянское хозяйство не хозяйственными путями, или въ выгодахъ самихъ помѣщиковъ поощрять эти хозяйства, потому что съ развитіемъ крестьянскихъ достатковъ и промышленности неизбѣжно возрастетъ и цѣнность помѣщичьихъ земель, — и эта-то поддержка для меня представляется единственно основательною, на которую можно разсчитывать для облегченія участи землевладѣльцевъ.

Если же остановиться на полумѣрѣ поощренія помѣщичьихъ хозяйствъ, то не выиграетъ уже ни помѣщичье хозяйсто, ни крестьянское, а выйдетъ новая комбинація, худшая изъ всѣхъ, потому что она не принесетъ пользы ни помѣщику, ни крестьянину. Помѣщикъ зарвется долгами, его земли пойдутъ съ молотка и будутъ скуплены кулаками, вмѣсто крестьянскихъ обществъ, скуплены за ничтожную плату — тогда-то дѣйствительно выгоритъ барство; но оно выгоритъ не для тѣхъ вовсе, кто о немъ хлопочетъ теперь, оно выгоритъ въ пользу кулаковъ-промышленниковъ. Поэтому, исправить положенія 19-го февраля въ пользу помѣщиковъ нельзя, какъ думаютъ наши баричи, можно только испортить положенія 19-го февраля для крестьянскихъ обществъ; исправить же ихъ можно только для кулаковъ-промышленниковъ, которые при недостаточномъ развитіи крестьянскихъ обществъ и дальнѣйшемъ разореніи помѣщиковъ поддержками и кредитами, скупятъ рано или поздно помѣщичьи земли съ молотка. Я не знаю поэтому, какую выгоду находятъ защитники дворянскихъ интересовъ въ поддержкѣ барскаго начала. На мой взглядъ вся эта поддержка есть безкорыстнѣйшая изъ услугъ и жертвъ со стороны дворянства своими собственными интересами въ пользу кулаковъ-промышленниковъ. И этого-то вотъ не видятъ слабоголовые дворянскіе публицисты. Каковы бы ни были послѣдніе результаты, если бы мы предположили, что нашимъ адептамъ барскаго толка удалось къ разоренію крестьянъ вновь утвердить у насъ барскія отношенія въ той или другой формѣ, сохранить барскіе нравы и привычки, барскую цивилизацію и обезпечить царство стерляжьихъ пировъ, безумныхъ содержанокъ и т. п., — все это ими будетъ устроено не для того барства, о которомъ они хлопочутъ теперь,—все это ими будетъ устроено и всѣмъ этимъ воспользуются только кулаки-промышленники. Они будутъ барствовать во всякомъ случаѣ. И ихъ барство ничѣмъ не улучшитъ положенія, а напротивъ только ускоритъ разореніе и ухудшитъ положеніе нынѣшняго владѣющаго сословія.

Повторяемъ, этому послѣднему не спасти своего положенія. У него нѣтъ для этого ни капиталовъ, ни предпріимчивости, ни про-

мышленныхъ и реальныхъ знаній и опыта. И потому, если уже выражаться ихъ языкомъ, имъ остается выбирать между двумя видами барства, или барствомъ крестьянскаго села, крестьянскихъ и городскихъ общинъ, или барствомъ кулаковъ-промышленниковъ. Въ этомъ-то съ точки зрѣнія ихъ интересовъ не можетъ быть, говорю я, затрудненія. Неумѣющіе наживать, лишенные предпріимчивости, знанія и энергіи, ограниченные въ своей предпріимчивости эксплуатаціей своихъ земель, которая не можетъ продолжаться выгодно по ихъ собственному сознанію—они могутъ разсчитывать на одно, это на цѣнность своихъ земель. Если ихъ положеніе жалко и сомнительно, то это потому, что земля эта имѣетъ сама по себѣ слишкомъ мало цѣнности. Для нихъ остается поэтому одна возможная надежда, одинъ разсчетъ, это—чтобы земля эта пріобрѣла бо́льшую цѣнность. А земля можетъ пріобрѣсти эту цѣнность только при возрастаніи общаго богатства съ успѣхами народной производительности, а не при ея дальнѣйшемъ упадкѣ. Всякій же заемъ, заключенный лично нынѣшними владѣльцами для поправленія собственнаго хозяйства нынѣшнихъ владѣльцевъ, только уронитъ еще болѣе производительность, поведетъ къ убыточной растратѣ труда и капиталовъ и слѣдовательно въ концѣ концовъ еще болѣе убьетъ и понизитъ цѣнность помѣщичьихъ земель; земли эти тѣмъ легче перейдутъ за безцѣнокъ въ руки кулаковъ-предпринимателей въ ущербъ помѣщиковъ и совершенный ущербъ ихъ дѣтей, которые будутъ воспитаны въ гостинномъ тунеядствѣ и не будутъ знать, за какое дѣло взяться ради куска хлѣба. А можно разсчитывать и по тѣмъ процентамъ, на которые можетъ быть заключенъ такой заемъ, и по тѣмъ доходамъ, которые могутъ быть получены отъ имѣній землевладѣльцами, что никакой заемъ не можетъ быть ими выдержанъ. Возрастаніе поземельной цѣнности предстаавляется поэтому единственнымъ условіемъ, отъ котораго можетъ ждать кой-какихъ достатковъ настоящее владѣющее сословіе и для себя, и для своихъ дѣтей.

И такъ, спрашиваю у нихъ еще разъ, что же для нихъ выгоднѣе;—когда ихъ земля должна подняться въ цѣнѣ равномѣрнѣе, быстрѣе и повсемѣстнѣе? Не тогда ли именно, когда разовьется промышленность и предпріимчивость крестьянскихъ селъ, а не одиночная, разбросанная и случайная предпріимчивость кулаковъ-предпринимателей? Есть ли для нихъ какой либо разсчетъ стѣснять развитіе богатства крестьянъ и ихъ обществъ, убить развитіе сельскихъ обществъ и предпріимчивость какими бы то ни было внѣшними мѣрами, отнять въ

свои руки и истратить попусту капиталы, которые могли бы быть отданы именно на развитіе промышленности крестьянскихъ обществъ для того, чтобы въ концѣ концовъ отдать свои земли за безцѣнокъ случайнымъ спекуляторамъ и оставить дѣтей безъ средствъ?

И такъ, даже съ чисто эгоистической точки зрѣнія, не говоря уже о нравственныхъ и патріотическихъ цѣляхъ, для нашего владѣльческаго сословія менѣе всего представляется выгодною та защита барскаго начала въ ущербъ крестьянамъ, какую они преслѣдуютъ пять лѣтъ сряду въ ущербъ себѣ, въ ущербъ народу, въ ущербъ собственнымъ дѣтямъ. Они готовятъ себѣ послѣднее разореніе, народу царство кулаковъ-предпринимателей, своимъ дѣтямъ лакейскую службу у этихъ кулаковъ за прилавкомъ. Они готовятъ этимъ дѣтямъ даже нѣчто лучшее. Уже не малая доля ихъ и до сихъ поръ жила лизоблюдствомъ и прокармливалась откупщиками, разжившимися ростовщиками и счастливыми аферистами всякаго рода. Когда разовьется новое царство кулаковъ-промышленниковъ, тогда презирающіе трудъ, унижающій дворянскія руки, покумятся съ этими кулаками, повыдавъ за нихъ дочерей, поженивъ сыновей на кулацкихъ дочкахъ, или займутся у нихъ просто нахлѣбничествомъ. Дѣйствительно можно разсчитывать, что и будущее барство кулаковъ будетъ находить свой разсчетъ держать свою изящную салонную сволочь, свой комплектъ праздной прислуги, своихъ преторіанцевъ, готовыхъ за бутылку шампанскаго продать народъ и все, что угодно, и составляющихъ не малую поддержку всякаго принципа, способнаго выставить эту бутылку.

Воспитанное въ классической праздности, юношество до извѣстной степени дѣйствительно найдетъ себѣ въ будущемъ такую роль, и не для такой ли роли защитники барства требуютъ для этого юношества классическаго образованія? Роль дѣйствительная,—но какая роль! Не достойнѣе ли, честнѣе и лучше было бы, по крайней мѣрѣ, знать этому юношеству, что оно не можетъ болѣе нахлѣбничать, а что если работаетъ и служитъ чему нибудь, то работаетъ не кулаку-промышленнику, а дѣйствительному богатѣнію націи въ лицѣ земскихъ обществъ. Юношество въ своемъ стремленіи искать трудоваго куска и связи между этимъ кускомъ хлѣба и образованіемъ именно и протестовало противъ нахлѣбничества. Важно было не только то, конечно, чтобы это стремленіе не было убито, но желательно было бы еще нѣчто болѣе. Важно было, чтобы въ томъ случаѣ даже, когда бы оно вооружено было положительными знаніями, имѣющими цѣну на рынкѣ,—это юношество не принуждено было сознаться, что найдя

помѣщеніе своимъ знаніямъ въ тѣхъ или другихъ промышленныхъ предпріятіяхъ, оно служитъ при этомъ изъ-за куска хлѣба богатѣнію кулаковъ-предпринимателей на счетъ народа, а что служитъ оно богатству самаго народа, служитъ земской предпріимчивости сельскихъ и городскихъ обществъ, а не кулакамъ-предпринимателямъ.

И молодое поколѣніе могло бы вступить въ жизнь съ этимъ послѣднимъ сознаніемъ, если бы нынѣшнее образованное и владѣющее сословіе болѣе понимало свои настоящія выгоды и сколько нибудь думало объ интересахъ своихъ дѣтей,—если бы оно понимало, по крайней мѣрѣ, что хлопоча о барствѣ, оно хлопочетъ о своемъ послѣднемъ разореніи, о самомъ жалкомъ униженіи для своихъ потомковъ.

Вмѣсто того пять лѣтъ сряду мы наблюдаемъ въ нѣкоторыхъ партіяхъ одно близорукое стремленіе убить крестьянское развитіе, одно желаніе занять и растратить послѣдніе капиталы. Глядя на все это, я готовъ сказать, что эти люди не умѣютъ еще вовсе понимать собственныхъ интересовъ, не говоря уже объ интересахъ гражданскихъ и общественныхъ, и готовы изувѣчить и сами себя и попортить народу. Нашъ патріотизмъ поэтому по меньшей мѣрѣ медвѣжій, наша любовь къ дѣтямъ не осмыслена, а о настоящей любви къ народу не имѣется и подозрѣнія. Но этого мало, нѣтъ настоящей любви и къ самимъ себѣ, и мы еще готовы испортить всю жизнь для того, чтобы имѣть возможность поважничать сегодня. Несомнѣнно, найдутся всегда люди, которые воспользуются такимъ нашимъ настроеніемъ; этихъ-то людей я и называю кулаками-промышленниками. Несомнѣнно, найдутся и публицисты, которые поддержатъ ихъ въ такомъ рвеніи, потому что мы за это преподнесемъ имъ чернилицу. Но мнѣ достаточно сказать два слова для того, чтобы обратить этотъ дорогой подарокъ изъ предмета гордости въ предметъ срама.

Статьи, за которыя преподнесенъ былъ этотъ подарокъ, написаны были вовсе не чернилами; онѣ были написаны опивками отъ барскихъ обѣдовъ. Отъ этого-то въ нихъ столько виннаго бреда и пьяной фразистости, столько барской похоти къ крѣпостничеству; но нѣтъ главнаго—это серьезнаго пониманія интересовъ тѣхъ, кому онѣ служатъ. Все это было написано болѣе не для тебя, русское землевладѣніе, все это было написано для кулаковъ-промышленниковъ, нѣмцевъ—кого угодно, но не для тебя, словомъ, для ряда аферистовъ, выжидающихъ только удобнаго часа для того, чтобы овладѣть твоими землями, и русскіе землевладѣльцы только даромъ тѣшились и платили за все это послѣднія деньги.

Послѣ этого можно спросить: не въ интересахъ ли тѣхъ же кулаковъ-промышленниковъ, былъ поднятъ въ числѣ прочихъ поощреній барства и процессъ противъ молодаго поколѣнія, которое, слѣдовательно, вѣрнѣе самихъ землевладѣльцевъ понимало настоящіе интересы нынѣшняго землевладѣнія и интересы страны, и свои собственные.

Во всякомъ случаѣ должно быть очевидно, что вопросъ молодаго поколѣнія представлялъ еще одну серьезную сторону, это, чтобы это поколѣніе не только нашло кусокъ хлѣба, но и не было принесено въ жертву кулакамъ-промышленникамъ. Подымая процессъ противъ него, мы напротивъ 1) не хотѣли, чтобы оно нашло трудовой кусокъ, 2) хотѣли, чтобы оно могло выбирать только между прилавкомъ или нахлѣбничествомъ у кулаковъ-аферистовъ. И мы имѣли совѣсть думать, что хлопотали о дѣтяхъ, о нравственности, мы имѣли смѣлость думать, что сочувствуемъ при этомъ либеральнымъ начинаніямъ!

Въ чемъ же были несогласны съ нравственностью стремленія молодаго поколѣнія, скажу болѣе, въ чемъ онѣ были несогласны съ интересами стараго? Юношество хотѣло знаній, которыя дали бы ему роль практическихъ дѣятелей, оно хотѣло служить положительному успѣху общественной производительности хозяйства и культуры; поэтому оно искало реальныхъ знаній. Юношество хотѣло эти знанія примѣнить къ дѣйствительному успѣху и развитію поставленной на очередь народной жизни и къ богатству сельскихъ обществъ, а не къ богатѣнію аферистовъ. Что же тутъ было безнравственнаго и такого, что бы не согласовалось, какъ теперь можно спросить, и съ интересами политическими, и съ интересами самаго дворянства, и съ заявленными правительствомъ тенденціями?

Требованія юношества несомнѣнно были нравственнѣе службы и нахлѣбничества у кулаковъ промышленниковъ, которую мы хотѣли имъ дать. Но мы все еще представляемъ себѣ, что жизнь не готова для того, чтобы предложить человѣку въ нее вступающему вполнѣ нравственное, неунижающее, неоскорбляющее положеніе. Въ такомъ случаѣ всѣ наши заботы о нравственности выходятъ пустымъ лицемѣріемъ. Двухъ вещей требуетъ человѣкъ вступающій въ жизнь для того, чтобы мы могли судить его послѣ за его безнравственность: 1) труда, дающаго прочное обезпеченіе; 2) такого труда, который не противорѣчилъ бы общимъ интересамъ, словомъ труда на общество, а не на исключительныя лица. Пока мы этого не устроимъ, мы не выполнимъ дѣтскаго вопроса.

О выполненіи этихъ требованій мы скажемъ послѣ. Скажемъ также въ своемъ мѣстѣ и о слабыхъ сторонахъ молодаго поколѣнія, объ его недостаткахъ и увлеченіяхъ. Теперь же остановимся еще на одной сторонѣ вопроса, упустить изъ виду которой мы не имѣемъ права.

Все, что нами было говорено до сихъ поръ, касалось той роли, которую игралъ въ дѣтскомъ вопросѣ читатель.

Читатель былъ очевидно сбитъ съ толку, введенъ въ заблужденіе и поставленъ въ странное до крайности отношеніе къ собственнымъ дѣтямъ.

Но не въ одномъ заблужденіи частнаго читателя была сила, испортившая этотъ вопросъ, и мы были бы несправедливы, еслибы приписали всю вину въ этомъ случаѣ увлеченію ложной точкой зрѣнія одного частнаго читателя. Мы чувствуемъ, что наше изложеніе было бы далеко не полно, если бы мы не объяснили вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти и тѣхъ средствъ, которыя были употребляемы до сихъ поръ для дѣйствія на воображеніе простаго читателя.

Если чье имя будетъ неразрывно связано съ судьбой нашего молодаго поколѣнія, то это—имя московскаго публициста Каткова: онъ игралъ такую видную роль во всемъ этомъ дѣтскомъ процессѣ, и игралъ ее такъ усердно, онъ столько хлопоталъ о томъ, чтобы образованіе было лишено реальныхъ основъ, столько хлопоталъ о батрачествѣ, какъ крестьянъ, такъ и юношества, что тѣ и другіе будутъ ему вѣкъ благодарны.

Рядомъ съ откровеннымъ заявленіемъ своихъ крѣпостническихъ тенденцій, московская Майя заявила въ то же время столь же категорически претензію на руководство административныхъ сферъ своими попечительными совѣтами и на очарованіе администраціи своей навязчивой услужливостью, и доходила до такого безцеремоннаго контроля съ своей точки зрѣнія и навязыванія своихъ мнѣній нѣкоторымъ частямъ оффиціальной іерархіи, что при невозможности для прочихъ частныхъ органовъ контролировать печатно въ той же степени дѣйствія оффиціальныхъ лицъ, монополія въ этомъ отношеніи одного органа, который въ то же время величалъ себя частнымъ, представлялась весьма серьезной шалостью.

Мы вотъ также не обращали бы никакого вниманія на всѣ эти шалости московской литературной Аспазіи, на всю эту фантасмагорію партій, на все это политическое резонерство, похожее само по себѣ на фарсъ; мы не обратили бы никакого вниманія на все это проти-

вопоставленіе украйнофиловъ руссофиламъ, нигилистовъ благонамѣреннымъ, на все это травленіе дѣтей противъ отцовъ и обратно. Дѣло не въ выходкахъ и инкриминаціяхъ нѣсколькихъ литературщиковъ.

Дѣло просто въ томъ, что намъ кажется въ свою очередь, что пропаганда подобная той, какую вели московскіе публицисты, гораздо рѣшительнѣе всякаго украйнофильства и нигилизма можетъ дѣйствовать не на одни частныя сферы; и мы находимъ несообразнымъ и вреднымъ, чтобы газета частная, какою называли себя «Московскія Вѣдомости», въ одно и то же время пропагандировала извращеніе въ крѣпостную сторону и положеній 19 февраля, и положеній о земскихъ учрежденіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прикидывалась заступницей администраціи, отказывающейся отъ крѣпостныхъ началъ.

Повторяемъ, мы видѣли мало связи между администраціей, отказавшейся отъ крѣпостныхъ началъ, и блюстительствомъ интересовъ той же администраціи со стороны газеты, всѣ тенденціи которой чисто крѣпостническія.

Если «Голосъ», получая субсидіи, дискредитировалъ администрацію, по мнѣнію «Московскихъ Вѣдомостей», потворствуя, необъясненнымъ «Московскими Вѣдомостями» образомъ, нигилистическому резонерству, то «Московскія Вѣдомости», будучи газетой вполнѣ крѣпостнической, еще болѣе дискредитировали ту же администрацію, принимая на себя роль ея заступницы и въ то же время стараясь направить административные взгляды на точку зрѣнія политическаго террора, которая была самой удобной для того, чтобы вызвать реакцію въ административныхъ дѣйствіяхъ и въ крестьянскомъ дѣлѣ, и въ остальныхъ, и вслѣдствіе которой и былъ поставленъ на сцену процессъ противъ молодаго поколѣнія.

Мы не принимаемъ на себя роли ни опекуновъ, ни поучителей администраціи, которой намъ никто не давалъ; послѣдняя должна лучше насъ знать, что подходитъ къ ея цѣлямъ. Мы не принимаемъ на себя навязывать нашихъ взглядовъ исполнителямъ административныхъ распоряженій. Для этого у администраціи есть свои органы. Но мы прямо находимъ ненормальнымъ и соблазнительнымъ, чтобы такая роль была предоставляема въ монополію какому либо частному органу, ибо въ такомъ случаѣ вліяніе этого органа становится слишкомъ рѣшительно и оффиціально. Въ этихъ-то видахъ мы также имѣемъ право обращать вниманіе на пропаганду воззрѣній, которыя могутъ оставаться безъ особыхъ послѣдствій, пока они вращаются въ сферѣ частныхъ лицъ, но становятся гораздо серьезнѣе, когда рас-

пространяются на лицъ, имѣющихъ прямое оффиціальное вліяніе на дѣло, какъ бы ни была мелка сфера ихъ оффиціальнаго вліянія. И чѣмъ мельче эта сфера, тѣмъ страшнѣе кажется и самое вліяніе потому уже, что здѣсь это вліяніе всего доступнѣе и легче для всякаго извращенія истины, легче съ двухъ сторонъ: во-первыхъ, мелкое чиновничество находится въ большей зависимости въ своей дѣятельности отъ окружающей ихъ среды, вовторыхъ, его дѣйствія неуловимыдля контроля.

И если украйнофильство казалось серьезнымъ «Московскимъ Вѣдомостямъ» потому только, что въ народныхъ школахъ распространялось ученіе малорусскому языку, то какимъ должно казаться намъ проникновеніе въ упомянутыя сферы всей этой выдумки партій, для ловленія въ мутной обстановкѣ остатковъ крѣпостнаго произвола и дѣтскаго хлѣба?

Прежде всего, въ какое положеніе ставится мелкая администрація, обязанная вводить реформы, разсчитанныя на уничтоженіе крѣпостничества, оффиціозной ролью, которую принимаетъ на себя газета вполнѣ крѣпостническая? Способствуетъ ли это къ поддержкѣ реформы и ея цѣлей? Соотвѣтствуетъ ли достоинству правительства, отвѣчающаго за эти реформы, открытое браверство буквой закона, которому поучаетъ крѣпостническій органъ съ одной стороны, съ другой прикрываясь его симпатіями и напрашиваясь къ нему съ своими услугами? Администрація, уничтожающая крѣпостничество, не можетъ имѣть ни одного пункта соприкосновенія съ органомъ въ корнѣ крѣпостническимъ. Разобщеніе тутъ слишкомъ очевидно глубоко для того, чтобы могъ быть допущенъ какой либо компромиссъ, подъ условіемъ котораго она могла бы принять какія либо услуги, какую либо помощь, не заплативъ за нее втридорога, не уступивъ противнымъ ей тенденціямъ въ существѣ дѣла, не становясь въ противорѣчіе сама съ собою, не поставивъ въ недоразумѣніе и своихъ болѣе мелкихъ исполнителей, и все общество?

Но это не самое главное: полуоффиціозное положеніе, въ которое самозванно ставитъ себя органъ, очевидно чуждый всему, что ждало общество лучшаго отъ администраціи, могло имѣть извѣстное угнетающее вліяніе на дѣятельность извѣстныхъ слоевъ администраціи, но и только. Несравненно хуже и серьезнѣе тѣ мотивы, во имя которыхъ совершалось это вліяніе, которые подсказывала московская газета для оправданія своего вліянія не на одни частныя мнѣнія, и которые она форсированно ставила на видъ и хотѣла ввести въ программу оффиціальнаго руководства.

Это мотивы той борьбы партій, которую московскія газеты старались возвести на степень дѣйствительнаго факта; это усилие навязать самимъ административнымъ слоямъ московское воззрѣніе на украйнофильство и нигилизмъ, какъ на явленія политическія, на которыя слѣдуетъ смотрѣть и противъ которыхъ слѣдуетъ дѣйствовать политическими способами.

Спасеніе крѣпостничества въ его корнѣ, въ воззрѣніяхъ молодаго поколѣнія, въ самыхъ школахъ конечно казалось московской газетѣ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ болѣе сама администрація школъ будетъ проникнута воззрѣніемъ на приходскихъ учениковъ, какъ на политическую партію. Горобецъ долженъ былъ составить политическую грозу не только крѣпостничества вообще, но и всего соціальнаго порядка; грозу для самой училищной администраціи, которая, если не находила въ своихъ школахъ достаточнаго количества Горобцовъ для того, чтобы принять ихъ за политическую партію, то была предупреждаема въ этихъ находкахъ заплечными публицистами и предаваема публично инкриминаціи. Терроризація общества присутствіемъ партій, терроризація чиновниковъ и исполнителей публичными доносами въ потворствѣ нигилизму, одѣтому для вящшаго эффекта въ конфедератку польскаго возстанія, съ краснымъ пѣтухомъ въ рукахъ,—и все это для спасенія розогъ въ селахъ, розогъ въ школахъ, розогъ въ семьяхъ и развитія раздраженія между лицами, болѣе всего близкими другъ другу!

Обыски въ учебникахъ, навязываніе классицизма училищной администраціи, подъ страхомъ инкриминаціи въ сочувствіи польскому возстанію, и отождествленіе реальныхъ знаній съ бунтомъ,—словомъ, насильственное врывательство въ административную сферу тѣмъ или другимъ способомъ! Спрашивается: принадлежитъ ли все это къ числу такихъ явленій, которыя бы не были очевидно возмутительны? Всякій долженъ сознавать, что одна возможность противодѣйствія оттѣняетъ уже совершенно иначе и отношенія администраціи къ такому органу, какъ «Московскія Вѣдомости», въ глазахъ публики, и вмѣстѣ съ тѣмъ избавляетъ низшихъ исполнителей отъ двойственной зависимости и двойственнаго соображенія своихъ дѣйствій съ одной стороны съ тѣмъ, что скажетъ непосредственная власть, съ другой—съ тѣмъ, что скажутъ «Московскія Вѣдомости».

И вотъ, становясь на точку зрѣнія такого-то права, необходимаго литературѣ, мы съ сердечнымъ сокрушеніемъ должны сказать, что вся трехъ-годичная дѣятельность московскихъ шалуновъ состояла

лишь въ томъ, чтобы останавливать на полдорогѣ—не только общественное, но по возможности и административное сознаніе, отъ пониманія насущныхъ текущихъ явленій, и въ тщательномъ отыскиваніи предлоговъ для терроризаціи одной части общества другою, и для терроризаціи исполнителей. Да и какъ не глядѣть въ два глаза этимъ исполнителямъ, если эта терроризація не ограничивается одними мелкими исполнителями. Если та же Майя травитъ своими доносами и поклепами чиновничью мелочь за урядъ съ нигилистами и сепаратистами всякаго рода, то забираясь въ барскій покой, тономъ стараго лакея, конечно—которому прощается грубость, потому что она прикрывается въ настоящемъ случаѣ избыткомъ мнимой преданности и мнимыхъ старыхъ заслугъ,—но все-таки привилегированнымъ тономъ она дерзаетъ тревожить вмѣстѣ съ тѣмъ самыя центральныя распоряженія.

Нужно сказать, что эти забѣганія въ высшія сферы оффиціальнаго лагеря имѣли до сихъ поръ нѣчто особенно пряное и раздражающее для своего круга читателей. Они производили и производятъ, если сказать правду, нисколько не меньшій азартъ въ извѣстномъ кругу, чѣмъ азартъ, производившійся запрещенными листками между Горобцами-нигилистами. Да, читатель, и особенно московскій читатель, я къ тебѣ обращаюсь спеціально, не думай теперь, что Горобцы случались только въ молодомъ поколѣніи, принявшемъ свое крещеніе отъ Базарова.

То-то и особенно грустно, что такихъ же Горобцовъ оказалось гораздо болѣе въ старомъ; они-то, посѣдѣвшіе Горобцы, носились и носятся съ этими московскими протестаціями противъ оффиціальныхъ циркуляровъ точно съ подметными листками. Пряча въ карманъ катковскія грубости петербургскимъ управленіямъ, какъ запрещенный плодъ, они засасывались въ эти строчки, начертанныя рукой, «мокающей перо въ разумъ», и ихъ лысыя головы восхищались въ это время лысой мыслью о томъ, что они составляютъ силу и партію, которая можетъ постоять за себя передъ кѣмъ угодно, и вести рѣчь съ кѣмъ угодно на равныхъ и даже высшихъ правахъ. О патріотизмѣ ли они думаютъ въ эти минуты, это другой вопросъ; но во всякомъ случаѣ все это пріятно щекочетъ барское самолюбіе, оно даетъ пищу тому, что называется своего рода разговоромъ съ перспективами, и жалко то только, что въ концѣ всѣхъ перспективъ ничего нѣтъ въ виду, кромѣ крѣпостничества, сооружающагося въ партію несравненно болѣе категорическую и положительную, какъ показали обстоя-

тельства, чѣмъ всѣ нигилизмы, сепаратизмы и прочее взятое вмѣстѣ. Партія эта до того внушительна, что мы не видѣли до сей поры протеста противъ солидарности съ нею со стороны какой либо части нашего землевладѣнія, хотя протестовать противъ такой солидарности было обязательно для большинства землевладѣльцевъ, ибо общественное мнѣніе замыкало въ эту партію всѣхъ, чей интересъ вязался только съ интересомъ русскаго землевладѣльца; а мы не хотимъ допустить мысли, чтобы наше землевладѣніе было, вообще говоря, въ массѣ, катковскаго толка. Повторяемъ, мы не хотимъ относить нашихъ словъ къ массѣ нашего землевладѣнія, а только къ тѣмъ посѣдѣвшимъ Горобцамъ, которые носились послѣдніе три года сряду съ катковскими прокламаціями и перспективами своей барской партіи точно также, какъ акцизные чиновники и провинціальные офицеры и барышни съ «Русскимъ Словомъ».

За нѣсколько лѣтъ рьяной дѣятельности, г. Катковъ до того вошелъ въ роль администратора въ администраціи, что ему кажется наконецъ не нормальнымъ, если его бредни, за которыми въ сущности ничего не кроется, кромѣ крѣпостничества, встрѣчаютъ како либо сомнѣніе въ оффиціальномъ мірѣ. Майя оскорбляется, когда ея навязчивая услужливость надоѣдаетъ донельзя и ей циркулярно отвѣчаютъ «*будетъ*».—Въ этихъ-то случаяхъ она спѣшитъ побудировать это «будетъ» и поломаться надъ оффиціальнымъ распоряженіемъ, и это даетъ ей возможность придать новую возбуждающую на иной вкусъ свѣжесть давно пережеванному вздору, которымъ она душитъ своихъ читателей.

Но вотъ съ помощью такой-то терроризаціи однихъ и увлеченіи другихъ пряными перспективами, намекающими посѣдѣлымъ Горобцамъ на возможность образовать изъ себя дѣятельную партію, извѣстная доля читателей становились въ ложное отношеніе и къ крестьянскому, и къ дѣтскому вопросу, и занималась волей или неволей созиданіемъ своего рода партіи, совершенно параллельной Горобцамъ-нигилистамъ, — партіи, которая думала, какъ мы видѣли, утвердить начало барства, но въ сущности готовила и себѣ, и дѣтямъ, и народу одно батрачество.

Она вступила въ свою роль доносомъ на молодое поколѣніе въ петербургскихъ пожарахъ, и это было столь удачно, что она продолжала этотъ способъ дѣйствія, разсчитывая, что пока будетъ возможно играть на всякаго рода страхахъ, ее не перестанутъ поддерживать, какъ противоядіе. Для нея клевета на молодое поколѣніе обратилась

поэтому въ индустрію, и на это пора, я думаю, обратить кой-какое вниманіе.

Мы не хотимъ и совершенно вправѣ не хотѣть, чтобы партія, совершенно нелѣпая и вредная по своимъ основаніямъ, развивалась среди насъ на счетъ народа, дѣтей и интересовъ самихъ землевладѣльцевъ. Мы не хотимъ базаровскаго нигилизма, но не хотимъ и барскаго нигилизма, который можетъ съ нимъ во всемъ спорить и всѣ принципы котораго начинаются и кончаются тунеядствомъ. Тѣмъ менѣе хотимъ конечно, чтобы судьба молодаго поколѣнія просто на просто эксплуатировалась и послѣднее открывалось всевозможнымъ преслѣдованіямъ для того только, чтобы служить подножкой застарѣлому тунеядству, съ помощью которой оно могло бы забавляться подъ этотъ шумъ своей пропагандой.

Съ этой-то стороны мы прежде всего считали бы важнымъ для благополучія нашего юношества серьезное вниманіе къ нашей точкѣ зрѣнія на вопросъ. Пусть поймутъ, что желая этого вниманія, мы ничего не имѣемъ въ виду, кромѣ устраненія вреднѣйшаго изъ предубѣжденій, мѣшающаго совершить все благое, что можно было бы сдѣлать и для страны, и для молодаго поколѣнія—кромѣ искренняго стремленія вернуть отцовъ къ дѣтямъ. Пусть поймутъ, что все, что было прискорбнаго въ этомъ увлеченіи несчастнаго читателя московской точкой зрѣнія, не уничтожило самихъ вопросовъ, а только отдалило ихъ рѣшеніе. Самые же вопросы становятся насущнѣе, чѣмъ когда либо.

Библиотека ...ости ...